

Министерство образования и науки Республики Татарстан
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

**МЕЖВЕДОМСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ
1910–1911 ГОДОВ О ПОСТАНОВКЕ
ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В МЕСТНОСТЯХ С ИНОРОДЧЕСКИМ
И ИНОСЛАВНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ:
ЖУРНАЛ**

Казань – 2017

УДК 94(47)
ББК 63.3(2Рос=Тат)
М 43

Серия «Исламские институты в Российской империи»

Межведомственное совещание 1910–1911 годов о постановке школьного образования в местностях с инородческим и инославным населением: Журнал / Сост., авт. статей, прим., указ. и сокр. И.К. Загидуллин. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. – 292 с.

ISBN 978-5-94981-261-7

На обложке: фрагмент фотографии «Земская школа. 1908 г.» (<http://www.liveinternet.ru/users/3575290/post415097044/>).

© Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017

© Загидуллин И.К., 2017

Основные направления школьной политики правительства в национальных регионах в 1802–1907 гг.¹

Расширение территории России в последней трети XVIII – XIX вв. привело к существенному обновлению этнического состава населения империи. Разделы Польши, присоединение Финляндии, Грузии в начале XIX в. качественно изменили «национальный вопрос» в империи. Вследствие аннексии восточных территорий среди российских подданных существенно увеличился удельный вес мусульман. В результате двух войн с Ираном были присоединены азербайджанцы (1813 г.). Кавказская война завершилась захватом земель чеченцев, ингушей, черкесов и других народов. Империя расширилась за счет Средней Азии, завершилось присоединение земель казахов.

Согласно материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. русские составляли менее половины российских подданных (44,31%). Численное большинство представляли так называемые этноконфессиональные меньшинства, обладавшие собственными культурными традициями и отличившиеся разным уровнем и разными темпами социально-экономического и общественного развития. Вслед за украинцами (17,8%) тюркские народы представляли 10,8% (13,6 млн. чел.) российских подданных. Другой, не менее важный, результат российской экспансии – качественные изменения в конфессиональной топографии империи: мусульмане стали второй по численности группой подданных (11,6%) после православных (72%)².

В этническом «разрезе» российских подданных поляки насчитывали 7931,3 тыс. чел., или 6,31% подданных, евреи – 5063,2 тыс. (4,03%), латыши – 1435,3 тыс. (1,14%), литовцы – 1659,1 тыс. (1,32%), финны – 143,1 тыс. (0,11%), волжские татары – 1834,2 тыс. (1,46%),

¹ Попытка составления примечаний к тексту журнала Межведомственного совещания показала сложность раскрытия в таком формате предыстории возникших для российской власти проблем «школьного вопроса». Поэтому наиболее оптимальным мы посчитали написание краткого очерка об основных тенденциях и механизмах реализации самодержавием школьной политики в национальных регионах и разнообразии цивилизационно-образовательного пространства государства.

² Россия в начале XX века / под ред. акад. А.Н. Яковлева. М., 2002. С.89.

грузины – 1352,5 тыс. (1,08%), азербайджанцы – 1440 тыс. (1,15%), армяне – 1173,1 тыс. (0,93%) и др.³

Расширение империй предполагает, как минимум, три этапа в каждом новом присоединенном регионе: аннексия, колонизация, интеграция⁴. На части окраин, присоединенных в последней четверти XVIII – XIX вв., второй важнейший элемент становления империи был усеченным: преобладала военно-административная колонизация, которая впоследствии дополнялась духовно-идеологической колонизацией. Отсутствие свободных земельных угодий, высокая плотность населения и другие факторы сделали для имперского центра трудно-выполнимой организацию массовой русской колонизации на западных окраинах, как это было осуществлено в Поволжье, на землях бывшего Крымского ханства, или реализовалось в рамках правительственной переселенческой политики в Приуралье и Казахской степи, а также в Сибири. Западные районы отличались высоким уровнем промышленного производства. В результате сохранялся низкий уровень проникновения в регион русского элемента вплоть до падения самодержавия. В Туркестанском крае, Закавказье и на Северном Кавказе удельный вес нерусского элемента в составе населения также оставлял желать лучшего⁵.

Истоки «инородческого школьного вопроса»

Ограниченность объема статьи вынуждает нас рассмотреть сюжеты о школьной политике правительства в национальных регионах империи в сжатой и тезисной форме.

1. После разделов Польши и присоединения к России, без каких-либо изменений социальных структур, новых территорий, культурные традиции народов которых основывались на европейских ценностях (Петр I сделал их образцом подражания для себя и российской элиты), российская государственная машина столкнулась с серьезными вызовами.

На момент аннексии новых территорий государство выступало гарантом сохранения прав местной элиты, сложившихся обществен-

³ *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. Пер. с немецкого *С.Червонной.* М., 1996. Табл. 3. С. 292–293.

⁴ *Циунчук Р.А.* Российская империя как система «центр-окраины» // Окраины Московского государства и Российской империи: инновационные подходы в изучении Имперской истории России. Казань, 2012. С.60.

⁵ *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя... С.101–106.

ных отношений, сохранения за местным государственным языком прежнего статуса. Этот принцип был призван обеспечивать законопослушность новых подданных и стать основой интеграционных процессов. Именно политический аспект вопроса – степень лояльности или нелояльности местных элит – во многом определял отношение имперского центра к окраинам.

В этой связи весьма знаменательным представляется такое историческое событие, как дарование в 1815 г. Александром I Царству Польскому Конституции, которая гарантировала свободу печати, неприкосновенность личности, отменила конфискацию имущества и административную ссылку, ввела употребление польского языка во всех правительственных учреждениях Царства Польского и обязательное замещение всех должностей в администрации, суде и войске его подданными. Законодательным органом являлся сейм, состоявший из короля и двух палат, не имевших законодательной инициативы. Царством Польским управлял назначенный императором наместник⁶.

Европейские историки делят российские народы на «старые нации», представленные поляками, грузинами, крымскими татарами, отчасти среднеазиатскими народами, которые в XVIII или в XIX в. потеряли свою государственность, но сохранили высокую культуру и социальные структуры. Их национальные движения, как правило, преследовали политические цели, конечной целью являлось восстановление национальной государственности. «Молодые нации» были «крестьянскими народами», у них, как правило, отсутствовали свои национальные элиты. Эта группа была представлена украинцами, белорусами, литовцами, эстонцами, латышами, финнами, а также оказавшимися в составе России в более ранние исторические периоды народами Севера и Востока. Их национальные движения были направлены на создание полноценной социальной структуры этноса, развитие собственной высокой культуры и достижение автономии⁷. Получалось, что особый статус окраин – палка о двух концах. С одной стороны, политическая лояльность и возможность развития национальной культуры и высокое социальное положение местных элит, с другой – этот особый статус на определенном этапе исторического развития становился основой для трансформации в открытое национальное движение с целью расширения своей автономии или возрождения потерянной государственности.

⁶ Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С.100–101.

⁷ Каппелер А. Указ. соч. С.175–176.

Интеграция регионов осуществлялась комплексно, прежде всего путем введения единого административно-правового поля, русского языка в качестве языка делопроизводства, урезания самоуправления, усиления централизации власти и т.д. После Польского восстания 1830–1831 гг. была принята серия законов, направленных на закрытие польских монастырей⁸ и выселение монашеского духовенства вглубь России, отменена Конституция Царства Польского, принятая в 1815 г. Эти меры привели к потере Царством Польским самостоятельности, регион стал частью Российской империи, сохраняя определенные черты автономности, которые в последующие годы постепенно ограничивались. С 1833 г. в крае практически непрерывно сохранялось военное положение⁹.

В других польских областях, аннексированных Россией, эти интеграционные процессы носили более радикальный характер: было введено российское право, упразднено региональное управление, русский язык стал языком делопроизводства, осуществлялась централизация школьного образования, были закрыты многочисленные католические монастыри и т.д.¹⁰ При Николае I, прославившемся в качестве «жандарма Европы», гибко-прагматическая политика Александра I трансформировалась в жесткую линию, направленную на ускоренную интеграцию окраин. Причем, в случае народных протестов и при неудачах в управлении краем правительство вынуждено было вновь возвращаться к прежней линии поведения. Однако дискурс национальной политики сменился: считалось, что политика лавирования – это временная тактика с целью решительного наступления с созданием благоприятных условий для этого.

2. Церковные институты, алфавит, национальная система образования и в некоторых случаях сама идеология этноконфессиональной консолидации нерусских народов в Российской империи имели международный оттенок. Скажем, для мусульман, в силу разрушения властью в предыдущие столетия системы религиозного образования, до 1860-х гг. идеалом образования являлись медресе среднеазиатских государств, после их подчинения – медресе Османского государства, где обучались шакирды, откуда поступала религиозная литература, заимствовались традиции образования. Мобилизующим фактором для

⁸ Упразднен 191 монастырь.

⁹ Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четв. XVIII – нач. XX в. [2-е изд., испр. и доп.]. СПб., 2008. С. 90, 94.

¹⁰ Кантелер А. Указ. соч. С.204–207.

усиления опасений государства были поступления через образовательно-культурные и паломнические каналы и распространение среди российских мусульман, имеющих обособленную языковую среду, а потому трудно поддающихся контролю, чуждых идеологий, идущих вразрез с официальными посылами правительства. Решению этой задачи было подчинено целый ряд мер, начиная от цензурного контроля над учебниками, недопущения в школы иностранных подданных, а с конца XIX в. и лиц, получивших религиозное образование в зарубежных исламских центрах учености. Аналогичные меры предупреждения и защиты в разной степени принимались и в отношении других народов, присоединенных к России. Такие заграничные центры церковных институтов существовали и у католиков, и у протестантов, и буддистов и т.д. Этот фактор воспринимался имперской властью как необходимость организации противодействия и изоляции идеологий иностранных держав путем реорганизации управления местными религиозными институтами. Идеалом представлялось создание модели, схожей с управлением Синода. Украинский, литовский, польский, немецкие языки, алфавит и национальные школы имели базу в Австрии и Германии, армяне – в армянской общине Османской империи¹¹. Наконец, следует отметить о восприятии российской властью как угрозу национальной безопасности тесно переплетенной между собой идеологий пантюркизма и панисламизма, а также пангерманизации, транслируемых из-за границы.

Аннексировав новые территории, российское государство было поставлено перед фактом сложившихся между местными народами социальных отношений. Несколько продвинутых в культурном отношении этносов выступали в качестве центров идеологической экспансии в отношении своих соседей. На западных окраинах поляки полонизировали украинцев, белорусов, литовцев, прибалтийские немцы германизировали эстонцев и латышей, татары-мусульмане татаризировали казахов, башкир, чувашей и финно-угорские народы Среднего Поволжья. Правительству предстояло трансформировать устоявшиеся этнокультурные связи и обеспечить институтам русской церкви и культуры доминирующее положение в сфере межкультурных взаимо-

¹¹ *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2008. С.80; *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи / перевод с англ. *Наталии Мишаковой, Михаила Долбилова, Елизаветы Зуевой* и автора; научный ред. перевода *М. Долбилов*. М., 2012. С.176–195.

действий. Культурологическое воздействие на вышеназванные народы становилось возможным в случае, во-первых, ограничения прав продвинутых в культурном отношении этносов, их элит в лице дворянства и религиозных институтов; во-вторых, искусственного, при помощи государства, повышения социального статуса этих народов, лоббирования и развития у них национальной системы образования, призванной противодействовать ассимиляционным угрозам; в-третьих, распространения институтов русской церкви и русского образования.

3. В XIX – начале XX вв. большую роль в реализации внутривластного курса властей играли министерства и различные управления. Они координировали и контролировали реализацию принятых правительством решений, издавали различные подзаконные акты в качестве разъяснения отдельных положений и статей высочайше утвержденных законов. Огромные полномочия, переданные центральным ведомствам верховной властью, их автономность в принятии решений привели к тому, что ряд предписаний и инструкций (в том числе секретных), адресованных представителям коронной администрации в регионах, имели самостоятельный характер и порой по-новому интерпретировали действующие законы. В российских реалиях многие принципиальные аспекты «национального вопроса» оказались отданными на откуп наместникам, генерал-губернаторам, губернаторам и чиновникам среднего звена. Поэтому ключевыми институтами по разработке и реализации внутривластного курса самодержавия выступали центральные и местные органы власти.

Интеграция окраин в общую правовую и административную систему не была завершена к моменту падения самодержавия. Финляндии удалось сохранить свою автономию. В Польше, превращенной в особое генерал-губернаторство после утраты автономии, были сохранены основанные на кодексе Наполеона принципы уголовного и гражданского права. Некоторые нормы румынского права действовали в Измаильском уезде Бессарабии. Степной край и Туркестан составляли отдельные генерал-губернаторства и подчинялись в административном плане военному ведомству, в их местном управлении и суде сохранялись элементы дорусского времени. Кавказ управлялся как отдельное наместничество, созданное в 1785 г.¹² Появившиеся после аннексии Средней Азии Бухарский эмират и Хивинское ханство, на-

¹² Дякин С. В. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. С.15, 19.

ходясь под протекторатом России¹³, формально являлись независимыми государствами.

На западных окраинах ситуация осложнялась тем, что аннексированные территории вошли в состав России с уже со сложившимися социальными структурами. Организовать ускоренную русскую колонизацию на окраинах российская власть объективно не могла. Поэтому постепенно, а в некоторых случаях одновременно происходило несколько процессов, руководимых из центра: привлечение в регион русских чиновников, открытие для них и других категорий русского населения русских учебных заведений, постепенное введение общеимперского законодательства или разработка близких к нему локальных нормативных актов и др. Вопросы интеграции прежде решались полицейско-административными мерами, хотя требовался комплекс мероприятий, обеспечивающих успех местной администрации. В этом же ключе следует оценивать, с одной стороны, законодательные акты – ограничительные мероприятия – в отношении нерусского землевладения, с другой – меры, направленные на усиление русского землевладения, ограничение общеполитического характера, по личному составу государственных служащих и по выборным должностям, по ведению делопроизводства, запрещение полякам в назначении определенных гражданских должностей и т.д.¹⁴; ограничения католикам и уроженцам Царства Польского, западных губерний из числа офицеров и классных (немедицинских) чиновников Военного министерства, уроженцев Прибалтийских губерний (немцев, латышей, эстонцев, шведов и финнов, а также армян из числа военнослужащих)¹⁵.

¹³ После восстания, которое было подавлено царскими войсками, третья из среднеазиатских государственных образований – Кокандское ханство – в 1876 г. было упразднено, и на этой территории образована Ферганская область.

¹⁴ См.: Юридические ограничения по этноконфессиональному признаку // «Национальный вопрос» в России в зеркале общеимперского законодательства (XIX – начало XX вв.): Сб. материалов / сост., авт. вступ. ст., списка сокр. назв. законодат., норм. актов и терминов *И.К. Загидуллин*. Казань, 2009. С. 13–60; Юридические ограничения в отношении евреев // Там же. С. 61–101; Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел за двадцатипятилетие. 1855–1880 г. СПб., 1880. С. 41–44, 49–51, 127–134.

¹⁵ См.: Расписание войск, военных управлений, заведений и учреждений. С показанием допускаемого в составе их числа офицеров, классных медицинских и немедицинских работников и вольноопределяющих-

Специальное ведомство, призванное сформировать на территории страны русскую многоступенчатую учебно-образовательную систему, было создано лишь в 1802 г. С этого времени школьная политика стала составной частью внутривластного курса правительства на окраинах, направленного на реализацию административных реформ, поддержку и социальную защиту русского населения, воспитание законопослушных и лояльных к власти подданных, на борьбу с сепаратизмом, снижение идеологического воздействия извне и аккультурации нерусскими этносами соседних народов.

5. С приходом к власти Николая I произошла смена политических приоритетов, которые характеризовались ориентацией на национальные традиции (вместо космополитизма периода Александра I – изменение отношения к Западу, отказ от конституционных и либеральных поползновений). Правительственный консерватизм, первоначально проявившийся преимущественно в идеологической и государственно-правовой сферах, по мере роста революционных движений в Западной Европе принимал все более реакционную окраску¹⁶.

Таким образом, расширение границ и присоединение населения с самобытными культурными традициями и различным уровнем социально-экономического и общественного развития непосредственным образом сказывались на общественно-политическом развитии монархической России.

В состав государства вошли территории, имеющие многовековые государственные традиции существования или самоуправления, население с развитой национальной культурой. Новая власть стремилась создать в них систему управления, учитывающую местные общественно-политические традиции и подконтрольную самодержавию. В рамках новой системы управления с учетом национальных государственных интересов принимались законы ограничительного характера. На втором этапе эти ограничения упразднились в отношении лиц, исповедовавших эти религии и занимавших посты на гражданской и военной службе, а также получивших среднее или высшее образование. Третий этап, по мнению А.К.Тихонова, специалиста по правовому положению католиков, мусульман и иудеев в империи, рассматри-

ся, принадлежащих к иноверному населению // «Национальный вопрос» в России в зеркале общеимперского законодательства (XIX – начало XX вв.): Сб. материалов. Казань, 2009. С.119–129.

¹⁶ Гросул В.Я., Итенбург Г.С., Твардовская В.А., Шаццлло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С.105.

вался властью как период, когда они окончательно войдут в структуру российского общества как полноправные его члены; однако в силу ряда причин ограничения в деятельности этих этноконфессиональных групп населения сохранялись до 1905 г.¹⁷

Идеологические и образовательно-воспитательные аспекты «школьного вопроса» на окраинах империи в дореформенный период

Надеюсь, что наши предварительные замечания позволят читателю самостоятельно понять внутреннюю логику школьной политики власти в отношении нерусских народов российских окраины.

Важно отметить, что лишь после учреждения в 1802 г. Министерства народного просвещения правительство задалось целью создания многоступенчатой системы обучения на русском языке. В условиях ограниченности в финансах, людских ресурсах и педагогических кадрах новое ведомство старалось наладить систему обучения, прежде всего, во «внутренних губерниях». Между тем на Кавказе, в западных губерниях и Царстве Польском у местного населения существовала собственная учебно-образовательная система. На западных окраинах, где на рубеже XVIII–XIX вв. функционировали два из трех университетов, правительство выступало в роли «догоняющей стороны». Весьма показательными в этой связи являются слова министра народного просвещения С.С. Уварова, занимавшего эту должность в 1833 г. по 1849 г., который определил главной целью преобразований в Варшавском учебном округе формирование у польского юношества уважения к «первенству России между славянскими племенами, которое должно непринужденно мало-помалу переменить до корня все их понятия»¹⁸. Иначе говоря, государство стремилось трансформировать устоявшиеся в течение столетий специфические представления народов бывшей Речи Посполитой о Российском государстве в новое общественное мнение о великой державе, первой среди славянских народов. В этом отношении время работало в пользу российских властей, каждое поколение жителей российских окраин, благодаря усилиям правительства, все более интегрировалось в российское правовое поле и культурологическое пространство.

Учебная реформа 1803–1804 гг. создала в стране систему просвещения без различия национальностей, вероисповеданий и сосло-

¹⁷ Тихонов А.К. Указ. соч. С.291.

¹⁸ Рожественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С.137.

вий. В то же время в западных областях и прибалтийском крае, вошедших в состав Виленского и Дерптского учебных округов, действовали особые уставы учебных заведений¹⁹, означавшие, что в России допускалось существование школы с польским и немецким языками преподавания. Однако в нормативных актах ничего не говорилось о преподавании на родном языке для литовцев, латышей, эстонцев и других групп населения²⁰. Одновременно продолжали функционировать традиционные конфессиональные школы у мусульман, иудеев, буддистов.

На западных окраинах в единой системе функционировали духовные школы различных уровней, непосредственно подчиненные конкретным церковным управлениям. Учебные заведения второй группы, начиная от начальных и кончая университетами, после смены верноподданства, первоначально существовали в качестве казенных образовательных учреждений и частных, основанных польскими и немецкими помещиками, которые были вписаны в образовательную систему региона и давали выпускникам равные с русскими учебными заведениями права.

Главный организатор учебной системы в западном крае князь Адам Чарторыйский (1770–1861), имевший огромное влияние на Александра I в первый период его правления, занимал должность попечителя Виленского учебного округа в 1803–1824 гг. Концепция князя Чарторыйского основывалась на сохранении единства учебного дела в прежней историко-культурной области.

Первым шагом по разрушению слаженной системы стали административные реформы по переподчинению отдельных «польских» губерний «русским» учебным округам²¹. В рамках новых границ

¹⁹ *Рождественский С.В.* Указ соч. С.80.

²⁰ *Малиновский Н.П.* Законодательство об инородческой школе // *Инородческая школа. Сб. статей.* Пг., 1916. С.119–120.

²¹ Так, в 1818 г. Киевская губерния была включена в состав Харьковского учебного округа. После отставки Чарторыйского белорусские губернии, Витебская и Могилевская, были переданы Санкт-Петербургскому учебному округу. В 1829 г. эти губернии образовали особый Белорусский учебный округ. В 1831 г., после присоединения к этому округу Минской губернии, а Волынской и Подольской губерний – к Харьковскому, в составе Виленского учебного округа остались лишь Виленская и Гродненская губернии и Белостокская область. Задача МНП по отношению к губерниям, постепенно выводившимся из Виленского округа, как отмечает С.В. Рождественский, сводилась к искоренению «духа поло-

учебных округов пошагово осуществлялись реформы. Так, в 1829 г. на Белорусские губернии, составлявшие особый округ, был распространен новый общий устав средних и низших учебных заведений, в штате которых для преподавания польского языка разрешалось иметь особого учителя²².

После восстания 1830–1831 гг. вопрос о языке преподавания был всецело переведен в политическую плоскость рассмотрения и решения. Восстание спровоцировало новые инициативы по закрытию духовных школ при римско-католических монастырях и введения преподавания на русском языке в создаваемых взамен светских учебных заведениях, был закрыт учрежденный в 1817 г. Варшавский университет²³.

Наиболее решительно власти действовали в западных губерниях. С 1832 г. начались крупные реформы, направленные на распространение русского образования в западном крае: в том же году был закрыт Виленский университет (главный центр польского влияния) и упразднен Виленский учебный округ, его училища присоединены к Белорусскому учебному округу, ряд училищ преобразован в светские гимназии и училища, содержащиеся за счет средств упраздненных монастырей, за счет расширения государственного языка ограничена сфера использо-

низма» и распространению на местные учебные заведения общегосударственной учебной системы. В 1832 г. вновь произошла административная реформа – из обширного Харьковского учебного округа, с целью усиления контроля и оперативности действия учебных властей, был выведен Киевский учебный округ в составе Киевской, Волынской, Подольской и Черниговской губерний. В 1839 г. был образован Варшавский учебный округ в составе губерний Царства Польского, который был упразднен в 1861 г. и вновь восстановлен в 1867 г. При министре А.В. Головине Витебская и Могилевская губернии были присоединены к Виленскому учебному округу «по соображениям политическим» (*Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 149, 208–214, 240, 411).

²² Устав средних и низших училищ 1828 г. был распространен до этого на Санкт-Петербургский, Московский, Казанский и Харьковский учебные округа.

²³ Высочайшим повелением от 4 апреля 1831 г. попечителю Белорусского учебного округа предписывалось приложить старание к постепенному уничтожению духовных училищ при римско-католических монастырях, МНП – принимать аналогичные меры в отношении училищ Киевской, Волынской и Подольской губерний (*Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 212).

вания польского языка и т.д. Аналогичные меры предпринимались в юго-западных губерниях Харьковского учебного округа²⁴.

Открытый в 1834 г. Киевский университет им. Св. Владимира стал центром русского высшего образования в Белорусском и Киевском учебных округах. Одновременно реализовывался проект по постепенному отстранению католического духовенства от участия в делах народного просвещения. По мере открытия русских гимназий закрывались местные духовные училища. На учебные планы гимназий и училищ Киевского (юго-западные губернии) и Белорусского учебных округов в 1834 г. был распространен общий устав 1828 г. В области начального образования изменения носили локальный характер²⁵.

В 1837–1838 гг. преподавание польского языка, которое расценивалось как «опаснейшее орудие» польской политической пропаганды, было прекращено во всех десяти губерниях Западного края, а преподавание русского языка усилено. Указом Николая I от 8 февраля 1854 г. преподавание польского языка прекратилось в Киевском и восстановленном в 1850 г. Виленском учебных округах.

При Александре II стали меняться акценты борьбы с полонизацией, появились опасения, что тотальный запрет может вновь усилит неконтролируемое властями домашнее воспитание. Преподавание польского языка в качестве факультативного, необязательного, предмета было введено в дворянском институте, гимназиях и дворянских училищах Виленского учебного округа в 1858 г., а также Киевской, Подольской и Волынской губерний в 1860 г.²⁶ Правительством Александра II планировалось создание в Царстве Польском полноценной национальной системы образования во главе с Главной школой в Варшаве. Однако восстание 1863 г. не позволило реализовать новый курс. Вскоре, в 1869 г., Главная школа была преобразована в русскоязычный Варшавский университет.

²⁴ *Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 213–214.

²⁵ В частности, было разрешено учреждать по уставу 1828 г. одно- и двухклассные приходские училища с дополненным преподаванием польского и «жмутского» языка и католического вероучения. В 1845 г. были введены временные (на три года) правила для приходских училищ Киевской, Волынской и Подольской губерний. Они также устраивались за счет средств местного населения (*Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 299, 301, 313–315).

²⁶ *Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 304, 383–384.

Для Дерптского учебного округа (Прибалтика), граф С.С.Уваров ввел принципы управления, основанные на постепенном сближении местной системы образования с общеимперской²⁷.

При С.С.Уварове в систему государственных школ были введены и учебные заведения для евреев. В 1842 г. все ученые и учебные еврейские заведения были подчинены надзору МНП, а в 1844 г. последовало решение об открытии для еврейского юношества особых училищ, все образовательные учреждения (талмуд-торы, хадаримы, ешиботы, бесмедраши) и домашние учителя, с разрешения МНП, были подчинены особым временным губернским и уездным комиссиям под председательством директоров училищ. Общие и частные еврейские училища подлежали закрытию по мере учреждения казенных училищ 1-го и 2-го разрядов, соответствующих в образовательном плане приходским и учебным училищам, и раввинских училищ, соответствующих гимназиям. Начальниками и учителями светских предметов впредь назначались христиане. Устройство казенных еврейских училищ осуществлялось за счет местного населения и еврейских обществ²⁸.

В Симферополе при уездном училище было учреждено отделение крымско-татарского языка, которое прекратило существование в 1811 г. В 1824 г. в Феодосийском и Перекопском, в 1859 г. в Симферопольском уездных училищах началось преподавание крымско-татарского языка. С целью распространения государственного обра-

²⁷ В 1837 г. общий порядок управления был распространен на Дерптский учебный округ, а сами учебные заведения были оставлены при старом уставе 1820 г. С конца 1836 г. по Дерптскому университету сделалась нормой невозможность получения ученых степеней без знания русского языка, было объявлено о принятии через пять лет в студенты исключительно по итогам экзамена по русскому языку. (Правда, в 1839 г. это нововведение было отсрочено до конца 1845 г.). В 1836 г. было объявлено о принятии из местных уроженцев через три года на должность учителей в гимназии и училища лишь умеющих преподавать свой предмет на русском языке, в 1837 г. усилено преподавание русского языка, географии и истории России. В 1842 г. были уменьшены часы на изучение древних языков и за счет этого усилены другие предметы и т.д. В конце 1840-х гг. в штатах университета, гимназий и училищ появились должности преподавателей православного Закона Божия. В отношении начальных и средних учебных заведений оставались в силе старые уставы, власти старались усилить преподавание русского языка и православного Закона Божия (*Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 317–327).

²⁸ *Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 294–297.

зования среди мусульман Тавриды с 1827 г. по 1865 г. действовало Татарское учительское отделение при Симферопольской гимназии, призванное готовить учителей русского языка и общеобразовательных предметов из числа крымских татар. В 1837 г. были созданы татарские классы, отдельно от местных медресе Бахчисарая и Карасубазара, с двух- и трехлетним курсом обучения, где преподавались русский и крымско-татарский языки, с 1841 г. и до начала Крымской войны действовали волостные училища Министерства государственных имуществ для подготовки волостных писарей и т.д. Новые центры образования для крымских татар и ногайцев не достигли поставленных задач²⁹.

В 1832 г. был учрежден Одесский учебный округ.

В 1829 г. было утверждено «Положение о Кавказских училищах». По Положению 1835 г. об управлении учебными округами и общему уставу 1828 г. была преобразована учебная система в Закавказском учебном округе. Здесь русские школы разных типов стали действенным инструментом по интеграции и аккультурации детей представителей местных элит, подготовке из их числа местных чиновников и лояльного духовенства. В 1847 и 1848 гг. были организованы мусульманские училища с трехлетним курсом обучения при мечетях «Алиева и Омарова учений», где преподавались местные и русский языки, сокращенный курс географии, история, арифметика, начала русского законовещения и судопроизводства, чистописание. В 1853 г. на воспитанников мусульманских школ Закавказья были распространены права и преимущества вышеназванных учебных заведений для мусульман. С появлением в 1853 г. нового положения о Кавказском учебном округе в гимназиях были допущены к преподаванию местные языки³⁰.

В 1848 г. был учрежден отдельный Кавказский учебный округ.

Итак, в дореформенный период сформировалась трехступенчатая система русского светского образования, была создана основная часть учебных округов, из ведения попечителей которых в 1835 г. изъяли высшие учебные заведения. В регионах, где учебные округа отсутствовали, учебную часть курировали центральная власть или пользующиеся большой автономией местные институты управления. Руководство учебных округов на профессиональном уровне вовлекало в ор-

²⁹ Ганкевич В.Ю. Очерки истории крымскотатарского образования (реформирование этноконфессиональных учебных заведений мусульман в Таврической губернии в XIX – начале XX века). Симферополь, 1998. С.57–68.

³⁰ Рождественский С.В. Указ. соч. С. 208, 329–331.

биту государственных интересов учебно-образовательные вопросы окраин. Генеральной линией являлось учреждение сети правительственных учебных заведений для обучения детей различных сословий русских диаспор, на окраинах эти учебные заведения были призваны стать центрами интеграции местных элит, воспитания законопослушных подданных.

В зависимости от уровня общественного развития местных народов МНП приходилось действовать в разных статусах. Так, в отношении кочевников и мусульман оно «примеряло» к себе миссию цивилизатора, на западных окраинах выступало в качестве «догоняющей стороны», а после Польского восстания 1830–1831 гг. начало наступление на местную систему образования.

Важнейшими результатами новой политики МНП при С.С.Уварове, направленной на использование школы «орудием сплочения окраин с коренной Россией», в Царстве Польском и западных губерниях стали: демонтаж нерусской системы высшего образования и создание такой модели, при которой юноши должны были получать высшее образование в русских учебных заведениях, препятствовать участию католического духовенства в образовательном процессе, активная политика деполонизации в западных губерниях и т.д.

Еврейские школы попали под контроль учебного ведомства, школы мусульман и буддистов продолжали существовать на прежних началах.

Школа как важный инструмент интеграции и ассимиляции в 1863–1904 гг.

Либеральные реформы 1860–1870-х гг. актуализировали и ускорили интеграционные процессы на российских окраинах. Глубоко символично, когда в начале 1863 г. разрабатывался проект положения о начальных школах, в нем содержался пункт, предусматривавший первоначальное обучение на родном языке учащихся с последующим переходом на русский язык. Во время обсуждения проекта в Государственном совете было заявлено, что правительство должно заботиться о распространении русской грамотности, а не «местных наречий», что привело к изъятию этого пункта из высочайше утвержденного 14 июня 1864 г. Положения о начальных училищах³¹.

³¹ *Бабин В.Г.* Национальный вопрос и проблемы образования в Государственной думе России (1906–1917 гг.). Барнаул, 1997. С.17; *Назарьевский И.* Исторический очерк законодательства по начальному образованию в России // ЖМНП. 1905. №1. Народное образование. С.169, 171.

Существенное влияние после Польского восстания 1863 г. на правительственные круги стала оказывать русская общественность, которая в национальном вопросе все более занимало правую сторону³². В 1867 г. Царство Польское стало именоваться «Привислинским краем»³³, здесь реформа во всех сферах – административной, судебной, кадровой, учебно-образовательной и др. – целенаправленно реализовывалась идея слияния региона с «телом» империи, секуляризация края стала одним из методов противодействия национально-освободительной борьбе поляков.

Большое значение в формировании нового школьного курса правительства играла личность министра народного просвещения графа Д.А.Толстого, согласно концепции которого объединение этносов «могло быть достигнуто не путем приспособления к запросам отдельных народностей, а через прохождение их через правительственную однообразную для всех местностей России школу с государственным языком преподавания»³⁴.

В губерниях Привислинского края существовали три системы национального образования: польская, русскоязычная и других этнических групп. Согласно введенным в 1866 г. графом Д.А. Толстым новым уставам для мужских и прогимназий для польского, греко-униатского населения, особых педагогических курсов для польского, греко-униатского и литовского населения, немецко-евангелического училища в Варшаве, немецкой реальной гимназии в Лодзи, разрешалось преподавание на родном языке, за исключением всеобщей истории и географии, истории и географии России и Польши, которые должны были преподаваться на русском языке³⁵.

³² Корнилов А.А. Указ. соч. С. 355–357; Хотеев В.Ф. «Лжегосударственный человек». Граф Дмитрий Андреевич Толстой // Очерки истории российского образования. К 200-летию Министерства образования Российской Федерации. Т.2. М., 2002. С.35–74.

³³ Варшавская, Калишская, Келецкая, Ломжинская, Люблинская, Петроковская, Плоцкая, Радомская, Сувалкская, Седлецкая губернии.

³⁴ Малиновский Н.П. Указ. соч. С.127.

³⁵ Малиновский Н.П. Указ. соч. С.126. Чиновник Виленского учебного округа в 1863 г., по поводу «вредности» для польских детей обучения родному языку, писал следующее: «Польский язык как предмет преподавания нес в учебные заведения сильное полонизирующее начало, хотя его преподавание по программе ограничивалось грамматическим курсом, тем не менее, занимаясь в классах чтением произведений лучших польских писателей, некоторые учителя нашли возможным излагать и историю

В 1867 г. был восстановлен Варшавский учебный округ, руководство которого взялось за включение местной системы образования в общеимперскую модель, что выразилось во введении русского языка как языка преподавания во всех средних школах и как обязательного предмета преподавания – в начальных училищах, а также в распространении на местные учебные заведения уставов классических гимназий и реальных училищ 1872 г.³⁶

По высочайше утвержденному мнению Государственного совета от 5 марта 1885 г. в городских, гминных и сельских училищах Привислинского края было установлено преподавание всех предметов на русском языке, за исключением Закона Божия, который мог быть преподаваем на материнском языке учащихся³⁷. Последняя оговорка привела к вытеснению польского языка из школы как предмета преподавания и переходу к преподаванию Закона Божия на русском языке³⁸. В результате родному языку дети могли обучаться только в тай-

польской литературы» (*Корнилов И.П.* Памяти графа Михаила Николаевича Муравьева. К истории Виленского учебного округа за 1863–1868 гг. СПб., 1898. С.9).

³⁶ *Нугалатий М.Е.* Правительственная политика в области образования в Царстве Польском в 60–70-е гг. XIX в.: начальное и среднее образование: Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2009. С.15–20. В 1867 г. было принято принципиальное решение о выгоде для государства открытия народных и ремесленных школ вместо приумножения гимназий и прогимназий для детей польской элиты. С 1868 г. МНП ввело преподавание на русском языке физико-математических и исторических предметов во всех средних учебных заведениях Царства Польского, оставив временно преподавание на родном языке Закона Божия и древних языков. По уставу учебных заведений Царства Польского местное общество было устранено от «забот о народном образовании». На основании устного указания императора в 1871 г. граф Д.А. Толстой сделал распоряжение о постепенном введении в начальных училищах Царства Польского преподавания на русском языке. В результате в 1875 г. русский язык как язык преподавания был введен во всех начальных школах. Граф также отменил право гмин и сельских обществ на избрание учителей, которые стали назначаться учебными дирекциями. Эти нововведения затем были закреплены соответствующими законодательными актами. Лишь в 1892 г. разрешение этого вопроса было предоставлено на усмотрение местной власти. (*Малиновский Н.П.* Указ. соч. С.128–129; *Рождественский С.В.* Указ. соч. С.582, 589, 686–687; *Кантелер А.* Указ. соч. С.208–210).

³⁷ ПСЗ–3. Т.5. № 2792.

³⁸ *Бабин В.Г.* Указ. соч. С.18.

ной национальной школе. Издав высочайший указ от 3 апреля 1892 г. о временных правилах взысканий за тайное обучение в западных и привислинских губерниях, власти развернули преследование нелегальных учебных заведений, где преподавание осуществлялось на родном языке учащихся³⁹.

Лишь в предреволюционный 1904 г. указом от 6 октября в Привислинском крае было разрешено существование частных школ, т.е. не дающих никаких прав ни их учащимся, ни учителям, учебных заведений с преподаванием всех предметов на польском и литовском языках, кроме русского языка, а также истории и географии России⁴⁰.

Помимо действовавших польских школ здесь создавались школы по национально-конфессиональному признаку, с обучением на родном языке большинства детей: считалось, что в них поляки лишаются возможности влияния на национальные меньшинства края.

В 1864 г. в целях ликвидации сепаратизма Западный комитет (1862–1865) постановил: 1) сократить местные гимназии, прогимназии и дворянские училища до «самого необходимого числа»; 2) в городах открывать двухклассные училища без обучения польскому языку; 3) увеличить численности русских элементарных школ. В 1867 г. Комитет министров высказался за «полезность» развития народных и ремесленных училищ вместо учебных заведений для высших слоев местного населения⁴¹.

В 1880-е гг. «намерения центральной власти четко отразили стремление к культурной ассимиляции этнических меньшинств с целью преобразования империи в более однородное, более национальное государство»⁴². Начало правления Александра III ознаменовало развернутое наступление на автономию Прибалтики⁴³. Из былых пре-

³⁹ *Рождественский С.В.* Указ. соч. С.689, 690.

⁴⁰ *Веселовский Ю.* Национальный вопрос в сфере школьного воспитания // Вестник воспитания. 1905. №9. С.133–135.

⁴¹ *Рождественский С.В.* Указ. соч. С.465, 582.

⁴² *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / пер. с английского *В.Макарова*. М., 2012. С.15.

⁴³ Обязательное русское делопроизводство было распространено на органы городского самоуправления, в 1888 г. русской стала полиция, в следующем году русский язык был объявлен языком судопроизводства, русский язык стал языком преподавания в школах всех ступеней, за исключением первых двух классов в сельских школах, в 1893 г. немецкий Дерптский университет был преобразован в русский Юрьевский университет.

имуществ здесь остались автономные органы дворянского самоуправления, лютеранская церковь, экономическое положение немцев не было подорвано⁴⁴.

В западных губерниях русский язык постепенно сменил родные языки учащихся, которые остались в качестве вспомогательного средства в первый год обучения. С 1887 г. преподавание во всех мужских средних учебных заведениях, пользующихся правами и преимуществами правительственных училищ, велось на русском языке, исключение было сделано лишь для Закона Божия. Введение преподавания на русском языке и обновление личного состава преподавателей лицами, знающими русский язык, завершились изданием серии законов в конце 1880 – начале 1890 гг.⁴⁵

В 1873 г. было утверждено положение о еврейских начальных училищах и двух учительских институтах. В начальных одноклассных и двухклассных училищах на русском языке, помимо элементарных предметов, преподавались «и прикладные знания». Штатные преподаватели из христиан пользовались правами государственной службы⁴⁶.

Аналогичная политика стала осуществляться и на Кавказе. В 1853 г. было издано «Положение о Кавказском учебном округе, которое поставило своей целью «постепенно ввести на Кавказе и за Кавказом ту же систему народного просвещения, которая существует в прочих частях государства»⁴⁷. В отношении народностей Кавказа в 1870-х годах правительственные круги кардинально изменили региональную политику наместника князя М.С.Воронцова и издали ряд

⁴⁴ Кантелер А. Указ. соч. С.213.

⁴⁵ В 1891 г. на местные реальные училища был распространен общеимперский устав реальных училищ. Общему уставу были подчинены вскоре и женские училища с введением в них преподавания всех предметов, кроме Закона Божия, на русском языке, а также все частные мужские и женские училища. По закону от 23 мая 1889 г. преподавание на русском языке сделалось обязательным для всех частных учебных заведений, а законом от 2 февраля 1893 г. на частные учебные заведения Дерптского округа были распространены «общие узаконения», действующие в империи (Малиновский Н.П. Указ. соч. С.132; Веселовский Ю. Национальный вопрос в сфере школьного воспитания // Вестник воспитания. 1905. №9. С.127).

⁴⁶ Рождественский С.В. Указ. соч. С. 571–572.

⁴⁷ Гатагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М., 1993. С. 26.

ограничительных распоряжений о пользовании родным языком даже в начальной школе⁴⁸.

Политизация религиозной сферы жизни российского общества и участие части армяно-григорианского духовенства в деятельности партии «Дашнакцутюн» привели к мерам, направленным на нейтрализацию роли духовенства в национальном движении⁴⁹. В 1884 г. было введено обязательное обучение русскому языку в армяно-григорианских церковных школах Кавказского учебного округа⁵⁰. В 1885 г. было упразднено около 500 церковно-приходских армянских школ, в следующем году часть этих школ вновь открылась, но в 1896 г. армянские школы были снова закрыты, с целью устранения противодействия духовенства и местного населения в 1903 г. правительство изъяло все имущество армяно-григорианской церкви⁵¹.

Во главу угла концепции интеграции мусульман «внутренних губерний» российская власть поставила распространение русского языка и образования через специальные, адаптированные к потребностям мусульман школы. Ее конечная цель сводилась к ассимиляции этнических меньшинств. На фоне решительных мер, предпринимаемых на российских окраинах, особенно западных, ситуация во «внутренних губерниях», население которых составляли главным образом татары, башкиры, чувашаи и финно-угорские народы, на первый взгляд, казалась иной – создавалось ощущение «запаздывания» действий правительства. Кардинальные шаги в западных губерниях были обусловлены осложнением национального вопроса, имели четко выраженный

⁴⁸ Речь идет о следующих высочайше утвержденных мнениях Государственного совета: 1) от 15 мая 1867 г. – о преобразовании учебной части на Кавказе; 2) от 19 февраля 1868 г. – об обязательности преподавания русского языка во всех школах империи и 3) от 22 ноября 1873 г. – об устройстве ученой части на Кавказе и за Кавказом: устанавливалось преподавание русского языка во всех начальных школах. Обучение чтению и письму на местном языке возлагалось на законоучителей: грузин – православного, армян – армяно-григорианского, татар – мусульманского (Малиновский Н.П. Указ. соч. С.137.)

⁴⁹ Лукьянов С.А., Удодов А.Г. Государственно-правовое регулирование деятельности армяно-григорианской церкви в Российской империи // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 12-4(54). С.168.

⁵⁰ Обзор деятельности Министерства народного просвещения во время царствования императора Александра III. СПб., 1901. С.387.

⁵¹ Малиновский Н.П. Указ. соч. С.136.

политический оттенок и требовали чрезвычайных и оперативных действий. В отношении татарского населения они были вызваны реализацией либеральных реформ, учитывающих интересы, прежде всего, русского населения и формирующих на этом пространстве контуры национального государства с отходом от имперской традиции. Поэтому впервые возникла необходимость обучения населения русской грамоте, языку, «размывания» островков-территорий с доминирующим составом нерусского населения и формирования единого государственного культурного пространства, чтобы тем самым прекратить татаризацию тюркских и финно-угорских народов.

С целью противодействия культурно-религиозному влиянию татар на коренные народы края правительство стало осуществлять в отношении «инородцев-христиан» протекционистскую политику. Методику новой системы разработал в 1860-е гг. Н.И.Ильминский. Осознав, что алфавит проведет культурную границу между татарами-мусульманами, с одной стороны, и крещеными татарами, чувашами, мари́йцами, удмуртами, казахами – с другой, он создал для последних новый алфавит на кириллице, организовал перевод, печатание и распространение религиозных книг на местных языках. Н.И.Ильминским и его окружением была создана сеть миссионерских школ на родном языке учащихся.

Постановление Совета министра народного просвещения от 2 февраля 1870 г. нашло воплощение в утвержденных 26 марта 1870 г. Александром II «Правилах о мерах к образованию населяющих Россию инородцев», сыгравших директивную роль в реализации школьной политики в отношении коренных народов в Казанском и Одесском учебном округах.

«Правила» 1970 г. предусматривали новую систему получения мусульманским населением учебных округов русского образования: двуязычное начальное, русское среднее и высшее образование. Первое звено предполагало два варианта начальной школы для мусульман: 1) русско-татарское начальное училище, где изучение мусульманских наук было сведено до минимума и основной акцент делался на русский язык и математику; родной язык учащихся использовался как средство для изучения русского языка; 2) предполагалось вводить русский класс повсеместно во всех вновь открывающихся мусульманских учебных заведениях, а их содержание осуществлять за счет прихожан; шакирды до достижения 16-летнего возраста в обязательном порядке должны были посещать русский класс и усвоить его программу. Таким образом,

правительство наметило поворот к обязательному изучению государственного языка на базе мусульманской традиционной школы⁵².

В рамках нового школьного курса в Симферополе (1872 г.), Уфе (1872–1876 гг.), Оренбурге (1877–1890 гг.) и Казани (1876 г.) были учреждены четырехлетние татарские учительские школы, в которых велась подготовка будущих учителей русского языка и математики. По своему статусу они были причислены к средним учебным заведениям и пользовались всеми льготами и преимуществами, присвоенными прогимназиям. В 1882 г. школа для казахов, готовящая педагогические национальные кадры, была открыта в Орске. С целью курирования учебных заведений новых типов для мусульман КУО и ОУО были созданы инспекции башкирских, казахских и татарских школ (упразднены соответственно в 1889 и 1903 гг.).

Бесплатные школы нового типа для мусульманского населения были ориентированы, главным образом, на бедные слои населения – крестьян и мещан. Они не являлись единственными учебными заведениями, в которых татары изучали русскую грамоту. Дети торговцев и духовенства обучались государственному языку у частных учителей, малочисленная группа татарской молодежи посещала русские начальные школы. Кандидаты в муллы сторонились этих школ, отдавая предпочтение частным педагогам.

Русские классы появились только при медресе, что было не случайно: изучение государственного языка стало уделом интеллектуальной части татарского общества. В медресе обучались шакирды – наиболее грамотная часть татарского населения, а в русско-татарские школы поступали дети, родители которых не имели средств, чтобы нанять частного учителя. Малочисленные русско-татарские школы и КТУШ на рубеже веков превратились в неотъемлемую часть национального образования татар, численность которых, благодаря усилению позиций джадидистов, уверенно увеличивалась после 1905 г.⁵³

Другим важным направлением школьной политики пореформенного периода стало поэтапное установление контроля над сис-

⁵² Журнал Совета министра народного просвещения по вопросу о «просвещении инородцев» (2 февр. 1870 г.) // Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX в. / Материалы по истории народов СССР. Вып. 6. (Татарская АССР. Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. Ч. I). М.; Л., 1936. С. 281–283.

⁵³ Загидуллин И.К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг. Казань, 2014. С.100–111.

темой образования нерусских народов без оказания какой-либо материальной или учебно-методической помощи. Рассмотрим «хронику» распространения «государево око» на инославные и неверные конфессиональные школы в империи. В 1874 г. под контролем МНП оказались мектебе и медресе мусульман в губерниях Казанского (Казанская, Астраханская, Вятская, Самарская, Саратовская, Симбирская губернии) и Оренбургского (Оренбургская, Уфимская, Пензенская губернии) учебных округов. В 1881 г. в ведение МНП были преданы центральные училища и сельские школы в бывших болгарских и немецких колониях (с 1887 г. – и немецкие школы этих селений), а также школы в колониях евреев-земледельцев в 6 губерниях, в 1890 г. – католические церковные школы в бывших колониях. В 1884 г. педагогическая часть калмыцких училищ была подчинена дирекции Астраханской губернии, в том же году контроль за преподаванием в армяно-григорианских церковных народных училищах был возложен на МНП (за исключением Закона Божия). По высочайшему указу от 8 октября 1887 г. в ведение МНП переданы иноверческие школы Юго-западного края. Высочайшим указом от 19 февраля 1886 г. в Прибалтике евангелическо-лютеранские начальные школы и учительские семинарии, а с 1888 г. все женские училища Дерптского учебного округа⁵⁴ были подчинены учебному начальству. В 1890 г. церковные школы Санкт-Петербургской и Московской лютеранских школ, с 1893 г. все училища при римско-католических церквях были починены контролю МНП. В 1892 г. в ведение учебного ведомства были переданы горские школы Терской области и протестантские школы в Закавказском крае⁵⁵.

В политической плоскости (деполонизация) следует оценивать целенаправленную деятельность учебного ведомства по переводу преподавания на русском языке основ инославных вероисповеданий⁵⁶.

Резюмируя, можно выделить следующие основные достижения правительственной школьной политики на национальных регионах к 1905 г.

⁵⁴ Лифляндская, Эстлянская и Курляндская губернии.

⁵⁵ *Загидуллин И.К.* Татарская школа и русификаторская политика царизма во второй половине XIX в. // Народное просвещение у татар в дооктябрьский период. Казань, 1992. С.62. *Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 692–693.

⁵⁶ *Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 689.

1. Распространение русского образования, внедрение в курсы обучения православного Закона Божия являлись ключевыми сегментами внутривластного курса правительства в целом и этноконфессиональной политики самодержавия в частности. В национальных регионах нововведения были направлены на решение различных задач: управленческих, интеграционных, а также ассимиляции этнических меньшинств. Особенно агрессивно эта политика осуществлялась в Привислинском крае и западных губерниях.

2. В регионах школьная политика осуществлялась с ориентацией на конкретную этноконфессиональную группу, принимая во внимание ее вероисповедание, политическую лояльность, уровень культурного развития и особенности общественных отношений в крае.

3. Пошагово на различном уровне был установлен правительственный контроль над нерусскими школами, за трудоустройством русских учителей, используемыми в учебно-воспитательном процессе учебными пособиями и книгами и т.д.

4. В пореформенный период нерусские этносы по своему культурному и социально-образовательному потенциалу правительством стало делиться на две большие группы: народы, оказывающие культурное воздействие на своих соседей (поляки, немцы, татары-мусульмане), и народности, оказавшиеся в орбите такого инородного культурного воздействия (чуваши, финно-угорские народы, башкиры, казахи, белорусы, украинцы и литовцы и др.), что препятствовало русскому культурному влиянию. С учетом опасности инокультурного воздействия правительство, реализуя протекционистскую политику, разрешило в дозированных объемах развивать народное просвещение на родном языке для некоторых этнических меньшинств. Так, благодаря христианскому просвещению появились православные образовательно-религиозные институты у народов восточной России, ранее не имевших своей письменной культуры. С 1860-х гг. для них учреждалась письменность на кириллице, осуществлялись переводы религиозных книг на их языки, открывались начальные школы, готовились педагогические кадры и священнослужители из представителей национальных меньшинств.

5. Нерусские школы были лишены возможности интеграции в многоступенчатую правительственную, русскую, школу: они были «тупиковыми» или «закрытыми» – свидетельства об их окончании не давали права поступать на государственную службу или продолжить обучение в правительственном учебном заведении – для этого требовалось сдать соответствующие экзамены, учителя не пользовались правами государственной службы, предоставленными педагогам пра-

вительственных учебных заведений, не говоря уже о том, что эти школы содержались исключительно за счет самих родителей, доходов или других общественных учреждений.

6. На окраинах с инославным населением стало нормой обязательное преподавание русского языка, географии и истории на русском языке, введение и обучение на русском языке осуществлялись во вред применению в учебном процессе родного языка учащихся, уменьшался объем его использования в учебно-воспитательном процессе, в начальной школе школьник объективно не мог в должной степени изучить ни родной язык, ни русский язык.

7. Краеугольным камнем школьной политики на западных окраинах являлось демонтажное действие правительства национальной общеобразовательной школы. Происходило закрытие или перевод на обучение на русском языке вчерашних национальных учебных заведений, началось преследование тайных национальных начальных школ. После смерти Н.И. Ильминского (1891 г.) церковно-миссионерские круги стали активно выступать против системы обучения инородцев-христиан, в которой значительное место отводилось родному языку учащихся.

8. В национальных регионах функционировала сеть тайных начальных школ, ставших олицетворением пассивного протеста народных масс школьной политики правительства.

9. В условиях модернизации страны обучение государственному языку для всех российских подданных являлось объективно востребованным и полезным. Однако политика подавления обучения на родном языке этнических меньшинств и принудительное распространение русского образования вызывали у местного населения обоснованное беспокойство, усиливали отчуждение, общественное напряжение и протестные настроения, способствовали ускоренному развитию национального самосознания и неподдельного интереса к изучению родного языка и литературы, национальной культуре в целом. Эти процессы ускорили формирование общественных и политических организаций у армян, поляков, украинцев, литовцев, латышей, белорусов и евреев.

Среди мусульман Волго-Уральского региона открытие русских классов при медресе и русско-татарских (башкирских) начальных школ не получило широкого распространения, однако полицейские меры насаждения новых типов учебных заведений сформировали у населения неодобрительное отношение к ним, вопрос связывался с предстоящим крещением мусульман.

«Школьный вопрос» в период Первой русской революции 1905–1907 гг.

Именной высочайший указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», подписанный Николаем II 12 декабря 1904 г., стал важнейшим публичным заявлением о намерении провести широкие реформы в общественном устройстве России, в том числе в сфере государственно-церковных отношений и школьной политики⁵⁷. На основании этого указа правительство констатировало, что «нельзя из школы делать орудия искусственного проведения обрусительных начал и что учебные учреждения должны, прежде всего, преследовать цель образования детей и юношества согласно потребностям местного населения. Все это можно осуществить, если в школах будет обеспечено должное место природному языку учащихся»⁵⁸.

Следующим шагом верховной власти, направленным на отвлечение нерусских элит от возможной революционной деятельности, стал именной Высочайший указ «О возложении на Совет министров, сверх дел, ему ныне подведомственных, рассмотрения и обсуждения поступающих на Высочайшее имя от частных лиц и учреждений видов и предположений по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния» от 18 февраля 1905 г., предоставивший «радеющим об общей пользе и нуждах государственных» «частным лицам и учреждениям» подавать петиции на имя императора «по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния». Императорский указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. ознаменовал новую эпоху в развитии межконфессиональных отношений в России. Впервые в истории империи было публично объявлено о предоставлении каждому российскому подданному свободы вероисповедания⁵⁹. Пункт 14 указа предписывал: «признать, что во всякого рода учебных заведениях, в случае преподавания в них закона Божия инославных исповеданий, таковое ведется на природном языке учащихся. Причем преподавание это должно быть поручено духовным лицам надлежащего исповедания и, только при отсутствии их, светским учителям того же исповедания». В результате МНП изменило все свои ранее изданные

⁵⁷ ПСЗ–3. Т.24. №25495.

⁵⁸ Цит. по: *Бахтурина А.Ю.* Национальные окраины Российской империи: государственно управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1914 гг.). М., 2004. С. 81.

⁵⁹ О веротерпимости. Закон 17 апреля 1905 года. М., 1905. С.7.

распоряжения, противоречащие этому положению. Так, 22 февраля 1906 г. были высочайше утверждены Временные правила о преподавании Закона Божия инославных христианских исповеданий и о порядке наблюдения духовных лиц за его преподаванием в образовательных учреждениях учебного ведомства⁶⁰.

Под давлением общественного мнения и национальных движений правительство вынуждено было пойти на некоторые уступки. Так, указом от 1 мая 1905 г. в западных губерниях разрешалось преподавание в начальных двухклассных, городских и средних учебных заведениях литовского и польского языков как самостоятельных учебных дисциплин⁶¹. В 1906 г. указ от 1 мая 1905 г. был распространен на Виленскую, Ковенскую и Гродненскую губернии. Указом от 18 июня 1905 г. во всех учебных заведениях Прибалтики допускалось преподавание Закона Божия, церковного пения на родном языке учащихся, а также местных языков, в начальных училищах дополнительно разрешили преподавать на родном языке математику. Обучение на родном языке разрешалось лишь в частных учебных заведениях (содержащихся без пособий казны, земства и городских управ)⁶².

Указом от 6 июня 1905 г. в учебных заведениях всех типов Варшавского учебного округа вводилось преподавание польского языка и Закона Божия на польском языке, учебному ведомству предлагалось отменить все изданные ранее правила, ограничивающие пользование учащимися-поляками родным языком и обязывающие частные школы вес-

⁶⁰ Теперь обучение Закону Божию инославного исповедания в средних и низших учебных заведениях на природном языке учащихся осуществлялось по желанию родителей и опекунов учащихся. Уроки должны были назначаться по возможности в обычные часы по соглашению с законоучителем и по программам и учебникам, допущенным к употреблению министерством. Назначение законоучителей производилось учебным начальством по соглашению с надлежащей духовной властью. Законоучители инославных исповеданий приглашались с правом голоса на заседания педагогических советов при обсуждении вопросов, касающихся преподавания своего Закона Божия. Вознаграждение им производилось в размерах, определенных начальством учебного округа из специальных средств учебных заведений, «восполняемых суммами государственного казначейства, где таковые ассигнованы» (*Малиновский Н.П.* Указ. соч. С.139–140).

⁶¹ *Фархшатов М.Н.* Самодержавие и традиционные школы татар и башкир в начале XX в. (1900–1917 гг.). Уфа, 2000. С.41; ПСЗ–3. Т. 25. №26162.

⁶² *Бабин В.Г.* Указ. соч. С.50.

ти преподавание всех предметов, за исключением физики, математики, истории России, на местном языке. Также рекомендовалось разработать представление об учреждении в Варшавском университете штатов преподавателей польского языка и истории польской словесности⁶³.

По именному указу Сенату от 1 октября 1905 г. «О разрешении в некоторых частных заведениях в Царстве Польском преподавания на польском и литовском языках»⁶⁴ до рассмотрения в законодательном порядке вопроса о частной школе в Российской империи МНП и Министерству финансов также было разрешено преподавать учебные дисциплины во всех частных школах с курсом даже свыше выше гимназии на польском и литовском языках, кроме русского языка, истории и географии, которые должны были преподаваться по-русски и быть обязательными во всех учебных заведениях⁶⁵. Местные элиты сполна воспользовались предоставленной возможностью – за короткий срок возникла целая сеть коммерческих учебных заведений с разным уровнем подготовки⁶⁶. Национальные сообщества были настолько одержимы этой идеей, что сеть частных национальных школ разворачивалась несмотря на то, что учителя и учащиеся не пользовались никакими правами, а после окончания учебного заведения выпускники для трудоустройства должны были сдавать экзамен в казенном учебном заведении.

В 1906 г. было разрешено евреям открывать частные учебные заведения наравне с другими гражданами⁶⁷. На фоне таких позитивных перемен незначительными оказались достижения украинцев. МНП

⁶³ Бабин В.Г. Указ. соч. С.50.

⁶⁴ ПСЗ–3. Т.25. Отд.1. №26756.

⁶⁵ Тем самым в пользу местного населения «исправлен» высочайше утвержденное положение Комитета по делам Царства Польского от 1 мая 1869 г., согласно которому преподавание физико-математических и исторических предметов производилось на русском языке (Частные учебные заведения ведомства Министерства народного просвещения. Собрание действующих законоположений и распоряжений о частных учебных заведениях и о домашнем обучении. СПб., 1912. С.122).

⁶⁶ К 1910 г. в ведомстве Министерства финансов уже существовали следующие коммерческие образовательные учреждения разного уровня с преподаванием не на русском языке: 9 средних и 10 низших учебных заведений, 7 торговых школ, 5 торговых классов и 24 курсов коммерческой специальности (РГИА, ф.821, оп.10, д.517, л. 24).

⁶⁷ Чарнолуцкий В. Хроника. Национальные съезды по вопросам образования // Вестник воспитания. 1906. №.8. С.135.

признало возможным использование «учителями украинского языка в качестве вспомогательного средства на первых порах обучения при объяснениях»⁶⁸.

Высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 19 апреля 1906 г. в частных учебных заведениях было введено обучение на местных языках. Однако преподавание в них истории и географии России велось на русском языке, также сохранялось обучение русскому языку и литературе⁶⁹. Однако в том же году попечитель Варшавского учебного округа разослал обновленный план учебных занятий народных школ, по которому все предметы, разрешенные бывшим министром к преподаванию на польском языке, должны вестись на русском языке⁷⁰.

24 августа 1906 г. высочайше утвержденным постановлением Совета министров были отменены Правила от 3 апреля 1892 г. о взысканиях за тайное обучение в губерниях Западного края и Царства Польского⁷¹.

Высочайший манифест от 17 октября 1905 г., ставший величайшим достоянием Первой русской революции, объявил о предоставлении российским подданным гражданских свобод (свобода слова, печати, совести, собраний, союзов, неприкосновенность личности) и о созыве законодательной Думы.

Новый этап в истории России характеризовался качественными изменениями в общественно-политическом развитии этнических меньшинств империи. Приметой революции явилось проведение съездов, в которых проходили обсуждения принципов организации, управления, функционирования современной национальной школы, определялись перечень предметов, в том числе определялось отношение к русскому языку, как государственному языку и одному из учебных предметов. Резолюция съездов учителей, разработанные на них учебно-методические документы широко освещались на страницах периодики. Эти мероприятия сыграли важную роль в развитии национального движения нерусских народов России⁷².

⁶⁸ Бабин В.Г. Указ. соч. С.50.

⁶⁹ Лаурсон А.М. Указ.соч. С.125–126.

⁷⁰ Чарнолуский В. Указ.соч. С.135–136.

⁷¹ Малиновский Н.П. Указ. соч. С.140, 141.

⁷² Так, съезд латышских народных учителей Прибалтийского края при обсуждении основных принципов будущей школы высказался за преподавание в народных школах на родном языке учащихся, при этом русский язык сделать обязательным предметом, тогда как в них все

На основании высочайше утвержденного 31 января 1907 г. журнала Совета министров в учебных заведениях Варшавского учебного округа, в случае ходатайства учредителей, в подведомственных МНП частных начальных учебных заведениях, открываемых для немцев, преподавание всех предметов было разрешено вести на немецком языке, за исключением русского языка⁷³. Высочайше утвержденным 23 марта 1907 г. журналом Совета министров было разрешено в немецких частных начальных училищах, учреждаемых в селениях бывших немецких колонистов Бессарабской, Херсонской, Таврической, Екатеринославской и Волынской губерний и области Войска Донского и содержащихся на местные средства, преподавать все предметы начального обучения на родном языке учащихся, кроме русского языка, а также истории и географии⁷⁴.

Таким образом, за короткий срок в начальных училищах и частных учебных заведениях Западного края и Привислинских губерний восстановилось обучение на родном языке, а также было восстановлено право преподавания на родном языке в Прибалтийском крае.

предметы преподавались на русском языке, а также преподавался родной язык учащихся. Комиссия выборных представителей средних учебных заведений Тифлиса по вопросу о реформе средней школы на Кавказе высказалась за обязательность преподавания языков местных народов во всех классах средних учебных заведений с увеличением числа уроков и расширением программы обучения, Закон Божий также должен был вестись на материнском языке учащихся (*Веселовский Ю.* Национальный вопрос в сфере школьного воспитания // Вестник воспитания. 1906. №2. С.165, 167–168). Всероссийский съезд мусульман, состоявшийся в 1906 г. в Нижнем Новгороде, высказался за обязательное всеобщее обучение в начальных школах земского типа с 4-летним курсом обучения исключительно на татарском языке. Для городов установлен тип двухклассных училищ с 4-летним курсом на татарском языке с обязательным преподаванием русского языка. Мусульмане выступали за изъятие мектебе и медресе из ведения приходского духовенства. На нижегородском съезде было постановлено о передаче школ попечительским советам под контролем общества. Съездом учителей-мусульман в Крыму принято постановление об изъятии школ из ведения МНП с предоставлением обществу и учителям права разработки программ обучения (*Чарнолуцкий В.* Хроника. Национальные съезды по вопросам образования // Вестник воспитания. 1906. №8. С.136).

⁷³ *Лаурсон А.М.* Указ. соч. С.125–126.

⁷⁴ ПСЗ–3. Т.27. №29016.

Торжествовало и население Кавказа. Армяне, подвергшиеся грубому вмешательству правительства в их образовательно-религиозную сферу, восприняли высочайше утвержденное 1 августа 1905 г. Положение Комитета министров о передаче армянских церковных школ на Кавказе в ведение Эчмиадзинского Синода как восстановление исторической справедливости⁷⁵. 1 ноября 1907 г. был вновь введен в действие учебный устав 1880 г., устанавливавший «преподавание русского языка лишь по усвоении учащимися чтения и письма на родном языке»⁷⁶, а духовенству возвращены «Правила» от 10 июля 1874 г., дающие право самостоятельно учреждать духовные школы⁷⁷.

Итак, представленная хроника реформ, происходивших под давлением общественности, с одной стороны, свидетельствовала о существенных уступках имперской власти в школьном вопросе, с другой – о высокой социальной активности местных элит и учителей народных школ, об ускоренном восстановлении институтов национального начального и среднего образования и формировании сети профессиональных учебных заведений на Кавказе, в Западном крае, Привислинских и Прибалтийских губерниях.

В условиях модернизации страны и усиления национальных движений «школьный инородческий вопрос» стал своеобразным барометром взаимоотношения власти и элит нерусских народов. Школьный курс правительства в Привислинском крае «не только не способствовал сближению учащейся молодежи с Россией, в напротив, усилил недоверие и вражду ко всему русскому, чему мы едва ли можем удивляться...», отмечал в 1905 г. Ю.Веселовский⁷⁸. Такое неоднозначное отношение к правительственным кругам сложилось у представителей национальной интеллигенции многих народов, которые чувствовали себя пасынками в российской системе образования⁷⁹. По мнению современников, неравноправное положение школьной системы нерусских народов в России складывалось на основе следующих факторов: использование школы для ассимиляторского и миссионерского воздействия на «инородцев»; централизация народного образо-

⁷⁵ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма. (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. С.31.

⁷⁶ Малиновский Н.П. Указ. соч. С.143.

⁷⁷ Веселовский Ю. Национальный вопрос в сфере школьного воспитания // Вестник воспитания. 1905. №9. С.135.

⁷⁸ Там же. С.133–134.

⁷⁹ Левитин С. К вопросу об инородческой школе и национальном самоопределении // Инородческая школа. Сб. статей. Пг., 1916. С.28.

вания, ограничение прав местного самоуправления и его инициативы в деле просвещения; отсталость российской просветительской политики, недостаточный образовательный курс народной школы при отсутствии обязательности, всеобщности и бесплатности обучения; «поход против родного языка в инородческой школе и вообще игнорирование национальных и культурных интересов»⁸⁰.

Школьная политика правительства пореформенного периода сыграла противоположную роль в укреплении самодержавных начал и консолидации российских подданных вокруг государства, чего разработчики ее стратегии вряд ли не ожидали. Модернистские стремления самодержавия по созданию национального государства этноконфессиональными сообществами воспринимались болезненно, вызывали открытое и скрытое противодействие и способствовали этнической консолидации. Важно подчеркнуть, что учащиеся, ощущавшие свою неравноправность в школе, став сами родителями, вдвойне болезненно переживали неполноправное положение подрастающего поколения и свое бессилие что-либо изменить в этой жизни.

Если условной точкой начала пересмотра национальной политики правительства взять 1863 г., то к началу XX в. выросло три поколения российских подданных, у которых болезненное ощущение неравноправности трансформировалось в убеждение отсутствия в России справедливости и невозможности достичь ее путем диалога с властью или путем подачи прошений. Такое безвыходное состояние усиливало радикальные настроения в национальных регионах. Если в традиционных обществах одним из главных критериев ощущения справедливости была степень реализуемой государством свободы вероисповедания, то с развитием национального самосознания, национальных движений право на обучение на родном языке трансформировалось в один из ключевых, основополагающих критериев определения справедливости в российском обществе. В 1907 г. А.С. Будилович поделился своим наблюдением по поводу ядра революционеров, сыгравших ключевую роль в усилении недовольства и организации беспорядков в стране⁸¹ и вынудивших, в конечном счете, самодержавие пойти на демократические реформы. Оказалось, что в революционных событиях тон задавали радикальные элементы из числа евреев и поляков. Таким неожиданным результатом обернулось для российского правительства стремление

⁸⁰ Левитин С. Указ. соч. С.28.

⁸¹ Будилович А.С. Может ли Россия отдать инородцам свои окраины? СПб., 1907. С.18–24.

силовым путем решать культурно-цивилизационные проблемы и добиваться унификации культурного многообразия империи.

Правила о начальных училищах для «инородцев» 1906 и 1907 годов

Новые явления самым непосредственным образом коснулись народов Волго-Уральского региона. Прежде всего, с целью разработки общих принципов школьной политики в отношении мусульманских народов и «инородцев-христиан» МНП провело межведомственное «Особое совещание по вопросам образования восточных инородцев» под председательством А.С.Будиловича (10 мая – 3 июня 1905 г.)⁸², в работе которого приняли участие как представители заинтересованных министерств и управлений, так и ученые тюркологи и исламоведы. Главными задачами совещания стали пересмотр законов об «инородческих» школах восточной и юго-восточной части России и укрепление пошатнувшейся после смерти Н.И. Ильминского позиции системы начального образования «инородцев-христиан»⁸³. Совещание посчитало возможным распространение системы Н.И. Ильминского среди армян, немцев Поволжья, в западных окраинах среди поляков, латышей, литовцев и других народов, за исключением белорусов и украинцев, которые не признавались «инородцами»⁸⁴.

Сосредоточив главное внимание на опасности, якобы исходившей от стремления татар Поволжья и Приуралья «отатарить весь русско-мусульманский мир», совещание высказалось за преподавание в конфессиональных школах для башкир и казахов на родном языке с тем, чтобы пресечь усиление татарского влияния⁸⁵.

С учетом рекомендаций Особого совещания были разработаны «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» 31 марта 1906 г.⁸⁶ Новый нормативный

⁸² Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. СПб., 1905. 366 с.

⁸³ Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. Авторизиров. пер. с английского В.Гончарова. М., 2013. С.301–303.

⁸⁴ Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. СПб., 1905. С.ЛII–LIII.

⁸⁵ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории. 1996. №11–12. С.42–43.

⁸⁶ Анализ «Правил» 1906 г. осуществлен по: Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию

акт был принят вместо «Правил о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г. Поэтому представляется обоснованным сравнительный анализ этих нормативных документов, позволяющий определить новые грани школьной политики правительства позднейимперского периода.

В географическом отношении «Правила» 1870 г. распространялись на Одесский, Казанский, Оренбургский учебные округа, а также на Нижегородскую (Московский учебный округ) и Пензенскую (Харьковский учебный округ)⁸⁷. «Правила» 1906 г. распространялись на восточные и юго-восточные районы России. Иными словами, «Правила» 1906 г. становились единым нормативным документом для огромного пространства российских окраин и губерний. Радикальными они представлялись для мусульман Туркестанского края, где доселе власть демонстрировала политику невмешательства в религиозно-духовные дела местного населения и игнорирования исламских институтов.

Следует отметить, что к началу XX в. успешно функционировала система подготовки учителей русского языка и сеть школ «инородцев-христиан», были разработаны учебно-методические пособия, сформирована локальная сеть школ для мусульман и «инородцев-христиан», выявлены преимущества и издержки в методике преподавания и воздействия этих школ на культурное развитие и религиозно-нравственное состояние учащихся и т.д. Поэтому такое значительное, практически в несколько раз, расширение региона действия «Правил» 1906 г. представляется закономерным. Также следует отметить, что в министерских кабинетах был взят курс на максимальную унификацию системы учебных заведений для этнических меньшинств, несмотря на различные модели управления этими территориями и не-

в Приволжском крае 1910 года: документы и материалы / Сост., авт. предисл., прим. и сокр. *И.К.Загидуллин*; сост. указ. *Р.М.Заялетдинова*. Казань, 2015. С.562–565.

⁸⁷ В 1874 г. в связи с предстоящим подчинением конфессиональных школ татар и башкир учебному ведомству был учрежден самостоятельный Оренбургский учебный округ, которому были переданы Пермская, Оренбургская, Уфимская губернии, Уральская и Тургайская области. В составе КУО остались шесть губерний: Астраханская, Вятская, Казанская, Самарская, Саратовская и Симбирская. В 1893 г. в него вошла Внутренняя Букеевская орда, которая ранее находилась в составе Оренбургского учебного округа. Изъятые из ведения КУО Нижегородская и Пензенская губернии были переданы соответственно Московскому и Харьковскому учебным округам.

одинаковый уровень культурного развития этноконфессиональных групп населения⁸⁸.

В рассматриваемый нами период школы для «инородцев-христиан» были четырехлетними. «Примерная программа предметов, преподаваемых в начальных народных училищах ведомства Министерства народного просвещения», утвержденная 7 февраля 1897 г., по которой действовали русско-татарские (башкирские, казахские) училища, была рассчитана на три года обучения, поскольку считалась, что народная школа является школой простой грамоты⁸⁹.

В «Правилах» 1906 г. вводилась три уровня обучения, учебные программы которых официально не объявлялись сквозными. Прежние начальные одноклассные с четырехлетним обучением школы дополнялись двумя новыми: первоначальные училища (школы грамоты) с двухлетним курсом и начальные двухклассные училища с шестилетним сроком обучения (п. 5), что было вызвано желанием учесть издержки прежних лет. И дети мусульман, и дети «инородцев-христиан», как правило, рано привлекались родителями для работ по крестьянскому хозяйству. Школу заканчивали единицы. Двухлетняя школа грамоты была ориентирована именно на такую группу учащихся. Шестилетняя школа должна была решить еще одно «узкое место» прежних училищ, а именно – призвана была давать прочные знания по русскому языку. Например, четырехлетние школы «инородцев-христиан» по объективным причинам не обеспечивала добротного знания русского языка, их выпускники не смогли усвоить русский язык до такой степени, чтобы изъясниться на нем без труда. «Это происходило отчасти благодаря отсутствию целесообразно составленных учебников и несовершенным методам преподавания, а главным образом оттого, что при системе преподавания всех предметов школьного курса на русском языке детям приходилось в одно и то же время и изучать преподаваемый предмет, и упражняться в русском языке»⁹⁰.

На двухклассные шестилетние училища возлагалась еще одна задача, от которой первые два типа школ освобождались: а именно –

⁸⁸ Анализ «Правил» 1870 г. осуществлен по: Журнал Совета министра народного просвещения по вопросу о «просвещении инородцев» (2 февр. 1870 г.)... С.281–292.

⁸⁹ *Осоков А.В.* Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917): Учеб. пособие. М., 1982. С.152.

⁹⁰ *Н.К.* Новое направление в системе школьного образования инородцев-христиан восточной и юго-восточной России // Русская школа. 1907. Т. 3. С.82–83.

они были призваны давать и светские знания: помимо русского языка, религиозных предметов, математики в них преподавались: русская история, география и естествоведение, черчение и геометрические сведения. Наконец, в учебной программе шестилетней школе появился новый учебный предмет, которого не было прежде – «чтение на природном наречии», который предусматривался и после перехода к русской грамоте и продолжался до конца курса начального училища. Это был серьезный шаг в сторону «национализации» правительственной «инородческой школы».

Позитивными моментами следует признать обозначение в нормативном документе в качестве педагогов женщин, передачу учителям и учительницам заведование школами (п. 8)⁹¹, в которых они преподавали, а также приглашение для преподавания основ вероучений помимо духовенства и учителя соответствующего вероисповедания (п. 25)⁹², введение помимо церковнославянского пения⁹³ «светского пения». Теперь преподавателями могли быть лица из числа инородцев или русских, основательно знающие язык учащихся, которые должны были иметь установленный законом образовательный ценз (п. 4). По «Правилам» 1870 г. русские учителя допускались к обучению мусульман лишь при отсутствии татар-педагогов, знающих русский язык (с.289), теперь это положение становилось нормой. Как совер-

⁹¹ Дело в том, что по «Правилам» 1870 г. заведование министерской школой в большинстве случаев находилось в руках священника-законоучителя, поскольку в национальных приходах было много священником из этнических меньшинств (лишь в случае незнания священником «инородческого наречия», учитель мог стать заведующим). Получалось, что над учителем было два начальника: с одной – духовенство, с другой – инспектор народных училищ. Такая ситуация не способствовала инициативности учителей (Н.К. Указ. соч. С.86).

⁹² Это означало исчезновение зависимости от приходского духовенства, не всегда идущего на сотрудничество при приглашении в качестве преподавателя основ исламского вероучения, и возможность привлечения лиц, даже не имеющих специального религиозного образования, что отнюдь не гарантировало повышение качества обучения.

⁹³ По «Правилам» 1870 г. Закон Божий преподавался на русском языке после достаточного усвоения детьми государственного языка. Церковное пение объявлялось обязательным предметом, оно исполнялось и на родном языке, и на русском языке. Важно отметить, что разработка конкретного учебного плана по вышеназванным принципам возлагалась на местное учебное начальство.

шенно правомерно отмечает Ч.Х. Саматова, в начале XX в. власти стали ориентироваться на носителей русской культуры⁹⁴.

Учебные заведения комплектовались не по конфессиональному, а по этническому принципу, допускалось совместное обучение мусульман и крещеных. Следует отметить, что в Оренбургском учебном округе к этому времени уже наблюдались случаи совместного обучения мусульманских и православных (русских) детей⁹⁵. В старшем отделении школы грамоты, при отсутствии возможности иметь для каждой этнической группы отдельное одноклассное училище, дети различных национальностей обучались совместно на русском языке (п.6).

В революционный 1906 год совершено по-иному завуалировала цель начальных училищ для «инородцев», она была обозначена следующим образом: «с одной стороны, содействовать их нравственному и умственному развитию и таким образом открывать им путь к улучшению их быта, а с другой – распространять между ними знание русского языка и сближать их с русским народом на почве любви к общему Отечеству» (п. 2)⁹⁶. Согласно документу, теперь чиновники учебного ведомства поставили во главу угла педагогические, аккультурационные и интеграционные усилия. По сравнению с «Правилами» 1870 г. в них отсутствовала прямая ассимиляторская риторика⁹⁷, в частности,

⁹⁴ Саматова Ч. Х. Имперская власть и татарская школа во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Казанского учебного округа). Казань, 2013. С. 55.

⁹⁵ Будилович А. С. Отчет о командировочной поездке т.с. А.С. Будиловича в Казанский, Оренбургский и Западно-Сибирский учебные округа. (В октябре, ноябре и декабре 1904 г.) СПб., 1905. С. 121.

⁹⁶ В опубликованном документе местные элиты увидели реальную угрозу потери в перспективе этноконфессиональной идентичности. О каком-либо тотальном обрусении объективно и речи не могло быть. Как справедливо отмечает Р.Джераси, обе системы – для инородцев-христиан и мусульман – были направлены на «создание промежуточной обрусевшей прослойки, представители которой должны были сохранить связь со своими этническими группами и нести им просвещение, чтобы в конечном счете сделать из них верных и патриотично настроенных подданных Российского государства» (Джераси Р. Указ. соч. С.198).

⁹⁷ В «Правилах» 1870 г. мусульмане именовались не иначе как «племя, фанатизируемое многочисленным духовенством, богатое мечетями и магометанскими школами и крепкое в своей вере», «обрусение» которых «может быть ведено лишь путем распространения русского языка и образования, устранением всех таких мер, которые могли бы породить в этом,

признание образования женщин необходим лишь потому, что «племенное наречие и племенные особенности инородцев преимущественно охраняются и поддерживаются матерями»⁹⁸.

Однако одинаковый список предметов для четырехклассных школ «инородцев-христиан» по «Правилам» 1870 и 1906 г.⁹⁹ свидетельствует о преемственности прежнего курса и сохранении за одноклассной четырехлетней школой прежнего религиозно-миссионерского содержания. Как известно, что министерская школа по «Правилам» 1870 г. «не имела в виду гармоничного развития человеческой личности, а стремилась сделать инородцев христианами, выдвигая на первый план религиозное развитие и воспитание, она мало обращала внимание на умственное развитие и совершенно игнорировала практические запросы и потребности, вследствие чего инородцы оказывались не в состоянии ориентироваться, когда в своих жизненных отношениях сталкивались с окружающей действительностью. Не получая ниоткуда надлежащего умственного развития и не имея никаких других познаний, кроме церковно-религиозных, инородцы оставались на прежнем наивном неведении относительно того, что совершается за пределами их поселений»¹⁰⁰.

Итак, сложившаяся сеть одноклассных четырехлетних школ по системе Ильминского продолжала существовать без каких-либо изменений. Наиболее успешные из них могли быть преобразованы в шестилетние, а в небольших деревнях государство могло учреждать школы грамоты, что позволяло вовлечь в систему обучения еще больше «инородцев-христиан».

В «Правилах» 1906 г. главным средством первоначального обучения также объявлялся родной язык учащихся, он был и предметом обучения, и орудием для облегчения преподавания на русском языке прочих предметов (пп. 3, 11). Методика обучения русскому языку основывалась на дифференциальном подходе, который был ориентирован на детей, совершенно не знающих русский язык, и учащихся, живущих

по природе подозрительном племени, опасение в посягательстве правительства на отклонение детей их от веры» (с. 289).

⁹⁸ Н.К. Указ. соч. С.85.

⁹⁹ Учебными предметами в первоначальных и одноклассных инородческих училищах являлись: Закон Божий, церковно-славянское чтение (для православных), грамота на родном языке, русский язык (разговор, чтение, письмо), счет и пение (п.7).

¹⁰⁰ Н.К. Указ. соч. С.83.

среди русских и немного знающих разговорный русский язык. Для обеих категорий учащихся были разработаны специальные правила.

Для учащихся первой группы предусматривалось в первые два учебных года обучение на родном языке, в последующем обучение осуществлялось на русском языке, однако родной язык оставался и предметом обучения, и орудием для облегчения преподавания на русском языке других учебных предметов (п. 11). С помощью родного языка не позднее начала 2-го полугодия учебного года дети обучались русскому разговорному языку. В школах грамоты и одноклассных училищах обучение велось по учебным книгам и пособиям как на русском, так и на родном языке учащихся (п.12). Для облегчения им перехода к изучению русского языка учебные книги и пособия с переводом или без перевода печатались на родном языке учащихся русскими буквами; для народов, имеющих собственный алфавит, – двойной транскрипцией (на кириллице и традиционной) (п.13).

Для детей, проживающих вместе с русскими и несколько знающих русский язык, обучение на родном языке ограничивалось первым годом обучения, со второго учебного года оно велось на русском языке и к ним присоединялись русские ученики (п. 17). Иначе говоря, в учебных заведениях с преобладанием русских учеников нерусские дети попадали в совершенно новую этнокультурную и языковую среду, где изучение государственного языка не ограничивалось только учебными часами, но продолжалось в формате общения в стенах школы и внеучебное время. В случае, если в местностях со смешанным населением дети плохо знали русский язык, для них учреждались отдельные первоначальные училища (п. 18) с целью продолжения обучения в этом типе школ (как и в «Правилах» 1870 г.).

По мнению МНП, «Правила» 1906 г. были разработаны согласно педагогическим требованиям и в соответствии с указом от 17 апреля 1905 г. о свободе вероисповедания. В законе 17 апреля 1905 г. право на изучения Закона Божия распространялось лишь на учащихся инославных вероисповеданий. Разработчики посчитали не нужным включения в этот «привилегированный список» «инородцев», исповедующих православное вероисповедание. В результате они должны были спустя год обучения продолжить изучение Закона Божия на русском языке.

Курс обучения в различных типах школ регламентировался специальным учебным планом (п.15). С учетом местных условий девочки должны обучаться совместно с мальчиками, или же для них должны быть открыты аналогичные училища того же типа (п.16). Принцип разделения детей на две группы с учетом первоначального уровня

знания ими разговорного русского языка был предусмотрен еще «Правилах» 1870 г.¹⁰¹ Отныне более четкая регламентация принципов преподавания была осуществлена с учетом накопленных в этой области педагогических знаний.

Составители стремились четко регламентировать правила преподавания основ православия, стараясь придерживаться «Правил» 1870 г. В частности, для детей, родители которых являлись православными, Закон Божий преподавался сначала на родном языке, а по мере достаточного усвоения детьми русского языка – на русском языке, однако имелось важное примечание, открывающее возможность его преподавания и в последующем на родном языке (п.20). В «Правилах» 1906 г. этот принципиальный вопрос передавался в компетенцию преподавателя. Церковное пение на церковно-славянском языке, как и на родном языке учащихся, вводилось повсеместно, в документе четко прописано исполнение «светского пения» на русском языке, относительно исполнения на родном языке учащихся отсутствует конкретное указание (п.21). Церковное пение как учебный предмет для детей православного вероисповедания вводилась обязательно, для неправославных – вопрос предварительно согласовывался родителями с инспектором инородческих училищ. Молитвенники и богослужебные книги печатались с сохранением церковно-славянского текста «или без оного» (п. 22).

Помимо перечисленных школ, на средства правительства, обществ или частных лиц для детей неправославного вероисповедания при их конфессиональных школах (медресе мектебе, дацаны, хурулы

¹⁰¹ Для «весьма малообруселых» детей крещеных инородцев предусматривалось преподавание «на инородческих наречиях»: «и дети обучаются своему родному наречию и по учебным книгам на том же наречии» (с. 289). Для облегчения перехода к обучению на русском языке все учебные книги на языке учащихся печатались на кириллице с переводом или без перевода на русский язык. Обучение русскому разговорному осуществлялось при помощи родного языка учащихся, при изучении русской грамоты (чтение и письмо) дети продолжали пользоваться родным языком. Счисление также изучалось сначала на родном, затем на русском языке. Для учащихся, проживающих в местностях смешанно с русскими, обучение велось на русском языке учителем, владеющим родным языком учащихся, которым педагог пользовался исключительно для устных объяснений. Для детей, слабо знающих русский язык, в этих местностях учреждались «особые при училищах отделения на местные средства инородцев» с тем, чтобы усвоение русского языка открыло для них возможность продолжить обучение в школе (с. 288).

и т.п.) могли открываться классы русского языка (п. 24), что также означало их преимущество с «Правилами» 1870 г. Для облегчения поступления в русский класс не был установлен возрастной ценз (п. 29), предметами преподавания оставались русский язык и арифметика, хотя и объявлялось, что обучение в них ведется применительно к положению о первоначальных училищах (п.28). Однако имелись и отличия. Скажем, ранее они существовали исключительно на частных средствах, отныне могли испрашивать и «казенные средства» (п.37)¹⁰²; также было изъято требование об обучении в них до 16-летнего возраста, теперь для преподавания в училищах вероучений приглашались не только духовные лица, но и светские учителя соответствующего вероисповедания (п. 26). Одним из новых предметов учебной программы следует признать введенное в воспитательных целях преподавание пения на русском и родном языке учащихся по согласованию местного инспектора с родителями учащихся (п.27). Впервые был установлен четкий образовательный ценз для учителей¹⁰³: в случае, если программа преподавания расширялась за счет введения истории, географии и других предметов, то учитель русского класса должен был иметь соответствующий документ, дающий право на ведение педагогической деятельности (п.30).

Практически все пункты «Правил» 1906 г., имеющие отношение к традиционным конфессиональным школам, вызвали недовольство мусульман. Заведующие мектебе и медресе должны были быть русскими подданными и иметь свидетельство о наличии образования не ниже курса одноклассного училища МНП (п.33). Как известно, по закону от 11 октября 1890 г.¹⁰⁴ с 1891 г. от кандидатов в члены ОМДС требовалось свидетельство об умении читать и писать по-русски (с 1896 г. – свидетельство об испытании по русскому языку в объеме курса городского училища по положению от 31 мая 1872 г.); кандидаты на должности ахунов и хатибов в городах, а также на должности мулл, состоящих при казачьих войсках (за исключением Оренбургского казачьего войска), могли занимать искомые должности после успешной сдачи экзамена по русскому языку по программе курса одноклассного начального народного училища по инструкции от 4 июня

¹⁰² По «Правилам» 1870 г. за счет казны разрешалось открывать исключительно русские классы для девочек (с.291).

¹⁰³ По «Правилам» 1870 г. учителями при русско-татарских училищах могли быть лица из числа мусульман, основательно знающие русский язык, и русские, хорошо говорящие по-татарски (с. 289).

¹⁰⁴ ПСЗ–3. Т. 10. № 7120.

1875 г.; кандидаты на должности сельских мулл и мулл ОКВ должны были иметь свидетельство о знании русской разговорной речи и умении читать. Следовательно, все сельские муллы, даже имеющие русский образовательный ценз, лишались права заведования приходской школой или медресе или для получения такого права обязаны были сдать экзамен по курсу одноклассного училища МНП.

«Правила» 1906 г. вводили общий надзор МНП в лице учебных инспекций за частными вероисповедными училищами (мусульманскими, буддийскими и пр.) (п.32), именно от них теперь зависело открытие новых училищ и разрешение на использование в них учебных книг и пособий (пп. 35, 36). Иначе говоря, сами учредители – частные лица или общественные институты – лишались такого права. С целью усиления контроля над школами и используемыми в учебном процессе учебниками¹⁰⁵ МНП намеривалось учредить 14 штатов «инородческих инспекторов», которые опирались на местных инспекторов училищ.

«Правила» 1906 г. вызвали среди педагогов из числа «инородцев-христиан» позитивные отклики, ибо означали законодательное закрепление на ближайшие годы систему Н.И.Ильминского, которая подвергалась определенными кругами жесткой критики с целью перейти к обучению инородцев-христиан исключительно на русском языке. Однако и среди них оказались недовольные лица, поставившие во главу угла своих суждений необходимость развития национальной школы. В частности, анонимный автор с инициалами «Н.К.», близко

¹⁰⁵ После подчинения мусульманских школ в Казанском и Оренбургском учебных округах ведению МНП власти не разработали механизм осуществления контроля. Лишь 5 февраля 1882 г. появилось циркулярное предписание министра просвещения попечителям КУО и ОУО. Согласно первому пункту циркуляра, чиновникам учебного ведомства разрешалось приступить к фактическому контролю над мусульманскими школами. При этом им предлагалось соблюдать осторожность во время посещений учебных заведений, собирать статистические сведения, давать словесные советы, не предъявляя никаких обязательных требований. По результатам осмотра школ чиновники должны были составлять отчеты для попечителя округа. Второй пункт циркуляра был целиком посвящен мерам предосторожности. Посещение школ и дальнейшее с ними ознакомление предполагалось начинать с тех местностей, где мусульманское население проживало совместно с русскими или крещеными инородцами. Только после ревизий этих учебных заведений и «освоения» таких местностей позволялось постепенное «продвижение» в районы со сплошным мусульманским населением (ЦКУО. 1882. № 4. С. 72–74).

знакомый с системой образования Н.И.Ильминского, опубликовал в 1907 г. в журнале «Русская школа» критическую статью о «Правилах» 1906 г.

Важно отметить, что автор подчеркивает необходимость и полезность для «инородцев» русского языка как языка государственного, языка межнационального общения и средства усвоения русской культуры. В то же время он высказывает ряд претензий к «Правилам» 1906 г. Его замечания сводятся к следующим положениям:

1. Школы грамоты с двухлетним обучением «малополезны» из-за малого срока обучения.

2. Начальные училища должны давать умственное и нравственное развитие и содействовать улучшению быта «инородцев», поэтому религиозно-миссионерская школа должна превратиться в общеобразовательную¹⁰⁶.

3. Учебные предметы призваны «содействовать гармоническому развитию человеческой личности», а не превращаться «в средство или материал для достижения посторонней цели», т.е. ассимиляции.

4. Русский язык не должен быть языком воспитания и обучения, обучение на языке, который дети еще пытаются изучить, препятствует ясному и отчетливому усвоению учебного материала.

5. В программе родной грамоты должна быть «не одна только одна грамота, но и вообще природный язык», слишком умалется роль родного языка учащихся в учебном процессе¹⁰⁷.

¹⁰⁶ «Учебный курс должен состоять из таких предметов, которые заключали бы в себе все элементы, необходимые для построения строгого и цельного миросозерцания и в то же время имели бы отношение к практическим запросам жизни», должны преподаваться «элементарные сведения из естествознания, географии, обществоведения, а также практические сведения, приносящие пользу в хозяйственной жизни (из области земледелия, садоводства и огородничества)» (с.87–88).

¹⁰⁷ «Очевидно, объяснительное чтение и письменные упражнения на уроках родного языка для развития правильного мышления и сообщения навыка к ясной и точной передаче мыслей в устной и письменной форме, считаются лишними; они признаются необходимыми только на уроках русского языка, как особого учебного предмета. Однако такое пренебрежительное отношение министерства к природному языку учащихся не оправдывается ни практическими, ни педагогическими соображениями. Считая указанные упражнения вполне уместными, необходимыми на уроках русского языка, в целях возможно прочного усвоения этого последнего, мы не видим никаких оснований не давать им места и на уро-

6. Ввести в программу «светского пения» пение национальных песен.

В конце своей статьи анонимный автор делает категорический вывод о том, что «система школьного образования должна быть пересмотрена снова и изменена коренным образом» с учетом указанных замечаний¹⁰⁸.

Татары-мусульмане также подвергли «Правила» 1906 г. жесткой критике¹⁰⁹. В результате власти вынуждены были составить обновленный нормативный документ, из которого, в частности, были исключены все упоминания о мусульманских конфессиональных школах, «общем надзоре» за частными инородческими училищами, о русском образовательном цензе для заведующего училищем, о рекомендации двойной транскрипции. В результате вопрос о регулировании порядка учреждения новых мектебе и медресе остался открытым¹¹⁰.

Новая редакция документа получила название «Правила о начальных училищах для инородцев» от 1 ноября 1907 г., которые представляли этим училищам самые широкие, по сравнению с другими нерусскими учебными заведениями, права в вопросе о языке обучения: родной язык детей в первые два года обучения в училищах являлся языком преподавания, в последующие годы языком преподавания становился русский язык, родной язык оставался и предметом обучения, и средством для облегчения преподавания на русском языке прочих предметов (п. 5). При этом русский язык являлся главным учебным предметом (12 из 30 учебных часов в неделю)¹¹¹. Обучение русскому языку при помощи родного языка учащихся предусматривалось не позднее второго полугодия первого года обучения, а русской грамоте (чтению и письму) – не позднее второго года обучения (п. 6). В случае введения уроков пения оно преподавалось на русском

ках родной речи. Родная речь также необходима инородцам, как и русская, и даже более», – отмечается в статье (с.92–93).

¹⁰⁸ *Н.К. Указ. соч. С.81–96.*

¹⁰⁹ *Саматова Ч.Х. Правительство и проблемы реформирования мусульманских учебных заведений внутренних губерний России в начале XX в. // Нация. Эпоха. Личность: Сб. памяти доктора исторических наук Г.Л.Файзрахманова. Казань, 2008. С.339.*

¹¹⁰ *Дякин В.С. Указ. соч. С.43.*

¹¹¹ Анализ «Правил» 1907 г. осуществлен по: Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 года: документы и материалы... С.551–553.

и родном языке учащихся, церковное пение – и на языке богослужения (п.7).

В целом распределение предметов и уроков осуществлялось согласно таблице для одноклассных и двухклассных училищ МНП по инструкции от 4 июня 1875 г. (п.8), а программы всех предметов преподавания и родного языка составлялись управлениями учебных округов (п.9). Впервые появилось положение о возможности организации при двухклассных училищах, а также одноклассных, взамен второго класса, ремесленных классов и классов ручного труда (п.10). В новых «Правилах» получила дальнейшее развитие тема русских педагогов: лица, не знающие родного языка учащихся, могли допускаться к преподаванию в старших отделениях одноклассных училищ и во втором классе двухклассных (примечание к п.11).

В 1906 г. в МНП обратились Уфимское и Таврическое земства с предложением о подчинении инородческих начальных школ ведению училищных советов. Свою инициативу они объясняли тем, что мусульмане относятся к русской школе, подчиненной непосредственно учебной инспекции, не вполне доверчиво, а подчинение их наряду с общими училищами ведению училищных советов откроет возможность самим местным народам, в лице уполномоченных, представителей земств, городских органов самоуправления и обществ, принимать деятельное участие в развитии школьного дела среди единоверцев. Министр П.М. фон-Кауфман поддержал эти обращения¹¹². Согласно высочайше утвержденному положению Совета министров от 12 октября 1906 г., инородческие начальные училища Уфимской и Таврической губерний были переданы ведению местных училищных советов, а министр народного просвещения получил право на распространение данного нововведения и на другие губернии, в случае обращения земств¹¹³.

Помимо рассмотренных законодательных актов, имеющих отношение к нерусским школам, в 1907 г. в нижнюю палату российского парламента – Государственную думу – учебным ведомством были внесены законопроекты «О введении всеобщего начального образования в Российской империи», «О начальных училищах» и «О высших начальных училищах». Первые два документа не удостоились

¹¹² Малиновский Н.П. Указ. соч. С.147.

¹¹³ ПСЗ–3. Т.26. Ч.1. №28413.

Государственным советом утверждения, и лишь последний проект получил силу закона¹¹⁴.

Таким образом, величайшим достижением Первой русской революции для нерусских народов явилось принятие закона 17 от апреля и манифеста от 17 октября 1905 г., предоставившие широкие демократические права. Больше всех в «школьном вопросе» выиграли мусульмане и «инородцы-христиане», получившие в рамках «Правил» 1907 г. в значительной степени адаптированные к своим культурным потребностям правительственные начальные русско-инородческие школы. Благодаря мощному национальному движению коренные народы окраин также добились возрождения части ранее утраченных позиций в сфере начального, среднего и начального и среднего профессионального образования.

И.К. Загидуллин

¹¹⁴ *Усманова Д.М.* Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. Казань, 2005. С.412.

Межведомственное совещание при МНП 1910–1911 годов: причины созыва, подготовка, ход и решения

Причины созыва и подготовка совещания

Переворот 3 июня изменил приоритеты внутривластного курса правительства в «национальном вопросе». Новый избирательный закон от 3 июня 1907 г. резко ограничил представительство окраин в Государственной думе третьего созыва¹. Новые критерии способствовали доминированию в составе Государственной думы октябристов и черносотенцев. Отныне правительство воспринимало свои нововведения не иначе как уступки государственным интересам и некоторой степени даже как фатальные ошибки. Оно решило перейти от вынужденного приспособленчества в школьном вопросе к политике укрепления «единого и неделимого» Российского государства. Такой подход был обусловлен тем, что школьная сфера нерусских народов воспринималась как политический вопрос, чуть ли не определяющий магистральную линию развития империи. Расширение использования родного языка в учебном и воспитательном процессе, динамичное развитие сети нерусских национальных и конфессиональных учебных заведений, в целом расширение автономии в религиозной и школьной сферах, общественной и культурной жизни этноконфессиональных меньшинств воспринимались властью не иначе как угроза национальной безопасности России. Считалось, что нерусские национальные школы противодействовали ассимиляционным, аккультурационным и интеграционным усилиям власти, сделав приоритетом для подрастающего поколения изучение родного языка и литературы и воспитание национальных ценностей. Правительство П.А.Столыпина воспринимало школьный вопрос как политически ангажированную проблему и ставило знак равенства между воспитанием лояльных к политическому строю подданных и обучением в школе на русском языке в рамках установленных властью правил. В основе таких опасений лежало отношение государственных мужей к нерусскому и неправославному населению страны как к «чужим» по своей культурной ориентации «инородцам». Этот термин в российском делопроизводстве появился в конце XVIII в. А.Каппелер отмечает: «Как юридическое понятие он применялся до 1917 г., вначале

¹ ПСЗ–З. Т. 27. № 32121.

только к кочевым народам, позже и к евреям и к оседлому населению Средней Азии. Однако в науке и публицистике понятие «инородцы» с середины 19 века употреблялось как собирательный термин для всех народов Востока и Юга России, включая Поволжье-Приуралье. Изначально категория «инородцы» основывалась на критерии образа жизни, но в дальнейшем также и на критерии происхождения, на чужом роде. Как таковая она имела фундаменталистический и даже расистский потенциал, соответствуя политическим и духовным течениям второй половины 19 века»². Примечательно, что представители татарской элиты воспринимали наименование «инородцы» как оскорбление своего народа. В частности, об этом писали уполномоченные мусульманской общины Казани в своей петиции на имя председателя Комитета министров от 23 марта 1905 г.³

С учетом критериев конструирования единой и сильной России в объект пристального внимания правящих кругов превратились учебные заведения с преподаванием на родном языке учащихся, сеть которых вполне легально существовала на основании законодательных актов, принятых в 1905–1907 гг. В этой связи определенные круги особенно болезненно воспринимали попытки расширения географии сети нерусских частных школ и их учреждение во «внутренних губерниях». Будучи министром внутренних дел, П.А. Столыпин имел доступ к оперативной информации о процессах, происходивших в сфере нерусского школьного образования. В начале 1909 г., после ряда новых сигналов, свидетельствующих о намерении представителей инославных общин расширять сеть таких школ, статс-секретарь П.А. Столыпин решил поставить законодательный заслон инициативам местных элит. Главе правительства предстояло выработать прозрачную и эффективную модель контроля над институтами образования и просвещения этноконфессиональных меньшинств.

Как следует из письма П.А. Столыпина от 30 января 1909 г. за №5860, адресованного министру народного просвещения А.Н. Шварцу, непосредственным поводом для новой инициативы послужили: 1) прошение Московской евангелическо-лютеранской общины о вве-

² *Кантелер А.* Как классифицировали русские источники XVI – середины XIX вв. этно-религиозные группы Волго-Уральского региона // *Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона XVIII–XXI вв.)*. Н. Новгород, 2012. С.33–34.

³ *Загидуллин И.К.* Петиции мусульман Казани 1905 года // *Гасырлар авазы = Эхо веков*. 2012. №1–2. С.61.

дении в начальных школах в селениях немцев Самарской и Саратовской губерний преподавания всех предметов, кроме русского языка, по-немецки и об учреждении для подготовки начальных учителей особой кистерской семинарии, состоящей в ведении МВД; 2) ходатайство Варшавской евангелическо-аугсбургской консистории об учреждении в ведении силового ведомства в г. Томашеве Петроковской губернии евангелическо-аугсбургской учительской семинарии для подготовки учителей в кантонарские школы Привислинского края⁴. Также можно отметить поступившую в МВД информацию об открытии менонитским обществом в Гальбштадте (Таврическая губерния) коммерческого училища с обучением на родном языке учащихся.

П.А. Столыпин жестко поставил перед А.Н. Шварцем задачу проведения комплексного обсуждения инородческого школьного вопроса и разработки в кратчайшие сроки «общих руководствующих оснований, которые обеспечивали бы ему согласное с государственными видами единообразное применение»⁵.

Государственный деятель вынес суровый приговор инициативам местных элит по созданию и развитию частной национальной школы, оценив их как нанесение ущерба употреблению русского языка, которое было призвано обеспечивать интеграцию российских подданных, расселенных в различных регионах, в единое культурное пространство. Главная мысль риторики сановника заключалась в том, что школа, как правительственная, так и частная, является не только рассадником просвещения; она должна служить и проводником в широкие массы идеи государственного единства. «Поэтому в ней, без сомнения, – писал министр внутренних дел, – должно быть отведено подобающее место государственному языку, как одному из основных фактов государственного единства, и так как все культурные народности России в равной мере приобщаются к ее государственной жизни, то и в школах независимо от местности, народности и исповедания, для которых они предназначаются, русский язык должен пользоваться равным признанием и изучением»⁶.

Не желая принимать во внимание многовековые традиции нерусских народов в области национального просвещения и образования, П.А. Столыпин категорически приравнивал стремление общественных деятелей и интеллектуалов к использованию в учебном и воспитательном процессе родного языка к действиям противников интересов импе-

⁴ РГИА, ф.733, оп.176, д.46, л.1–4 об.; ф.821, оп.10. д.517, л. 3–6.

⁵ РГИА, ф.821, оп.10. д.517, л. 4.

⁶ Там же, л. 4 об.

рии. Он писал буквально следующее: «В постановке настоящего дела представляется, по моему убеждению, особенно важными совершенная определенность и ясность (подчеркнуто автором письма. – *И.З.*). В противном же случае те элементы, которые постоянно высказывают склонность к использованию во вред государственной мощи России самых благонадежных намерений и мероприятий государственной власти, не проникнутся твердым сознанием того, что в деле школьного обучения правительство руководствуется строго продуманной и раз и навсегда установленной системой, что поэтому в школьном обучении не допускаются ни малейшие колебания, и что это обучение не может быть поприщем для национального политиканства»⁷.

Важнейшим инструментом воплощения в жизнь идеи «о единой и неделимой» России П.А. Столыпин считал личность учителя начальной школы – педагога, призванного воспитывать детей младших классов, по собственному выражению сановника, «в твердом духе русской государственности». Исходя из этого, он категорически исключал возможность существования в Российском государстве вне правительственного надзора частных учительских семинарий и иных учебных заведений, основанных на обучении на нерусском языке, по подготовке учителей для инородческих школ, видя в них центры подготовки педагогических кадров, «проникнутых началами национального сепаратизма»⁸, которые угрожают целостности России.

Поэтому П.А. Столыпин поставил вопрос об установлении «общего начала», согласованного «с государственными пользами и интересами». По мнению премьер-министра, эту задачу могло бы успешно решить учрежденное при МНП особое межведомственное совещание с участием представителей заинтересованных ведомств, чтобы затем выработанные путем всестороннего обсуждения предложения – «общие начала» – были переданы в Совет министров.

К ответному письму министра А.Н. Шварца (от 10 июня 1909 г. за №19158)⁹ был приложен законопроект «Положение о начальных училищах», текст которого был ранее отправлен на рассмотрение в Государственную думу. Законопроект предполагал допускать в регионах с нерусским населением применение в ограниченном объеме родного языка учащихся в начальных учебных заведениях всех типов, независимо от их учредителя и источников финансирования. Согласно документу, период обучения в одноклассных школах составлял

⁷ РГИА, ф.821, оп.10. д.517, л. 4 об.

⁸ Там же, л. 5 об.

⁹ Там же, л. 10–10 об.

3–4 года, в двухклассных – 6–6,5 лет. Устанавливались следующие «границы дозволенности»: использование родного языка в первый и, если понадобится, во второй год обучения; с начала третьего года обучения преподавание всех предметов, кроме Закона Божьего и родного языка, должно вестись исключительно на государственном языке. Преподавание русского языка начиналось не позднее третьего месяца первого года обучения. Помимо родного и русского языков в программе одноклассного училища в качестве учебных дисциплин значились арифметика и пение, в двухклассном училище – русская история, география, черчение и геометрия. «Положение» не распространялось лишь на церковно-приходские школы православного исповедания и иноверные и инославные конфессиональные училища, как не относящиеся к общеобразовательным учебным заведениям¹⁰.

Министр народного просвещения А.Н. Шварц пытался уверить П.А. Столыпина в том, что «Положение о начальных училищах» установит «одно общее начало» в использовании местных языков в школьном обучении, в то же время он соглашался с необходимостью организации межведомственного совещания в связи с предстоящим обсуждением данного документа в Государственной думе¹¹.

Важно отметить, что в стенах МВД в эти месяцы велась активная подготовка по организации межведомственного совещания, посвященного обсуждению мер противодействия татаро-мусульманскому культурному влиянию на нерусские народы Поволжья. 2 октября 1909 г. министр адресовал А.Н. Шварцу письмо за №7300 с приглашением на планируемое МВД мероприятие нескольких чиновников учебного ведомства¹². В процессе подготовки данного совещания, видимо, возникла идея проведения еще одного, специального совещания, посвященного вопросам образования всех нерусских народов Российской империи. Второе, «доверительное», письмо министра за №7302, адресованное А.Н. Шварцу от того же числа, сводилось к необходимости организации МНП нового межведомственного совещания. Такой «комплексный подход» в поисках путей решения «национального вопроса» свидетельствовал о стремлении МВД к системно-

¹⁰ РГИА, ф.821, оп.10. д.517, л. 10–10 об.

¹¹ Там же, л. 9–9 об.

¹² Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 года: документы и материалы / сост., авт. предисл., прим. и сокр. *И.К.Загидуллин*; сост. указ. *Р.М.Заялетдинова*. Казань, 2015. С.161–163.

сти и общим знаменателям в выстраивании приоритетов новой этноконфессиональной политики государства.

П.А. Столыпин остался недоволен и законопроектом, посчитав документ недостаточно полным, и позицией руководства учебного ведомства, которое сановник обвинил в недостаточно глубоком понимании важности и сложности поставленной задачи. Министр внутренних дел раскритиковал законопроект, оценив его как нормативный акт, предусматривающий регламентацию жизнедеятельности лишь одноклассных и двухклассных начальных училищ и воскресных школ, предназначенных исключительно для распространения общего элементарного знания. Это не соответствовало его требованию, обозначенному в письме от 30 января 1909 г. На этот раз П.А. Столыпин перечислил школы, на которые должны быть распространены «общие начала»: конфессиональные еврейские, мусульманские и армянские образовательные учреждения, которые «по своим программам служат и для целей общеобразовательных»; учебные заведения лютеран; училища, открываемые различными религиозными и сектантскими общинами; низшие железнодорожные и другие технические училища; коммерческие и сельскохозяйственные школы и т.п. Как видим, правительство начало рассматривать происходившее в среде нерусских этносов обновленческое движение как единый общественно-культурный процесс национального возрождения, а также стремилось полностью охватить все учебные заведения инославных и иноверных конфессий, том числе находившиеся под ведением Наместника е.и.в. на Кавказе. В списке премьер-министра отсутствовали местные школы Великого княжества Финляндского, которое пользовалось известной автономией.

П.А. Столыпин был также недоволен тем, что в случае утверждения законопроекта «Положение о начальных училищах» все эти многочисленные учебные заведения по-прежнему останутся вне правительственного контроля¹³. «Оставаясь поэтому при первоначальном моем взгляде на необходимость внесения в эту область, в видах государственного порядка, полного единообразия, я вмещаю себе в обязанность просить Ваше Высокопревосходительство почтить меня заключением Вашим по предложению моему о необходимости образовывать для обсуждения настоящего вопроса при вверенном Вам Министерстве совещания из представителей заинтересованных ведомств»,

¹³ РГИА, ф.821, оп.10. д.517, л. 11 об.

– такими словами министр внутренних дел завершил свое «доверительное» письмо от 2 октября 1909 г., адресованное А.Н. Шварцу¹⁴.

Министр народного просвещения А.Н. Шварц 13 ноября 1909 г. уведомил П.А. Столыпина о назначении своего заместителя Л.А. Георгиевского ответственным за организацию совещания¹⁵. Следует отметить, что с 25 сентября 1910 г. А.Н. Шварца на должности министра народного просвещения сменил Л.А. Кассо¹⁶. Следовательно, межведомственное совещание проходило при новом министре, а Л.А. Георгиевский исполнял свои обязанности вплоть до завершения работы совещания.

Благодаря тому, что премьер-министр П.А. Столыпин одновременно являлся министром внутренних дел, возглавляемое им силовое ведомство сыграло ключевую роль в подготовке межведомственного совещания. По сути, ДДДИИ принадлежит главная заслуга в выработке повестки дня особого совещания.

В своем «доверительном» письме от 12 сентября 1910 г. на имя директора ДНП С.И. Анцыферова директор ДДДИИ А.Н. Харузин, по сути, определил название запланированного мероприятия – «межведомственное совещание о постановке начального образования среди инославного, иноверного и инородческого населения»¹⁷. Чиновник сообщал подробные сведения о развитии институтов национального и конфессионального образования у поляков, немцев, армян, татар-мусульман, которые после подписания указа 17 апреля 1905 г. и издания в его развитие законов и подзаконных актов обвинялись им в «систематическом стремлении» «к захвату, под видом удовлетворения религиозно-просветительных нужд, в свои руки дела начального и даже среднего образования юношества, с сообщением ему почти повсеместно узко-националистической и более или менее рельефно выраженной противогосударственной окраски»¹⁸. Имперская идеологема «мусульманского вопроса» излагалась А.Н. Харузиным следующим образом: «...за последние годы в школьном деле усматриваются ненормальные и весьма серьезные с точки зрения общегосударственных интересов

¹⁴ РГИА, ф.733, оп.176, д.46, л.9 об.–10; ф.821, оп.10, д.517, л. 11 об.–12.

¹⁵ РГИА, ф.821, оп.10, д.517, л.13–13 об.

¹⁶ Высшие и центральные государственные учреждения России: 4 т. Т.3 / сост. С.В. Казакова, Н.М. Корнева, Т.Г. Любарская, Д.И. Раскин. СПб., 2002. С.118.

¹⁷ РГИА, ф.821, оп.10, д.517, л. 19.

¹⁸ РГИА, ф.733, оп.176, д.46, л.200.

проявления на почве мусульманства и татаризма. Мусульмане, со своей стороны, под видом конфессионального образования создавали и создают планомерную сеть общеобразовательных учебных заведений национального типа, находящихся вне правительственного контроля. В связи с этим у волжских мусульман ныне уже образован солидный капитал (по завещанию одного из умерших крупных мусульманских деятелей) (подразумеваются средства, завещанные умершим в 1906 г. Ахметом Хусаиновым на развитие национальной системы образования. – *И.З.*) для устройства особого органа управления мусульманскими школьными делами. Этот орган, по предположению организаторов, должен исполнить функции как бы особого мусульманского Министерства народного просвещения. Министерство внутренних дел, признавая вопрос о постановке учебного дела у мусульманского населения особо неотложным¹⁹, подвергало его, при участии представителей учебного ведомства, особому суждению в специальном по настоящему вопросу совещании, и соображенные предположения подлежат разрешению в особо намеченном порядке»²⁰.

Письмо А.Н. Харузина завершается перечнем вопросов, которые следовало обсудить на межведомственном совещании. Здесь важно отметить, что инициатива определения программы работы совещания

¹⁹ Еще до начала совещания 1910–1911 гг. правительство считало, что джадидские – новометодные – мусульманские школы, которые стремились использовать в учебном процессе русский язык в качестве инструмента к освоению европейского светского образования, находятся «почти вне фактического правительственного контроля» и самое главное – «отвращают мусульманскую молодежь от поступления в русские школы», потому что формируют национальную сеть образовательных учреждений. В Поволжье власти опасались татарского культурного влияния на местные народы. По мнению столичных чиновников, результатом модернизации социокультурной жизни татар-мусульман могла стать организация в стране, главным образом на восточной окраине, «сплоченной группы мусульман, хотя и не явно враждебной, но, во всяком случае, вполне обособленной от русской государственности и культуры» (РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.253 об., 257–257 об.). По мнению представителей власти, одно из проявлений панисламистской и пантуранской (пантюрокской) деятельности татар заключалось в развитии под видом допущенных законом мусульманских конфессиональных школ (мектебе и медресе) обширной сети общеобразовательных инородческих учебных заведений «со специфическим татарским оттенком».

²⁰ РГИА, ф.733, оп.176, д.46, л.207 об.–208.

исходила от МВД, а не учебного ведомства, которое непосредственно курировало вопросы народного просвещения. «Вопросник» ДДДИИ состоит из трех разделов²¹. В первом разделе перечислены проблемы, требовавшие безотлагательного разрешения, в сфере «государственного школьного образования»: 1) «допустимо ли открытие каких-либо бы то ни было специально-инородческих училищ как конфессиональных, так и не конфессиональных, или субсидирование таковых учебных заведений, устроенных по частной инициативе»; 2) «допустимо ли в начальном образовании применение местных инородческих наречий и, в утвердительном случае, в каких пределах и на каких основаниях»; 3) «подлежит ли обеспечение со стороны государства начального религиозного образования для иноверцев и, в утвердительном случае, на каких началах, и на каких языках таковое должно быть осуществлено»²².

Вопросы *второго раздела* следует разделить на несколько подгрупп. Абсолютное большинство их касается области начального образования. Прежде всего, участники совещания должны были для себя выяснить: «допустимо ли и желательно ли существование особых конфессиональных вероучительных и общеобразовательных начальных школ» (п. 4), и дать определение «вероучительной», т.е. конфессиональной, школе («в чем должна заключаться разница между вероучительной и общеобразовательной конфессиональной начальной школой») (п. 5). Два вопроса (пп. 6 и 7) касались порядка и механизма осуществления правительственного контроля над их учебно-образовательной и воспитательной деятельностью²³.

Примечательно, что ДДДИИ интересовали такие аспекты функционирования нерусской начальной школы, как порядок ее учреждения, набор контингента учащихся, степень использования в учебном процессе родного языка, регламентация внутреннего распорядка и др.:

– «на каких языках должно производиться обучение в конфессиональных, как вероучительных, так и общеобразовательных школах, в каких пределах и на каких основаниях допустимо в них употребление местных инородческих наречий» (п. 8);

²¹ РГИА, ф.733, оп.176, д.46, л.213–215.

²² РГИА, ф.821, оп.10. д.517, л.26.

²³ «В ведении и под надзором какой правительственной власти должны состоять как вероучительные, так и общеобразовательные конфессиональные начальные школы» (п.6); «в чем осуществляется надзор правительственной власти за школами обоих типов» (п.7).

– «допустимо ли учреждение означенных школ вне районов сплошного населения данного исповедания» (п. 9);

– «допустимо ли поступление в конфессиональные школы обоих типов детей других исповеданий, в частности, детей православных. В утвердительном случае, должно ли быть обеспечено и каким образом получение ими религиозного образования по правилам их веры» (п. 10);

– «допустимо ли открытие и содержание конфессиональных общеобразовательных начальных школ духовными лицами и духовными учреждениями (церковно-приходские школы)» (п. 11).

Следующая большая тема – это инославные и иноверные конфессиональные духовные и нерусские учительские школы²⁴. Согласно «вопроснику», участники межведомственного совещания также с точки зрения государственных интересов, должны были высказаться о возможности существования в империи нерусских средних учебных заведений²⁵, а также низших и средних специальных училищ неправославного населения²⁶.

Третий раздел «вопросника» посвящен проблемам «частного неконфессионального образования»:

– «в каких пределах допустимо в частных учебных заведениях всех типов и ведомств, с точки зрения общих государственных интересов, употребление местных инородческих наречий в качестве языка обучения» (п.16);

– «соответственно ли государственным интересам допущение повсеместного устройства частных учебных заведений с преподаванием на инородческих наречиях. В отрицательном случае, какие в сем отношении надлежит ввести ограничения» (п.17)²⁷.

²⁴ «Каким условиям должны удовлетворять такие школы (применительно к вопросам 6–11)» (п. 12) и возможности объединения, и в утвердительном случае на каких принципах обоих из типов учительских школ» (п.13).

²⁵ «Допустимо ли возникновение конфессиональных средних общеобразовательных учебных заведений и в утвердительном случае каким условиям должны удовлетворять такие учебные заведения (применительно к вопросам 6–11)» (п.14).

²⁶ «Допустимо ли и желательно ли возникновение специальных конфессиональных учебных заведений как низших, так и средних (сельскохозяйственных, технических, коммерческих, ремесленных и т.д.) и в утвердительном случае каким условиям должны удовлетворять такие учебные заведения (применительно к вопросам 6–11)» (п.15).

²⁷ РГИА, ф.821, оп.10. д.517, л.26 об.–27.

Итак, с одной стороны, активизация общественно-культурной жизни нерусских народов страны, с другой – консервативная общественная атмосфера и политическая воля П.А.Столыпина привели к организации при МНП межведомственного совещания, призванного комплексно рассмотреть и разработать принципы единого правительственного школьного курса на ближайшие годы.

Проведение межведомственного совещания

Межведомственное совещание по вопросу о постановке школьного образования в местностях с инородческим и инославным населением работало с 30 ноября 1910 г. по 14 декабря 1911 г., с перерывами от 22 декабря 1910 г. по 1 марта 1911 г. и от 1 апреля по 14 декабря 1911 г.²⁸ Состоялось всего 34 заседания.

Еще до начала совещания, в 1910 г., МНП стало собирать необходимые сведения о нерусских школах на окраинах. В частности, были сделаны запросы и получены справки от обер-прокурора Св. Синода, из Главного управления землеустройства и земледелия, Министерства торговли и промышленности, Главного управления казачьих войск, Азиатского отдела Главного штаба, Министерства путей сообщения²⁹.

В совещании самую многочисленную группу, как и ожидалось, составляли чиновники учебного ведомства – всего 12 человек. Обязанности секретарей в совещании исполняли три делопроизводителя ДНП³⁰.

Согласно плану организаторов совещания, тотальный охват при обсуждении всех типов учебных заведений призван был обеспечить участие в нем представителей заинтересованных центральных органов власти, курирующих свои, ведомственные, различного уровня образовательные учреждения: Синод³¹, Министерство торговли и

²⁸ Первый перерыв в работе совещания был вызван командировкой председателя совещания для обозрения учебных заведений Казанского и Оренбургского учебных округов и Туркестанского генерал-губернаторства, второй пришелся на летние месяцы.

²⁹ РГИА, ф.733, оп.176, д.46, л. 22–33, 137–139 об., 156–157, 158–166, 184–185, 199–215.

³⁰ Надворные советники П.М. Карпов и Д.Е. Березов, коллежский советник П.М. Тарунтаев.

³¹ Синод представляли наблюдатель церковных школ А.М. Ванчаков (участвовал в 3 заседаниях), члены училищного совета при Св. Синоде –

промышленности³², Министерство путей сообщения³³, Главное управление землеустройства и земледелия³⁴, Военное министерство³⁵, Ведомство учреждений императрицы Марии³⁶.

Первоначально МВД представлял вице-директор ДДДИИ Н.И. Павлов, который принимал участие во всех заседаниях. Вскоре выяснилась востребованность дополнительной информации о состоянии школьного дела на российских окраинах. «В целях наиболее всестороннего освещения положения рассматриваемого дела на тех же окраинах государства, на которых оно имеет особенно важное значение с точки зрения государственных интересов», П.А. Столыпин 10 декабря 1910 г., уже после начала работы совещания, рекомендовал дополнительно включить в состав его участников тифлисского губернатора М.А. Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинского (присутствовал в 6 заседаниях), вскоре по просьбе Наместника кавказского графа И.И. Дашкова-Воронцова его сменил член совета Наместника е.и.в. на Кавказе Е.Г. Вейденбаум, известный в крае специалист по инородческой и иноверческой школам, который, прибыв 6 марта 1911 г. в столицу, участвовал в 7 заседаниях совещания³⁷. Другим чиновником, дополнительно рекомендованным П.А. Столыпиным, был люблин-

протоиерей И.И. Восторгов (участвовал в 3 заседаниях) и П.Н. Луппов (участвовал в 26 заседаниях).

³² Министерство торговли и промышленности представлял начальник учебного отдела А.Н. Михайлов (участвовал в 21 заседании).

³³ Министерством путей сообщения были делегированы управляющий учебным отделом В.А. Немолодышев (участвовал в 2 заседаниях) и окружной инспектор училищ С.М. Дормидонтов (участвовал в 23 заседаниях).

³⁴ Главное управление землеустройства и земледелия представляли вице-директор департамента земледелия П.Н. Соковнин (участвовал в 4 заседаниях), начальник учебного отдела того же департамента П.Ф. Сурин (участвовал в 4 заседаниях) и инспектор по сельскохозяйственной части и член Ученого комитета Главного управления И.И. Мещерский (участвовал в 21 заседании).

³⁵ Военное министерство представляли начальник Азиатского отдела Главного штаба генерал-майор С.В. Цейль (участвовал в 11 заседаниях) и полковник Генерального штаба В.А. Карликов (участвовал в 6 заседаниях).

³⁶ Ведомство учреждений императрицы Марии представлял чиновник особых поручений при собственной его императорского величества канцелярии по учреждениям Императрицы Марии Г.Н. Френев (участвовал в 26 заседаниях).

³⁷ РГИА, ф.821, оп.10. д.517, л.30–30 об., 44–45, 52.

ский губернатор Е.В. Менкин, который «отличился» тем, что представил в начале декабря 1910 г. Л.А. Георгиевскому записку о тайном и недозволенном школьном обучении в крае и подготовил справку о значении и деятельности польского духовенства в сфере народного просвещения³⁸. Активное и неформальное участие Е.В. Менкина в 18 заседаниях межведомственного совещания способствовало перемещению его по службе: 30 января 1912 г. Е.В. Менкин был назначен директором ДДДИИ³⁹.

Оказалось, что участники совещания не владеют информацией относительно обсуждаемых предметов. Поэтому ДНП запросил сведения об инородческих учебных заведениях в регионах: у попечителей Одесского (3 февраля 1911 г.), Варшавского (15 октября 1911 г.), Киевского учебных округов (18 октября 1911 г.)⁴⁰.

Понимая невозможность «сходу» решить некоторые сложные проблемы, требовавшие глубокого и всестороннего анализа, руководство освещения решило, прежде чем выработать какие-то рекомендации, учредить подкомиссии – временные рабочие группы в составе специалистов различных ведомств. Так, с целью предварительного обсуждения вопросов, связанных с преподаванием инославного Закона Божия и вероучений в государственной и частной школе, была создана подкомиссия под руководством вице-директора ДДДИИ Н.И. Павлова⁴¹. Другая подкомиссия под председательством члена Совета министра народного просвещения А.М. Позднеева сосредоточилась на изучении проблемы учебников для инородческих школ⁴². Было проведено всего 7 заседаний двух подкомиссий. Такая точечная

³⁸ РГИА, ф.821, оп.10. д.517, л.68.

³⁹ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917: в 4 т. Т.2 / сост. *Б.М. Витенберг, Н.М. Корнева, Т.Г. Любарская, З.И. Перегудова*. СПб., 2001. С.38.

⁴⁰ РГИА, ф.733, оп.176, д.47, л.19–27, 74–77, 80–81.

⁴¹ В состав этой подкомиссии вошли П.В. Гурьев, И.М. Воронцовский, А.Н. Михайлов, Г.Н. Френев, А.С. Мамантов, А.В. Петров и В.И. Тяжелников.

⁴² В подкомиссии под руководством А.М. Позднеева работали С.Ф. Спешков, А.В. Вильев, А.А. Остроумов, Н.И. Павлов, И.М. Воронцовский, А.В. Петров, а также не принимавшие участия в общих заседаниях совещания должностные лица: чиновник особых поручений при министре внутренних дел профессор П.А. Кулаковский, главный инспектор училищ Восточной Сибири Г.П. Василенко, начальник отделения ДДДИИ И.М. Платонников.

концентрация усилий и обсуждений в подкомиссиях, безусловно, облегчила работу совещания, участники которого получили для обсуждения подготовленные аналитические записки с конкретными рекомендациями, что ускорило оформление общего документа.

При разработке «общих подходов», о которых писал премьер-министр П.А.Столыпин, участники совещания придерживались нескольких основополагающих критериев.

Во-первых, чиновники были уверены, что тотальный охват учащихся начальными училищами с момента введения всеобщего начального обучения в стране непременно создаст для нерусских детей новую альтернативу в получении начального образования и конфессионально-национальные школы потеряют нынешнее важное значение для нерусских народов.

Во-вторых, основным и неперенным условием привлечения нерусских подданных в правительственную школу и формирования ее положительного имиджа, позволяющим отвести от нее подозрение и обвинение в христианизации и обрусении учащихся, участники совещания было назвали: создание возможности религиозного обучения и обучения на родном языке. Примечательно, что право российских подданных изучать основы своего вероучения на родном языке не воспринималось как гарантированное российским законодательством положение, а рассматривалось как «прикрытие» в достижении иной цели.

В-третьих, в нерусских общеобразовательных и неправославных конфессиональных школах «русскому языку, как государственному, должно быть отведено подобающее место», так как «только при его помощи возможно приобщение инородческих элементов к русской культуре и государственности». Другой важнейшей задачей объявлялось воспитание «в учащихся инородцах понимания России и любви к ней, школа должна знакомить учащихся с историческими судьбами и теперешним состоянием русского государства, как могущественной мировой державы, раскинутой на громадном пространстве».

В-четвертых, с целью повышения эффективности «культурной работы подъема русского национального самосознания и в борьбе с племенным сепаратизмом» планировалось широко привлекать государственно-общественные институты в лице губернских и уездных училищных советов, попечительских советов учебных заведений и т.д.

В-пятых, в сфере религиозного образования сохранялась определенная автономия за соответствующей духовной властью. Пределы правительственного контроля над конфессиональными учебными заведениями определялись преподаваемыми в них общеобразовательными учебными дисциплинами, которые подлежали государственно-

му контролю, аналогичному контролю над общеобразовательной частной школой. Надзор за преподаванием вероучения заключался в определении лояльности или нелояльности преподавателя к действующей власти⁴³.

Решения совещания

Изучение текста журнала межведомственного совещания 1910–1911 гг. дает значительную пищу для размышлений о судьбах нерусской школы в Российской империи, о суждениях российских сановников-консерваторов, рекомендации которых при удачном стечении обстоятельств могли быть в значительной степени претворены в жизнь.

Следует признать, что обсуждавшиеся вопросы являлись давно назревшими, особенно после издания правительственных актов 1905–1906 гг., допустивших местные языки в школу, и существовала объективная потребность в выстраивании общих государственных принципов по регламентации функционирования нерусских учебных заведений в различных регионах империи. На наш взгляд, убийство 5 сентября 1911 г. в Киеве П.А. Столыпина, сотрудники которого по линии МВД держали работу совещания под неослабным контролем и активно воздействовали на обсуждаемые вопросы, практически не повлияло на формулировки окончательного текста журнала межведомственного института. Поэтому очевидно, что его решения являются продуктом эпохи П.А.Столыпина. К этому времени основная часть заседаний уже прошла, их решения были документально оформлены. Журнал совещания был подписан участниками только 23 ноября 1913 г., своими подписями им пришлось подтвердить решения прошедшего несколько лет тому назад совещания⁴⁴.

Всего на межведомственном совещании в качестве сегментов «общих начал» школьной политики правительства в отношении нерусских народов (языки украинцев и белорусов считались диалектами русского языка), было выделено пять проблем:

- об употреблении в школе инородческих языков;
- об учебниках на инородческих языках;
- о преподавании инославного Закона Божия и начал веры в школе;
- о конфессиональных учебных заведениях, открываемых для учащихся одного исповедания;

⁴³ РГИА, ф.1022, оп.1, д.28, л. 20–23.

⁴⁴ *Фархитов М.Н.* Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века (1900–1917 гг.). Уфа, 2000. С.84.

– об организации надзора за инородческими и инославными школами⁴⁵.

На первый взгляд может показаться, что в ходе комплексного обсуждения «школьного вопроса» участники совещания отклонились от «подсказок» силового ведомства. В действительности они отошли от строгого рассмотрения проблем по типам учебных заведений, сделал для удобства анализа и систематизации «сквозными» несколько ключевых тем.

Весьма взвешенно участники совещания выстроили свои аргументы по вопросу о принципах преподавания родного языка в национальной школе. При рассмотрении проблем применения родного языка учащихся участники совещания во многом «отталкивались» от законопроекта «Положение о начальных училищах» МНП, соглашаясь, уточняя или отвергая его положения. Прежде всего, они констатировали, что законопроект МНП о начальных училищах имеет в виду не преподавание на местных языках, а лишь пользование последними как «подсобным средством» только при первоначальном обучении в первый и, если понадобится, во второй год обучения. Было определено, что в правительственных начальных училищах для обучения не говорящих по-русски детей допускается употребление родного языка учащихся в качестве подсобного средства при преподавании в первый год обучения, и, если понадобится, и второй год обучения; объем часов, отводимой на их обучение не должен превышать объема преподавания русского языка.

Между тем, согласно «Правилам» от 1 ноября 1907 г., родной язык служил языком преподавания в течение первых двух лет обучения, причем в последующие годы он оставался и предметом обучения, и орудием для облегчения преподавания других предметов.

Далее участники совещания заявили, что после издания правительственных актов, «допустивших местные языки в школу, можно лишь говорить о границах пользования в школах этими языками». При этом было заявлено, что школа не может являться проводником поглощения одной нерусской «культурной народностью», имеющей свою литературу и письменность, другой народности, не имеющей алфавита.

Был уточнен список языков народов, имеющих «литературу и культуру», которые допускается преподавать в частной школе (польский, литовский, немецкий, эстонский, латышский, татарский, бурятский, калмыцкий, грузинский и армянский). (В ранее упомянутом на-

⁴⁵ РГИА, ф.1022, оп.1, д.28, л.23.

ми проекте «Положения о начальных училищах» МНП 1909 г. значились 12 языков, в том числе чешский и еврейский языки, которые участники совещания вычеркнули. – *И.3.*) При этом указывалось, что в случае введения всеобщего обучения население «инородческих местностей» должно обеспечиваться правительственными училищами, прежде всего имелись в виду те народности, языки которых не вошли в заветную «десятку».

Участники совещания разработали определение «образцовой» в политическом отношении начальной школы позднейимперского периода: «Идеалом школы с точки зрения государственного единства представлялась бы единая для всех народностей империи школа с государственным языком преподавания, не преследующая подавления отдельных национальностей, но воспитывающая в них, как и в природных русских, любовь к России и сознание ее единства, целостности и неделимости»⁴⁶. Изменение сложившейся ситуации с нерусскими школами, где преподавание велось на родном языке учащихся, считалось возможным исключительно после введения всеобщего начального обучения; когда повсеместно появятся русские училища, «тогда отпадет необходимость в существовании частной начальной школы, содержимой на частные средства, с природным языком преподавания в ней». Воспрещение в настоящее время обучаться в такой школе, по мнению участников совещания, с одной стороны, было бы равносильно воспрещению получить начальное образование, что «едва ли может быть признано мерой полезной с государственной точки зрения», с другой – оно дало бы толчок обучению нерусских детей в учебных заведениях за границей, «в которых учащаяся из России молодежь воспитывалась бы, без сомнения, во враждебном России направлении»⁴⁷.

Частные школы с преподаванием на родном языке могли содержаться исключительно на частные средства и не могли пользоваться какими бы то ни было правами ни для учащихся, ни для учащихся по аналогии с правительственными учебными заведениями.

Оборотной стороной новых требований, скажем к частной начальной одноклассной школе с обучением на родном языке, становились обязательные предметы, которые преподавались на русском языке и несли информацию о России как Отечестве. Речь шла о соблюдении следующих правил: 1) чтобы обязательно изучался русский язык с назначением на это достаточного числа часов и в пределах, установленных для правительственной школы, 2) чтобы при объясни-

⁴⁶ РГИА, ф.1022, оп.1, д.28, л.31.

⁴⁷ Там же, л.31.

тельном чтении на уроках, как русского, так и местных языков, в частной школе с трехгодичным курсом сообщались сведения по отечественной истории и географии России, 3) чтобы в частной школе с 4-летним курсом обучения история и география изучались как отдельные самостоятельные предметы и преподавались на русском языке и 4) чтобы преподавание всех предметов велось по одобренным правительственной властью учебникам. Во 2-м классе частных начальных школ с повышенным курсом кроме русского языка история и география должны преподаваться на государственном языке.

На окраинах, где сельское население не знало русского языка, в профессиональных учебных заведениях с общеобразовательным курсом не выше двухклассных начальных училищ помимо самого русского языка история и география должны были преподаваться на государственном языке.

Новым в суждениях участников совещания следует признать запрещение ими нерусских по учащемуся контингенту начальных профессиональных педагогических учебных заведений. Впредь подготовка учителей нерусских начальных школ должна вестись в «общих семинариях и учительских школах вместе с русскими»; считалось, что в таком случае будущие педагоги будут лучше знать «русский язык, скорее усвоят русский дух, проникнутся русской культурой, а русские практически будут знакомиться с языком инородцев, среди которых им придется жить и детей которых придется обучать»⁴⁸.

Предполагалась глубокая трансформация частных средних школ с преподаванием на родном языке учащихся, действовавших в Прибалтийском и Привислинском краях. В них с четвертого года обучения все предметы преподавались на русском языке за исключением иностранных языков, преподавание которых на родном языке может продолжаться и в 4-й год. Те предметы, изучение которых начиналось с 3-го года, также преподавались на русском языке. Эти требования не распространялись лишь на Закон Божий и родной язык учащихся.

В частных средних учебных заведениях профессионального типа – коммерческих, ремесленных, технических, промышленных и сельскохозяйственных – разрешалось преподавание на родном языке в первые три года обучения в случаях, если в них имеются общеобразовательные классы.

Важнейшим элементом учебного процесса признавались одобренные российской цензурой учебники. Рекомендовалось осуществлять экспертизу учебников на нерусских языках в МНП. Было заявлено

⁴⁸ РГИА, ф.1022, оп.1, д.28, л.33.

но, что из десяти народностей, на языках которых может вестись преподавание в школе, татары, калмыки и буряты нуждаются в содействии правительства в издании школьных учебников для начальных школ на их языках с целью ограждения этих народностей от пользования учебниками иностранного происхождения. Речь шла о следующих учебных пособиях: «1) буквари или книги для обучения чтению и письму по звуковому методу; 2) книги для чтения, содержащие рассказы по естественной истории, географии, этнографии и истории преимущественно России; 3) инородческо-русские и русско-инородческие словари; 4) грамматика для второго класса двухклассных начальных училищ».

При обсуждении проблем преподавания правил веры тех вероучений, которые могут быть допущены в школу, на совещании были найдены ответы на следующие вопросы: 1) обеспечение преподавания начал веры на счет казны, 2) обязательность преподавания начал веры в государственной школе духовными лицами подлежащего исповедания или вероучения, 3) образовательный ценз школьных вероучителей, 4) порядок назначения и утверждения их в должностях, 5) язык преподавания начал веры, 6) надзор за преподаванием вероучения, 7) учебники и программы.

В казенных учебных заведениях приоритет в финансировании принадлежал православному вероучению, лишь при отсутствии учеников православного исповедания вознаграждение могло назначаться законоучителю или вероучителю большинства неправославных учащихся. В казенных учебных заведениях обучение Закону Божию инославных и иноверных исповеданий вводилось по мере изыскания средств.

Вероучители низших учебных заведений обязаны были иметь свидетельство не ниже звания учителя начального училища, в средних – по возможности документ об окончании среднего учебного заведения.

В учебных заведениях, в которых учащиеся одного вероучения принадлежали к разным этническим группам, преподавание вероучения должно производиться, по мере возможности, на всех родных языках учащихся.

Констатировалось, что «Временные правила» для преподавания Закона Божия инославных христианских исповеданий в учебных заведениях ведомства МНП от 22 февраля 1906 г., с учетом рекомендаций совещания, распространяются на преподавание вероучений старообрядческого, инославных, а также нехристианских исповеданий.

Прежде чем перейти к рассмотрению классификации межведомственным совещанием основных групп учебных заведений нерусского населения империи, следует уточнить терминологический аппарат, использовавшийся на заседаниях совещания и нашедший отражение в его решениях. Как известно, российское законодательство при регламентации правового статуса российских подданных ориентировалось на их конфессиональную принадлежность. Термины о национальной системе образования не применялись вследствие огромного влияния религиозного фактора, который являлся важнейшим маркером и правового статуса населения, и учебных заведений. В империи «этническая, этноязыковая принадлежность не являлась официальной категорией идентификации подданных империи, конфессиональные и сословные аспекты этой демографической мозаики легче поддавались наблюдению, регистрации и воздействию»⁴⁹.

Одновременно под воздействием модернизационных процессов происходила секуляризация общественной и культурной жизни многонационального российского общества, нашедшая отражение в изменении содержания программ и перечня учебных дисциплин в конфессиональных школах. Однако по сложившейся в российском делопроизводстве традиции участники совещания оперировали архаичной, привычной для себя терминологией. Поэтому общеобразовательные (светские) национальные школы, в том числе по профессиональной подготовке, они именовали следующим образом: «частные конфессиональные учебные заведения с преподаванием общеобразовательных предметов и профессиональных знаний».

В качестве второй группы учебных заведений были выделены «конфессиональные учебные заведения, открываемые для подготовки инославных вероучителей и учителей начальных школ».

В представлении чиновников третью группу учебных заведений составляли «вероучительные школы» с преподаванием предметов, относящихся к вероучению, и «вероучительные школы», готовящие законоучителей и вероучителей.

Генеральной линией было объявлено свертывание конфессиональных учебных заведений с преподаванием общеобразовательных предметов и профессиональных знаний и превращение семинарий и конфессиональных школ в исключительно «вероучительские» учеб-

⁴⁹ Долбилов Д.М. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С.16.

ные заведения, без преподавания общеобразовательных дисциплин, кроме государственного языка.

Еще одним важным моментом, раскрывающим суть школьной политики правительства на данном этапе развития российской государственности, стали суждения чиновников центральных ведомств о возможности выделения казенных субсидий для начальных общеобразовательных школ русских старообрядцев, проживающих в Прибалтийском крае и Северо-Западных губерниях: было заявлено, что в случае «необходимости поддержать или защищать русскую народность от натиска инородцев» правомерно оказывать материальное содействие. По поводу перспектив выделения аналогичных средств другим группам христиан (нерусских), обитающим в Сибири, было констатировано, что «общеобразовательная государственная школа должна быть единой и что поддержание инославных инородцев открытием для них школ не в интересах русского правительства, которое должно заботиться об ассимилировании всех инородцев»⁵⁰.

Частные конфессиональные учебные заведения с преподаванием общеобразовательных предметов и профессиональных знаний

На российских окраинах непременным условием учреждения начальной неправославной школы была объявлена обеспеченность православного населения данного поселения отдельной школой. В журнале были перечислены регионы, в которых запрещались католические начальные профессиональные школы и общеобразовательные школы: Холмская Русь и восемь западных губерний (Минская, Могилевская, Витебская, Волынская, Виленская, Гродненская, Подольская, Киевская). Запрещалось открытие конфессиональных общеобразовательных школ повышенного типа и городских училищ, исключение было сделано для мусульман, старообрядцев, сектантов и евреев.

Большинство участников совещания проголосовало также против учреждения конфессиональных средних общеобразовательных школ для старообрядцев, сектантов, армян и мусульман, исключение было сделано лишь для евреев. Последние можно было учреждать и вне черты еврейской оседлости в населенных пунктах, контингент жителей которых достигал не менее тысячи душ и где имелось значительное число евреев.

Духовные лица и духовные учреждения инославных исповеданий могли давать средства на содержание конфессиональных общеобразовательных и начальных профессиональных учебных заведений, не

⁵⁰ РГИА, ф.1022, оп.1, д.28, л.70.

претендуя на права их содержателей. Исключение было сделано для армяно-григорианского духовенства, которое имело право на открытие и содержание начальных армянских школ.

Учащиеся православного вероисповедания не допускались в конфессиональные школы христиан и нехристиан, а дети христиан, соответственно, в конфессиональные школы нехристиан⁵¹.

Конфессиональные учебные заведения, открываемые для подготовки инославных вероучителей и учителей начальных школ

Этот раздел журнала выделяется особой четкостью в плане анализа и принятых рекомендаций.

В римско-католических духовных семинариях по-прежнему не разрешался общеобразовательный курс. Кистерские и канторские школы должны были иметь двухгодичный курс обучения и готовить на родном языке исключительно кистеров и канторов, общеобразовательные предметы, кроме русского языка, также запрещались.

Армяно-григорианские учебные семинарии рекомендовалось трансформировать в вероучительские школы, предназначенные для подготовки священников. Ачмядзинская армянская духовная академия объявлялась исключительно богословским учебным заведением, а языком преподавания для всех предметов небогословского характера становился русский язык.

Участники совещания поддержали мнение состоявшегося при МВД Особого совещания по выработке мер противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 г., относительно вопроса недопустимости дальнейшего уклонения конфессиональных мусульманских школ в общеобразовательную сторону и создания в их рамках национальных учебных заведений мусульман. Поэтому они должны были трансформироваться в частные учебные заведения с общеобразовательным курсом. Чисто религиозные школы оставались в ведении мусульманского духовенства, для них составлялся перечень обязательных предметов обучения, т.е. учебная программа⁵².

⁵¹ РГИА, ф.1022, оп.1, д.28, л.176–178.

⁵² Некоторые участники совещания выразили сомнение по поводу возможности и целесообразности разграничения школ конфессиональной и общеобразовательной. На что председатель Л.А. Георгиевский заявил: «Едва ли можно препятствовать обращению мектебов в общеобразовательные школы. Необходимо только следить за тем, чтобы они в таких случаях всецело подчинились требованиям, предъявляемым к частным общеобразовательным школам, и если мусульмане пожелают этого, то

Помимо этого, в продолжение рекомендаций особого совещания 1910 г., было специально рассмотрено несколько вопросов. По поводу преподавания в медресе было решено, что, помимо арабского, «подсобным языком» изучения мусульманского вероучения должен служить родной язык учащихся⁵³. По другому актуальному вопросу, связанному с подготовкой мулл, знающих русский язык, участники совещания, рассмотрев рекомендованные особым совещанием 1910 г. способы⁵⁴, ни один из них не нашли эффективным и были вынуждены рекомендовать попечителям учебных округов самим разработать такие меры и представить их на утверждение МНП.

Исходя из того, что «для государства конгломерат мелких народностей представляется менее опасным, чем поглощение этих народностей татарами, тем более, что пока эти народности не сольются с мусульманско-татарским миром, они легче с течением времени могут перейти к русской школе», относительно языка преподавания в медресе было заявлено, что «в этих школах помимо арабского языка, необходимого для изучения мусульманского вероучения, в виде подсобного языка при преподавании должен служить родной язык учащихся».

По поводу буддистов: рекомендовалось не вмешиваться в систему обучения в ламайских монастырях, поскольку она не носит «школьного характера».

Еврейские школы – ешиботы – сохранялись как исключительно богословско-вероучительские школы, готовящие своих подопечных к званию раввина, а к еврейским вероучителям в правительственной школе было выставлено минимальное требование – знание русского языка и окончание одноклассной русской начальной школы.

нет никаких оснований ставить преграду к образованию мектебов в общеобразовательные школы» (Цит. по: *Фархиаатов М.Н.* Указ. соч. С.84).

⁵³ Экзамен проходит на родном языке испытуемых по определенной программе, выработанной ОМДС и утвержденной МВД. Для производства испытаний кандидатов в муллы, проживающих вне Уфимской губернии, образуются в местностях, населенных преимущественно мусульманами, особые временные испытательные комиссии. Духовное управление мусульман преобразуется на началах децентрализации.

⁵⁴ 1) Устройство при медресе классов русского языка, 2) предварительное прохождение правительственной начальной школы до поступления в медресе, 3) одновременное с обучением в медресе приобретение знания русского языка на стороне – в особых заведениях или курсах, устраиваемых на местные или казенные средства.

Преподавание наряду с религиозными светских предметов по-прежнему разрешалось лишь в старообрядческих вероучительских школах, которые могли готовить и учителей для старообрядческих школ, и вероучителей.

Таким образом, во всех общеобразовательных учебных заведениях преподавание религиозных дисциплин рекомендовалось вести на родном языке учащихся⁵⁵.

Вероучительные школы

Кантораты – духовные лютеранские школы в Привислинском крае, состоящие в ведении консисторий и имеющие смешанный характер: вероучительный и общеобразовательный, следовало преобразовать в течение 10 лет в начальные училища без права открытия в этот период новых канторатов.

Совещание разработало меры, направленные на то, чтобы конфирмационное обучение у лютеран и катехизационное обучение у католиков не превращалось в школьное обучение.

Мектебе объявлялись исключительно вероучительными учебными заведениями. Еврейские хедеры, талмуд-горы и караимские школы по-прежнему сохранялись как вероучительные школы.

Порядок и механизм осуществления надзора за инородческими и инославными учебными заведениями были рассмотрены совещанием конкретно по ведомствам⁵⁶.

Инспекторам народных училищ, курирующих на окраинах начальные школы МНП, а также уездным наблюдателям церковно-приходских школ духовного ведомства рекомендовалось знать местный язык. На должность уездного наблюдателя, курировавшего более 50 школ, назначался бесприходный священник.

Предложение учебного ведомства о передаче контроля за вероучительными школами (мектебами) МВД не было поддержано последним. Для их надзора, как справедливо отметил М.Н.Фархшатов, в отличие от Совещания 1910 г. не предлагалось учреждение должностей особых инспекторов «инородческих» школ, а лишь увеличение численности инспекторов народных училищ⁵⁷, деятельность которых ограничивалась общим надзором за политическим содержанием преподавания. На должности инспектора могли определяться лица, имеющие образовательный ценз не ниже городского училища и зна-

⁵⁵ РГИА, ф.1022, оп.1, д.28, л.178–182.

⁵⁶ Там же, л.182–184.

⁵⁷ Фархшатов М.Н. Указ. соч. С.86.

комые с местными языками, а также с исламом. Правда, по сравнению с инспекторами народных училищ они имели пониженное служебное положение и оклад содержания. Условием для введения штата особого инспектора объявлялось наличие на местности не менее 75 мектебе. Надзор за медресе возлагался на инспекторов народных училищ, предпочтение отдавалось лицам, знающим местный язык.

В школах Главного управления землеустройства и земледелия надзор должен был осуществляться за всеми предметами обучения.

Промышленные училища МНП подчинялись надзору не только директоров народных училищ, но и инспекторов народных училищ.

В отношении частных средних учебных заведений Министерства торговли и промышленности в Привислинском крае, в которых преподавание велось на польском и литовском языках, рекомендовалось назначать начальствующим лиц из русских с предоставлением им прав государственной службы, а также включить в состав их попечительных советов представителей власти из местных органов Министерства торговли и промышленности или, за отсутствием таковых, из органов МНП.

На российских окраинах для контроля над частными учебными заведениями МНП предлагало назначать должностных лиц из числа учителей правительственных учебных заведений МНП и т. д.

На окраинах должности инспекторов народных училищ, уездных наблюдателей церковных школ православного ведомства и лиц школьного надзора в других ведомствах не могли назначаться местные уроженцы нерусского происхождения.

По поводу армянских учебных заведений было заявлено: 1) начальные школы желательно подчинить надзору на общем основании с другими частными начальными училищами; 2) духовные семинарии в части, касающейся светских предметов, подчиняются надзору учебного начальства на общих с другими средними учебными заведениями МНП; Эчмиадзинская армянская духовная академия становилась доступной для контроля учебного начальства.

Правительственный надзор распространялся и на римско-католические духовные семинарии, как за другими инородческими вероучительскими школами⁵⁸.

«Официальных документов, провозглашающих принципы национальной политики царизма в целом, не существует. Эта политика формировалась всегда применительно к конкретным конфессиям и народам на том или ином этапе. Можно, однако, проследить опреде-

⁵⁸ РГИА, ф.1022, оп.1, д.28, л.184–187.

ленные общие закономерности этой политики», – писал известный российский историк В.С.Дякин⁵⁹.

Материалы межведомственного совещания 1910–1911 гг. наглядно иллюстрируют стремление сановников выработать общие принципы национальной политики в школьной сфере в отношении нерусских народов страны в позднеимперский период истории России. В них четко обозначены подходы по управлению институтами национального и конфессионального образования этнических меньшинств, расселенных в империи.

Важно отметить, что совещание реалистично подошло и рассмотрело проблемы интеграции нерусского населения в общеимперское русское культурное поле, определив место и роль в этом сложном процессе правительственных светских, нерусских частных и неправославных конфессиональных школ. Его решения были направлены: 1) на ограничение преподавания родного языка в нерусской школе как важнейшего инструмента повышения национального самосознания учащихся, усвоения культурных достижений и традиций конкретного этнокультурного сообщества и формирования национальных элит с иными, отличительными, этнокультурными ценностями, чему противилась имперская власть; 2) усвоение учениками государственного языка как средства коммуникации в российском культурном поле; 3) внедрение и упрочение в нерусской общеобразовательной и неправославной конфессиональной школе государственной идеологии, новых приоритетов и превращение ее в инструмент воспитания учащихся представления о Российской державе как о своем Отечестве и уважительного отношения к русской культуре посредством контроля и использования учебных материалов соответствующего содержания, иллюстрирующих позитивный образ российской власти и русского народа, на уроках географии России и истории отечества. Совещание не ставило конкретные русификаторские задачи, считая обрусение делом далекой перспективы, по сути, его предложения были направлены на аккультурацию и дальнейшую интеграцию нерусского населения окраин.

Символично, что в период работы совещания, зимой 1911 г., были проведены репрессивные мероприятия, касающиеся мусульманских школ, в различных регионах с целью изоляции и ареста «панис-

⁵⁹ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма. XIX – начало XX вв. (К постановке проблемы) // Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма. (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. С.16.

ламистов», «политических сепаратистов». Самыми резонансными из них были обыски, произведенные полицией в ночь на 30 января 1911 г. в домах мударрисов Нигматуллиных-Буби в д.Иж-Боби Малмыжского уезда Вятской губернии и местных учебных заведениях. Всего в «сетях» полиции оказались 15 мударрисов и мугаллимов, был конфискован большой объем учебной литературы⁶⁰.

В контексте решений Особого совещания при МВД 1910 г. и обсуждаемых рекомендаций межведомственного совещания при МНП 1910–1911 гг. мы оцениваем циркуляр МВД от 12 декабря 1911 г. начальникам губерний и областей, в которых расселялись мусульмане, и ОмДС, с требованием фиксировать на свидетельствах по итогам испытания кандидатов на духовные звания и при утверждении их на духовных должностях место их обучения⁶¹. Губернским властям делегировалось право административного, без суда и следствия, отстранения от духовной должности тех имамов, которые получили образование в джадидских медресе «Мухаммадия» (г.Казань), «Хусаиния» (г.Оренбург), «Галия» (г.Уфа), которые отныне приравнивались к «учебным центрам», транслирующим панисламистские идеи.

х х х

Представленные 20 февраля 1914 г. в Совет министров министром народного просвещения Л.А. Кассо «предположения» о постановке просвещения нерусских народов на основе решений данного Совещания были возвращены обратно, по нашему мнению, по двум причинам. Во-первых, суждения чиновников, озвученные в период премьерства П.А. Столыпина, требовали существенной корректировки, и самое главное – правительство нуждалось не в рекомендациях, а в конкретных законопроектах. В этой связи следует назвать два закона, которые появились в определенной степени с учетом материалов журнала Межведомственного совещания по вопросу о постановке школьного образования в местностях с инородческим и инославным населением 1910–1911 гг.

На основании высочайшего повеления Николая II от 5 июня 1913 г. министром народного просвещения Л.А. Кассо 14 июня были

⁶⁰ *Махмутова А.Х.* Лишь тебе, народ, служенье! (История татарского просветительства в судьбах династии Нигматуллиных-Буби). Казань, 2003. С.265–302.

⁶¹ *Саматова Ч. Х.* Имперская власть и татарская школа во второй половине XIX – начале XX века. ... С. 198–199.

утверждены «Правила о начальных училищах для инородцев»⁶². В «Правилах» 1913 г.⁶³ была указана цель: «содействовать их нравственному и умственному развитию и, таким образом, открывать им путь к улучшению их быта, а с другой – распространять между ними знание русского языка и сближать их с русским народом на почве любви к общему отечеству». Как видим, цель новых «Правил» оказалась аналогичной цели «Правил о начальных училищах для инородцев» от 1 ноября 1907 г. Необходимо отметить, что авторы очень часто использовали текст «Правил» 1907 г., которые действовали в Казанском, Оренбургском, Одесском, Кавказском, Западно-Сибирском учебных округах, а также в Туркестанском крае, Иркутском и Приамурском генерал-губернаторствах.

Такое заимствование представляется закономерным, потому что, во-первых, именно эти нормативные документы были апробированы на практике; во-вторых, из всех принятых законодательных актов правительства в отношении образования нерусских народов они наиболее полно учитывали интересы этнических меньшинств. Это означало игнорирование составителями «Правил» 1913 г. отдельных положений Особого совещания 1910–1911 гг. Так, в частности, учебными предметами в одноклассной (четырёхлетней) школе были утверждены: основы вероисповедания (Закон Божий), родной язык уча-

⁶² Препровождая новые «Правила» попечителям учебных округов министр народного просвещения Л. А. Кассо писал о недостатках «Правил» 1907 г. следующее: «в виду устанавливаемого ими весьма широкого применения инородческого языка при преподавании и позднего начала изучения русского языка, даже окончившие курс школы не имеют возможности приобрести практический навык для пользования русским языком, дети же, выбывающие из школы по окончании курса, нередко совершенно не приобретают знакомства с русским языком. Таким образом, одна из главных целей издания этих правил и сближение их с русским народом – не достигается. Такое положение не соответствует ни интересам государства, ни достоинству русского языка, как языка государственного, которому должно быть отведено подобающее место во всякой школе. Задача начальной инородческой школы состоит не в одном лишь сообщении учащимся необходимых знаний, но и в приобщении подрастающих поколений и инородцев к общей гражданской жизни их отечества. Для достижения этой цели знание языка государственного представляется безусловно необходимым» (ЦКУО. 1913. №5. С.349).

⁶³ Анализ «Правил» 1913 г. осуществлен по: Правила о начальных училищах для инородцев // ЦКУО. 1913. №5. С.350–353.

щихся, русский язык, арифметика и пение, в двухклассных училищах – помимо них, «русская история», география, естествознание, черчение и начала геометрии (п. 2; текст, аналогичный с текстом п.3 «Правил» 1907 г.). Распределение предметов и уроков производилось по образцу сетки недельных часов для одноклассных и двухклассных училищ МНП согласно инструкции от 4 июня 1975 г. (п. 6, текст аналогичен с п.8 «Правил» 1907 г.).

В отличие от «Правил» 1907 г.⁶⁴ снизился статус родного языка учащихся. Отныне родной язык перестал быть инструментом облегчения преподавания на русском языке прочих предметов, хотя преподавание предметов на родном языке разрешалось в первые два года обучения в одноклассных и в первых классах двухклассных училищ. С начала 3-го года обучения преподавание русского языка и арифметики, а в двухклассных училищах – всех остальных предметов велось на русском языке. Обучение русскому языку начиналось не позднее третьего месяца первого года обучения (п. 4).

Программы для инородческих училищ составлялись управлениями учебных округов (п. 7).

При инородческих школах также разрешалось открывать, взамен второго класса, ремесленные классы и классы ручного труда согласно закону от 21 апреля 1903 г. (как и в п.10 «Правил» 1907 г.).

Учителя и учительницы являлись непременно российскими подданными и одной национальности с учащимися, а русские педагоги, преподающие в младших классах (1-го и 2-го обучения), обязаны были знать родной язык учащихся (п. 9), при этом вероучение могли преподавать и учителя, ведущие общеобразовательные предметы (п. 10, как и в пп.11 и 12 «Правил» 1907 г.).

Помимо инородческих училищ, которые финансировались за казенный счет, местное население или частные лица могли открывать за свои средства классы русского языка для детей и взрослых. Организационные и учебно-методические вопросы их функционирования предварительно согласовывались с органами учебного ведомства (п. 11, как в п.13 «Правил» 1907 г.).

«Примерная таблица предметов и уроков в училищах для инородцев» «Правил» 1907 г. полностью совпадала с сеткой недельных часов «Правил» 1913 г.: в 1, 2, 3, 4-м годах обучения в одноклассном училище при недельной нагрузке 30 учебных часов на изучение рус-

⁶⁴ Анализ «Правил» 1907 г. осуществлен по: Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 года: документы и материалы... С.551–553.

ского отводилось 12 часов, родного языка – 6, Закона Божия – 4, арифметики – 6, пения – 2 часа. Во втором классе двухклассных училищ недельная нагрузка учащихся планировалась следующим образом: Закон Божий – 4 часа, русский язык – 10, родной язык – 4, арифметика – 4, пение – 1, русская история – 2, география и естествоведение – 3, черчение и геометрические сведения – 2 часа.

Второй нормативный акт, имеющий отношение к нерусским учебным заведениям – «Закон о частных учебных заведениях, классах и курсах Министерства народного просвещения, не пользующихся правами правительственных учебных заведений» от 1 июля 1914 г.⁶⁵ Он предоставил земствам, «сословиям», приходам, частным обществам, товариществам, российским подданным обоого пола, достигшим 25 лет, возможность открывать частные национальные общеобразовательные (низшие (с курсом обучения высших начальных училищ или правительственных ремесленных училищ), средние (с объемом преподавания больше курса низших и не превышающих курса гимназий и иных средних учебных заведений) и высшие (курс обучения превышает курс гимназий и иных средних учебных заведений), имеющих статус юридического лица. Рассмотренный материал свидетельствует о коренном пересмотре рекомендаций Особого совещания 1910–1911 гг. в вопросе предоставления всем нерусским подданным права возможности создания трехступенчатой частной светской школы.

Однако многие положения нового закона оказались созвучны духу и решениям Особого совещания 1910–1911 гг. В частности, эти учебные заведения существовали параллельно с правительственными и никогда с ними не пересекались. Выпускники частных школ не имели права продолжать обучение в правительственном учебном заведении – для этого им необходимо было сдать соответствующий экзамен (п. 29), а учредители школ не пользовались правами и преимуществами, присвоенными служащим правительственных учебных заведений (п. 28).

Учредителю частного учебного заведения разрешался выбор языка преподавания всех предметов, кроме русского языка и словесности, отечественной истории и географии, которые преподавались на русском языке, однако как только школа начала содержаться земствами и городскими органами самоуправления или была учреждена

⁶⁵ Анализ «Правил» 1914 г. осуществлен по: Правила о частных учебных заведениях, классах и курсах Министерства народного просвещения, не пользующихся правами правительственных учебных заведений // ВОУО. 1914. №6–7. С.567–574.

ими, все общеобразовательные предметы, за исключением основ неправославного вероисповедания, родного языка, иные предметы преподавались на государственном языке (п. 7). То есть налоги жителей, собираемые на решение местных социальных проблем, в том числе на организацию обучения подрастающего поколения на родном языке, тратились весьма усеченно, происходило свертывание объема учебных часов: оставались лишь часы на обучение основам неправославного вероисповедания и родного языка.

При преподавании русского языка учащимся, не говорящим по-русски, разрешалось пользоваться родным языком как «подсобным»: в средних учебных заведениях – в том классе, который по объему преподавания соответствовал первому классу средних правительственных учебных заведений, в низших учебных заведениях, а также в классах, курсах – в течение первого года обучения (п. 7, примечание).

Составление учебных программ являлось неотъемлемым правом учредителя, который при этом обязан был соблюдать ряд правил. В число предметов, преподаваемых в низших и средних учебных заведениях, входил Закон Божий – для православных учащихся и инославное или иноверное вероучение, при наличии тех условий, при которых их преподавание обязательно; во всех учебных заведениях, в которых было предусмотрено обучение общеобразовательным предметам, обязательным становилось преподавание русского языка «при достаточном числе уроков»; в средних и низших учебных заведениях, в которых курс обучения был не меньше четвертого года обучения начального училища, преподавались отечественная история и география, а также русская словесность, если последняя учебная дисциплина значилась в программе учебного заведения.

Эти же правила применялись в частных классах и курсах, за исключением тех, которые специализировались на обучении иностранным языкам, рисованию и черчению или профессиональным предметам и знаниям (п. 8).

Занятия в частных учебных заведениях проводились исключительно по утвержденным правительством учебным пособиям (п. 9).

Были также прописаны требования к преподавателям частных учебных заведений. В частности, духовные должности иностранных исповеданий определялись по согласованию своего духовного начальства и МВД (п.10, ст.2). Высшие частные учебные заведения, классы и курсы открывались с разрешения министра народного просвещения, средние – попечителя местного учебного округа, низшие – уездного или городского училищного советов, в случае их отсутствия – директором или инспектором народных училищ (п.11 и прим. к

п.11). Подробно прописывались требования к учреждению и получению разрешения на открытие и закрытие учебного заведения, организации образовательного процесса (пп.12, 13, 14, 15, 16, 26, 27). Требования к преподавателям были аналогичных должностям правительственных учебных заведений, т.е. педагоги должны были иметь свидетельства, дипломы правительственных образовательных учреждений, при этом прописывались и исключения из общего правила (пп. 17, 18). Были также регламентированы обязанности учредителя или заведующего по организации учебно-образовательного процесса и взаимодействию с органами надзора (пп. 20, 21, 22, 23). Наблюдение за преподаванием Закона Божия и вероучения поручалось духовному начальству (п. 24).

Контроль за преподаванием основ вероучения осуществляло соответствующее духовное начальство (п. 24), по остальным аспектам жизнедеятельности учредитель взаимодействовал с органами учебного ведомства (пп. 25, 26, 27).

С началом Первой мировой войны, когда западные окраины превратились в прифронтовую зону или оккупированную неприятелем территорию, а правительственная власть оказалась перед серьезным испытанием на дееспособность, многие вопросы мирного времени были отложены до наступления полной победы над врагом. Среди этих вопросов оказался и школьный вопрос нерусских народов.

х х х

Межведомственное совещание по вопросу о постановке школьного образования в местностях с инородческим и инославным населением 1910–1911 гг. стало, главным образом, объектом изучения исследователей, занимающихся национальной политикой правительства⁶⁶ и, особенно мусульманским школьным вопросом в Оренбургском и Казанском учебных округах. Так, кандидат исторических наук А.Х.Махмутова рассмотрела причины созыва совещания⁶⁷. Ч.Х.Самадова в своей монографии выделила специальный раздел, в котором осветила основные мероприятия власти начала XX в., в том числе решения совещания 1910–1911 гг., имевшие отношение к мусульман-

⁶⁶ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. С. 55, 99–109.

⁶⁷ Махмутова А.Х. Лишь тебе, народ, служенье! (История татарского просветительства в судьбах династии Нигматуллиных-Буби). Казань, 2003. С.232–265.

ским учебным заведениям⁶⁸. Уфимский историк М.Н.Фархшатов в своей монографии «Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века (1900–1917 гг.)» не только рассмотрел данное совещание в качестве одного из важнейших мероприятий правительства в «период административного давления и произвола»⁶⁹, но и поместил в «Приложениях» некоторые его материалы из фонда Департамента народного просвещения МНП (ф.733) РГИА⁷⁰.

х х х

В данный сборник документов включен обобщающий документ по итогам Особого совещания, который был скопирован нами с архивного дела №28 фонда 1022 (фонд Н.И. Павлова) Российского государственного исторического архива. Н.И. Павлов в 1910–1911 гг. исполнял обязанности вице-директора ДДЦИИ, на межведомственном совещании был главным представителем МВД, он не только присутствовал во всех заседаниях, но и возглавлял подкомиссию, рассмотревшую вопросы, связанные с преподаванием инославного Закона Божия в государственной и частной школе. ДДЦИИ письмом от 29 сентября 1911 г. запросил у директора ДНП учебного ведомства журналы межведомственного совещания заседаний от 22 и 24 марта 1911 г. по вопросу об армяно-григорианских учебных заведениях, а также журнал подкомиссии означенного совещания (заседания от 14, 18 и 20 апреля 1911 г.) по вопросу об учебниках для инородческой школы. Копии этих документов также отложились в фонде Н.И. Павлова⁷¹.

⁶⁸ Саматова Ч.Х. Имперская власть и татарская школа во второй половине XIX – начале XX века. Казань, 2013. С.44–75.

⁶⁹ Фархшатов М.Н. Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века (1900–1917 гг.). Уфа, 2000. С.82–87.

⁷⁰ Выписки: из письма министра внутренних дел П.А.Столыпина министру народного просвещения А.Н.Шварцу от 10 января 1910 г. о необходимости созыва при МНП межведомственного Совещания для обсуждения вопроса «о правильной и соответствующей государственным интересам постановке школьного образования на окраинах» (№38); из журналов межведомственного Совещания 1910–1911 гг.: от 22 декабря 1910 г. – «о недопустимости создания частной средней общеобразовательной мусульманской школы» (№39); от 10 марта 1911 г. – «о необходимости обучения в медресе на родном языке учащихся» (№41); от 8 декабря 1911 г. – «о порядке деятельности мечетских школ» (№42) (Фархшатов М.Н. Указ. соч. С. 230–232, 236–240).

⁷¹ РГИА, ф.1022, оп.1, д. 28, л.188–235.

В фонде Департамента народного просвещения МНП РГИА (ф.733) отложились журналы всех заседаний Особого совещания и двух заседаний его подкомиссий, а также изданный типографическим образом экземпляр журнала⁷², в котором значатся фамилии подписавших документ чиновников⁷³.

Подготовка данного сборника осуществлена в соответствии с «Правилами издания исторических документов СССР» (М., 1990).

Источники не подвергались изменениям и редактированию, только орфография и пунктуация текстов были приведены в соответствие с правилами современного русского языка, за исключением отдельных случаев (в отношении некоторых малоупотребительных и устаревших терминов и слов).

Публикация сборника осуществлена исключительно в научных целях и не направлена на разжигание межконфессиональной и международной розни, религиозной ксенофобии и нетерпимости.

И.К. Загидуллин

⁷² РГИА, ф.733, оп.176, д.47, л.126–187. В конце журнала имеются фамилии: председателя совещания Л.А. Георгиевского, участников совещания: членов Совета министра народного просвещения, А.М.Позднеева и С.Ф. Спешкова; директора ДНП А.В. Вильева; директора ДДДИИ Е.В. Менкина, заслуженного профессора А. Архангельского, вице-директора ДНП И.М. Воронцовского, члена Ученого комитета, инспектора по сельскохозяйственной части Главного управления землеустройства и земледелия И.И. Мещерского; члена училищного совета при Св. Синоде П.Н. Луппова, начальника отделения учебного отдела Министерства торговли и промышленности А.Н. Михайлова, а также чиновников МНП С. Удовиченко и П. Селезнева.

⁷³ РГИА, ф.733, оп.176, д.46, л.1–231; д.47, л.38–54 об., 220–228.

Ж У Р Н А Л

межведомственного совещания при МНП о постановке школьного образования в местностях с инородческим и инославным населением. 1910–1911 гг.

Вопрос о необходимости учреждения при Министерстве народного просвещения [1] означенного совещания был возбужден бывшим министром внутренних дел статс-секретарем Столыпиным [2] в письме от 30 января 1910 г. за № 5860 по нижеследующим соображениям.

На основании целого ряда последовавших в 1905–06 годах законодательных актов и правительственных распоряжений в области начального образования на всей западной окраине государства (Юго-Западный [3] и Северо-Западный [4] край, Прибалтийские губернии [5] и Царство Польское [6]) предоставлен значительный простор употреблению местных языков и наречий. При этом, однако, ввиду чрезвычайного разнообразия как типов учебных заведений, дающих начальное образование, так и тех государственных установлений, в ведении коих находятся такого рода заведения, в означенном деле донныне не установлено общих руководящих оснований, которые обеспечивали бы ему согласное с государственными видами единообразное применение. Поэтому на практике допущение большего или меньшего употребления в правительственных и общественных школах местных наречий иногда находится в прямой зависимости от взгляда на этот предмет разных правительственных учреждений и лиц и от понимания ими данных в этом отношении Верховною властью директив. Между тем такое положение дела представляется совершенно неправильным. Школа, как правительственная, так и частная, является не только рассадником просвещения, но и проводником в широкие массы населения идей русской государственности; она должна объединять между собою, ради общего блага, многочисленные народности, населяющие Российскую империю. Поэтому в ней, несомненно, должно быть отведено подобающее место государственному языку как одному из факторов государственного единства, и потому для всех народностей России русский язык должен пользоваться равным признанием и изучением.

В постановке настоящего дела представляются особенно важными совершенная определенность и полная ясность. В противном случае те элементы, которые постоянно высказывают склонность к использованию во вред государственной мощи России самых благожелательных намерений и мероприятий правительственной власти, не проникнутся твердым сознанием того, что в деле школьного обучения правительство руководствуется строго продуманной, раз и навсегда установленной системой, что поэтому в школьном обучении не допускаются ни малейшие колебания, и что это обучение не может служить поприщем для националистического политиканства. В соответствии со сказанным вопрос о допущении местных языков и замене ими государственного языка в школьном образовании не может быть разрешаем отдельно для той или другой группы школ, но в этом отношении все учебные заведения, в чьем ведении в порядке надзора и подчинения они бы ни состояли, должны быть подчинены заранее соображенному и непоколебимо установленному общему началу, согласованному с государственными пользами и интересами.

В непосредственной связи с вопросом школьного образования находится и вопрос о подготовке кадров учительского персонала, который стоял бы на высоте тех задач, которые возлагаются на школу в деле воспитания в духе государственности подрастающего поколения. С допущением употребления в начальной школе инородческих языков должны измениться и технические, так сказать, требования, предъявляемые к учительскому персоналу, а в соответствии с этим может представиться и надобность в некотором преобразовании существующих учительских семинарий и даже в открытии на окраинах целого ряда новых, видоизмененного типа. За всем тем, однако, народный учитель должен оставаться по-прежнему воспитателем в твердом духе государственности вверенной ему школьной молодежи. Поэтому учительские семинарии и иные подготовительные училища должны быть поставлены так, чтобы они готовили учителей, проникнутых не началами инородческого сепаратизма, но сознанием лежащего на них высокого государственного долга. В этой области школьного дела должно также существовать полное единообразие требований и приемов, независимо от той специальной технической или общеобразовательной подготовки, которая дается будущим педагогам.

Ввиду того, что кроме Министерства народного просвещения и ведомства православного исповедания делом начального образования, а, следовательно, отчасти и подготовкою учителей с большим или меньшим оттенком специального или технического характера ведают также Министерства внутренних дел[7], финансов[8], торговли и промышленности[9], путей сообщения[10] и Главное управление землеустройства и земледелия[11], представлялось бы по мнению статс-секретаря Столыпина целесообразным, чтобы заинтересованные ведомства, ознакомившись с началами, выработанными на основании многолетнего опыта и изучения школьного дела, и по непосредственном взаимном обмене мнений и суждений между их представителями сообразили бы общие для всех ведомств руководящие основания по указанному вопросу. Наиболее практическим осуществлением такого предположения были бы образование при Министерстве народного просвещения особого междуведомственного совещания в составе представителей заинтересованных ведомств и передача выработанных совещанием предположений в Совет Министров [12].

Засим бывший Директор департамента духовных дел гофмейстер Харузин [13] в доверительном письме на имя директора Департамента народного просвещения от 12 сентября 1910 г. за № 9109 сообщил подробные данные, которые сосредоточились в Департаменте духовных дел [14] преимущественно за последнее время в области религиозной и вместе национальной жизни отдельных частей населения России. Эти данные представляются в таком виде:

«В среде инородческого, инославного и иноверного населения за последнее время усилилась склонность использовать во вред государственным интересам России самых благожелательных намерений и мероприятий государственной власти. Так, со времени воследования Высочайшего указа 17-го апреля 1905 г. [15] и изданных в развитие оногo в области как религиозных, так и школьных дел актов Верховного управления эта склонность перешла в систематическое стремление инородцев к захвату под видом удовлетворения религиозно-просветительных нужд в свои руки дела начального и даже среднего образования юношества с сообщением ему почти повсеместно, узконационалистической и более или менее рельефно выраженной противогосударственной окраски. К числу наиболее ярких и характерных проявлений в этом

направлении следует отнести дела, возникшие на почве полонизма и католицизма. Возникшее в 1905 году Общество «Польской школьной Матицы» [16], находившееся под непосредственным руководством части наиболее шовинистически настроенного р[имско]-к[атолического] духовенства, повело предоставленное ему дело начального школьного образования в таком открыто враждебном русской государственности духе, что в 1908 г. Правительство оказалось вынужденным прекратить его деятельность. Наиболее характерною особенностью школ матицы были вытеснение из них государственного языка, полное игнорирование требований закона в отношении преподавательского персонала и постановка всего преподавания в узко-националистическом направлении. Независимо от сего деятельность Школьной Матицы сопровождалась открыто объявленным бойкотом правительственной школе, проводимым через посредство духовенства, печати и общества. Последние отзвуки этого бойкота, проявившегося, между прочим, и в уклонении р[имско]-к[атолического] духовенства от преподавания Закона Божия в правительственных школах, держались до последнего времени, и теперь лишь учебная жизнь в Царстве Польском входит в этом отношении понемногу в нормальный порядок. С закрытием Школьной Матицы и крушением надежд клерикально-националистической партии в отношении воздействия на юношество, посредством широкой сети чисто польско-католических школ Матицы, на смену последней выдвинут был существующий и поныне «Католический союз». По уставу своему союз этот представляет централизованную клерикальную организацию, охватывающую всю территорию Царства Польского и имеющую целью содействовать как духовному, так и материальному преуспеянию польского народа. Однако еще до открытия союзом школы настолько определенно выяснился шовинистский характер этой организации в школьном деле, что Министерство внутренних дел оказалось вынужденным ограничить права союза в области просветительной деятельности. Мера эта, однако, не принесла достаточной пользы, так как с допущением в частной школе преподавания всех предметов, кроме русского языка, истории и географии, на польском языке со стороны р[имско]-к[атолических] духовных лиц начали возбуждаться ходатайства о разрешении им открытия частных школ. Признавая особенно нежелательною передачу дела народного образования именно в руки р[имско]-к[атолического]

духовенства, Министерство внутренних дел за отсутствием в законе воспретительных в этом отношении постановлений стало на практическую почву и, осуществляя дискреционное право учебных властей на разрешение открытия частных учебных заведений, не допускает фактически устройства частных школ ксендзами. Между тем этой мерой лишь отчасти достигается намеченная цель, так как при костелах, впрочем, преимущественно в местностях всех губерний Царства Польского, всего Западного края, возникают легальные школы, фактически находящиеся под руководством ксендзов и вообще руководимые поляками в духе обособленности и сепаратизма.

Далее, нельзя не обратить внимания на то, что в некоторых губерниях Западного края, особенно в Минской губернии, некоторые из местных р[имско]-к[атолических] священников возбуждают ходатайства о разрешении им внешкольного, под видом катехизации, обучения детей на польском языке. Министерство внутренних дел, со своей стороны, усматривая в этих ходатайствах прямое стремление к ополячению белорусского населения, относится к ним безусловно отрицательно. Подобного рода домогательства, как равно и ходатайства о восстановлении р[имско]-к[атолических] церковно-приходских школ с польским языком преподавания, обосновываются затруднительностью в местностях со смешанным вероисповедным населением, особенно там, где министерских школ недостаточно, для детей католиков получать образование в духе католицизма. Поэтому с возникновением ныне вышеозначенного вопроса Министерство внутренних дел не могло не отнестись к нему в высшей степени осторожно. Не усматривая формальных оснований к недопущению устройства таких школ под видом частных учебных заведений, Министерство не признало, однако, возможным высказаться в утвердительном смысле именно из опасения сделать из школы арену для национально-религиозного политиканства и оставило поэтому вопрос открытым, впредь до установления общей точки зрения на конфессиональные учебные заведения всякого рода. Со своей стороны р[имско]-к[атолические] духовные власти обнаруживают местами тенденцию осуществить свои планы в этом отношении обходом, путем «захвата». При возбуждении, например, ходатайств о сооружении церквей они разрабатывают планы в таком соображении, чтобы в церковном здании возможно было поместить школу,

в расчете затем в обычном порядке открыть в этом помещении школу; в других же случаях, не задумываясь открывают тайные польские школы преимущественно при костелах под видом катехизационных собраний. Эта последняя форма школьной деятельности представляется наименее уловимой, а потому и наиболее опасной. В сакристии или на частной квартире ксендза под видом катехизации детей устраивают правильное внешкольное обучение их несомненно в духе крайней религиозной и национальной нетерпимости, причем такие тайные катехизационные школы имеют наиболее широкое применение в местностях с католическим, но не польским населением в видах ополчения его. Наряду с этим замечается таковое же движение, направленное и к открытию католических гимназий при епархиальных управлениях. С ходатайствами этого рода выступили два р[имско]-к[атолических] епископа: Тираспольский и Плоцкий. Мотивируя свои предположения низким общеобразовательным уровнем лиц, поступающих в р[имско]-к[атолические] семинарии, и затруднительностью расширить программу общеобразовательных предметов во время прохождения семинарского курса, оба епископа проектировали учредить при подведомственных им р[имско]-к[атолических] семинариях общеобразовательные учебные заведения для одних католиков с курсом и правами правительственных гимназий и с польским языком преподавания в наиболее широких пределах, в которых это допускается законом. Эти заведения, согласно представленным уставам, должны были находиться в неразрывной связи с семинариями, быть подчинены епископу, иметь преподавателями преимущественно преподавателей семинарии и состоять в ведении Министерства внутренних дел. Усматривая из приведенных предположений явную тенденцию под видом подготовительных для р[имско]-к[атолических] семинарий школ создать учебные заведения, состоящие вне общего правительственного контроля и находящиеся под исключительным воздействием враждебно настроенного к русской государственности польско-католического клира, Министерство внутренних дел отнеслось к этому предположению отрицательно и признало ходатайства епископов в той форме, в которой они были возбуждены неподлежащими удовлетворению. Между тем не подлежит, по-видимому, сомнению, что в отношении средних учебных заведений конфессионального характера необходимо установить раз и навсегда единообразную точку зрения для

всей империи, дабы избежать в будущем справедливых нареканий за непоследовательность действий и предотвратить домогательства со стороны то одной, то другой народной или конфессиональной группы.

Наконец, Министерству внутренних дел приходится нередко в области школьного дела сталкиваться с вопросами, имеющими на первый взгляд характер как бы недоразумений, вытекающих из применения действующих законов или правительственных распоряжений, но в сущности органически связанных с вышеуказанным систематическим направлением иноверческо-инородческих элементов в данной области. К числу таковых в первой очереди должен быть поставлен вопрос о языке преподавания р[имско]-к[атолического] Закона Божия в средних и низших учебных заведениях. Существующими на сей предмет Правилами, утвержденными по соглашению Министров внутренних дел и народного просвещения 22 февраля 1906 г., установлено (п. 2), что «обучение Закону Божию инославных исповеданий производится на родном языке учащихся, определяемом письменным заявлением родителей или опекунов учащихся. На практике это правило, коим имелось в виду устранить в этом деле всякую возможность произвола, служит источником недоразумений между правительством и р[имско]-к[атолическими] духовными властями, эксплуатирующими его в целях ополячения римско-католического, но не польского населения Юго-Западного и Северо-Западного края. Пользуясь своим нравственным влиянием на прихожан, р[имско]-к[атолическое] духовенство внушает белорусам и малороссам-католикам, что под родным языком следует понимать язык, на котором происходит дополнительное богослужение в костеле и на котором дитя заучивает первоначальные молитвы, т. е. язык польский. Последствием сего, по имеющимся в Министерстве внутренних дел сведениям, является то, что фактически почти во всех учебных заведениях западной окраины России обучение Закону Божию происходит на польском языке, причем учащиеся, особенно в младших классах, нередко совсем не владеют ни польскою разговорною речью, ни польскою грамотою. Ненормальность такого положения вещей очевидна, и государственная власть, несомненно, не может допускать искусственного ополячения племенных групп, в национальном отношении тесно примыкающих к великорусскому племени, а не к польской народности.

В связи со сказанным нельзя не обратить особо серьезного внимания на те течения, которые замечаются и среди немецкого населения на конфессиональной почве, – стремления, тесно связанные с проявлением германизма. Так, напр[имер], существующие в губерниях Самарской и Саратовской евангелическо-лютеранские центральные училища Екатеринштадтское и Лесно-Карамышское были учреждены: одно в 50-х, другое – в 60-х годах прошлого столетия со специальною целью обслуживания преподавательским персоналом (шультмейстерами и кистерами) тогдашних низших немецких колонистских школ и состояли в ведении колонистского управления. Характер обеих школ был чисто немецкий и преимущественно духовный. В 1881 году оба заведения переданы были в ведение Министерства народного просвещения и получили характер школ общеобразовательного типа с надлежащею постановкою в них государственного языка. Между тем, ныне местное население, поддерживаемое евангелическо-лютеранскими духовными властями, утверждая, что в существующей постановке обе школы не удовлетворяют главному своему назначению – выпускать учителей, подготовленных к несению кистерских обязанностей, возбудило ходатайство о преобразовании названных учебных заведений – одного в кистерскую семинарию, а другого – в учительскую семинарию. В основание преобразования поставлены: 1) наименьшая по мере возможности зависимость данных учебных заведений от учебного ведомства, 2) сообщение им преимущественно духовного характера и 3) предоставление в них преобладающего значения немецкому языку с сохранением государственного в наиболее узких допускаемых законом пределах. Министерство внутренних дел, считаясь с потребностями населения в помощниках пасторов, специально (в качестве кистеров) подготовленных для церковной деятельности, в принципе не встретило бы препятствий к устройству означенных учебных заведений, но в то же время не нашло возможным санкционировать стремление к изъятию этих школ из сферы государственного влияния и поэтому оставило вопрос открытым впредь до разработки общего вопроса о степени допустимости в государстве конфессионально-инородческих учебных заведений.

Подобные изложенным стремления замечены Министерством внутренних дел и в возбужденном Варшавской евангелическо-аугсбургской консисторией [17] вопросе об открытии в г. Томаше-

ве Петроковской губернии евангелическо-аугсбургской канторской семинарии с целью подготовки канторов – учителей для канторатов, состоящих в ведении этой консистории. Существенными особенностями этого заведения по проекту устава являются подчинение семинарии Министерству внутренних дел и ведение преподавания в нем на немецком языке (при условии соблюдения установленных законом требований относительно государственного языка). Принципиальных препятствий против учреждения означенного рода учительской семинарии со стороны Министерства внутренних дел могло бы и не встретиться, но серьезные сомнения в данном деле вызвала тенденция, с одной стороны, ускользнуть от надзора учебной власти, с другой же – сообщить немецкому языку то значение, которого он по местным условиям иметь не может и не должен. Поэтому, а также принимая во внимание, что Министерством внутренних дел одновременно выдвинут на очередь и вопрос о преобразовании канторатов в соответствии с общими государственными интересами, вопрос о Томашевской семинарии оставлен открытым.

К сему нужно присовокупить, что с подчинением всех евангелическо-лютеранских учебных заведений Западной полосы России общему надзору учебного ведомства почти повсеместно начало обнаруживаться существование устроенных евангелическо-лютеранским духовенством, в обход закона, под видом приготовления к конфирмации, начальных школ чисто немецкого характера. Особенно настойчиво школы эти проводятся в Прибалтийском крае и среди колонистского населения южных губерний, причем, при отсутствии действительного надзора противодействие этим школам имеет случайный, отчасти фиктивный характер.

Возвращаясь к канторатским училищам нельзя не иметь в виду, что с преобразованием в 60-х годах дела народного образования в Царстве Польском на общегосударственных началах состоявшие при протестантских церквях религиозные училища-кантораты, как не имевшие обще-образовательного и польско-политического характера, оставлены были в заведывании местных протестантских консисторий. Затем, с течением времени, эти училища, пользуясь неясностью и противоречивостью местного и общеимперского законодательства, развились в целую сеть общеобразовательных учебных заведений, стоящих вне контроля общего учебного начальства и имеющих, как во внешнем своем устройст-

ве, так и в направлении, чисто немецкий, с оттенком враждебности к русской государственности и русской народности характер. Произведенным в течение последнего пятилетия обследованием в деятельности сих канторатов обнаружены следующие явления: 1) воспитание юношества ведется в узком немецко-патриотическом духе; 2) обучение государственному языку весьма слабое; 3) поляки римско-католики и православные из б[ывших] униат, посещающие в некоторых местностях кантораты за неимением других школ, поневоле подвергаются онемечению; 4) со стороны евангелическо-аугсбургской и реформатской части местного населения замечается повсеместная оппозиция в деле учреждения и поддержания гминных и сельских народных училищ, а также игнорирование ими школ этого типа в местностях, где школы этого типа представляют все удобства для посещения их детьми, и, наконец, 5) отсутствие в канторатах правильного, систематического обучения, программ занятий и т. п. При указанных условиях Министерство внутренних дел не могло не признать означенные школы в отношении их направления вредными и совершенно недопустимыми. Для устранения ненормального положения канторатских училищ намечены были два пути: 1) путь признания их общеобразовательными начальными учебными заведениями и принудительного подчинения всем существующим на этот предмет правилам и 2) путь согласования, с оставлением их на положении вероисповедных школ с общегосударственными потребностями и интересами в сфере народного образования. Первый путь – наиболее радикальный – мог повлечь за собою закрытие значительного числа канторатов, содержимых исключительно на частные средства. Между тем, закрытие значительного числа учебных заведений (365) отозвалось бы, несомненно, невыгодным образом на интересах народного просвещения. Поэтому Министерство, не усматривая, при отсутствии земской организации в губерниях Царства Польского, способов к немедленному открытию начальных учебных заведений взамен могущих быть закрытыми, остановилось на втором пути с тем, чтобы выработать основания для соответственной государственным потребностям постановки в канторатах учебно-воспитательной части, порядка замещения учителей и правительственного контроля.

Обращаясь от католическо-польских и лютеранско-немецких школ к постановке учебного дела среди населения, исповедующего

армяно-грегорианство, нельзя прежде всего не отметить, что с воследованием Высочайше утвержденного 1-го августа 1905 года Положения Комитета министров униат, посещающие в некоторых местностях кантораты о передаче армянских церковных школ на Кавказе в ведение Эчмиадзинского синода [18] армяно-грегорианское духовное управление открыло в Астрахани армянское женское начальное училище без разрешения учебного начальства и с преподаванием всех предметов на армянском языке. Ввиду уклонения армяно-грегорианских духовных властей от исполнения требования правительства о передаче школы, согласно закону, в ведение учебного начальства школа была закрыта административным порядком. В связи с этим нельзя не указать, что армянское население вообще и особенно на Кавказе имеет целую систему якобы конфессиональных, но в действительности общеобразовательных и вместе с тем национально-армянских учебных заведений от Эчмиадзинской академии через семинарии до церковно-приходских школ включительно. Все эти многочисленные учебные заведения не находятся ни под каким правительственным надзором, и в этом отношении нельзя не признать, что армянское население фактически пользуется весьма широкой школьной автономией, не предоставленной ни одной из населяющих Россию народностей.

Наконец, за последние годы в школьном деле усматриваются ненормальные и весьма серьезные с точки зрения общегосударственных интересов проявления на почве мусульманства и татаризма. Мусульмане, со своей стороны, под видом конфессионального образования созидали и созидают планомерную сеть общеобразовательных учебных заведений национального типа, находящихся вне правительственного контроля. В связи с этим у волжских мусульман ныне уже образован солидный капитал (по завещанию одного из умерших крупных мусульманских деятелей) для устройства особого органа управления мусульманскими школьными делами. Этот орган, по предположению организаторов, должен исполнить функции как бы особого мусульманского Министерства народного просвещения. Министерство внутренних дел, признавая вопрос о постановке учебного дела у мусульманского населения особо неотложным, подвергало его, при участии представителей учебного ведомства, особому суждению в специальном по настоящему вопросу совещании, и соображенные предположения подлежат разрешению в особо намеченном порядке.

Независимо от приведенных незакономерных или, во всяком случае, противогосударственных по цели и заданию проявлений в области инородческого образования на рассмотрении Министерства внутренних дел находится целый ряд вопросов из области школьного дела, по принципиальному своему значению существенно затрагивающих государственные интересы. Так, настоящим является вопрос о постановке школьного дела у сектантов и старообрядцев. В этой области жизнь со времени воспоследования Высочайших актов 17-го апреля 1905 г. и 17-го октября 1905 года, выдвинула целый ряд сомнений и запросов. Меннонитские школы, существующие на общих, установленных законом для колонистских училищ основаниях не только в южных, населенных бывшими колонистами губерниях, но распространенные и средней полосе России, имеют прямым назначением предоставление начального образования менонитской молодежи. Фактически, однако, будучи обставлены весьма широко в материальном отношении и располагаясь нередко в местностях с коренным русским и православным населением, они, при отсутствии или скудности в данных местностях государственных школ, в значительной степени парализуют их влияние и являются таким образом рассадником просвещения в духе узко-немецкого племенного, а также и религиозного сепаратизма. Несомненно, что государство не может отнестись равнодушно к этому явлению и должно принять решительные меры противодействия культурному засилью инородческих и иноверческих элементов, не понижая, вместе с тем, интенсивности просветительной деятельности менонитской школы. В особенности в данном отношении заслуживает внимания то, 1) что многие менонитские училища (так называемые центральные) на практике далеко вышли за пределы начального образования и фактически являются среднеобразовательными учебными заведениями, и 2) что подготовка учительского персонала, за отсутствием специальных сектантских учительских семинарий, находится вне контроля государства, и учительские должности занимаются лицами, получившими образование за границей и лишь сдавшими установленный экзамен.

Игнорируя религиозную жизнь последователей всех вероучений, не принадлежащих к официально признанным законом вероисповеданиям, государство относилось прежде безразлично к вопросу духовно-религиозной подготовки вероучителей. Не имея возможности открыто и легально содержать вероисповедные шко-

лы в России, сектантство всех направлений оказалось вынужденным для подготовки вероучителей обращаться за границу или же прибегать к устройству в России тайного религиозного обучения. Произведенными в последние годы обследованиями установлено существование за границей целого ряда сектантских духовно-учебных заведений, специально предназначенных для образования проповедников и наставников для России, а равно и систематическое негласное обучение проповедников в разных сектантских центрах внутри государства. Ненормальность такого положения вещей представляется, вне всякого сомнения, и поэтому государство не может, казалось бы, не отнестись сочувственно к возбужденным из среды сектантства пожеланиям урегулирования дела религиозного образования в виде ли постоянных духовно-учебных заведений (семинарий) или же временных богословских курсов и лекций. На рассмотрении Министерства внутренних дел в настоящее время находятся ходатайства о разрешении устройства менонитских библейских курсов в с[еле] Фриденсфельде Херсонского уезда, баптистских библейских курсов в м[естечке] Горошках Житомирского уезда и евангелических библейских курсов в С[анкт]-Петербурге.

Не стесняя ни индивидуальной инициативы, ни религиозно-племенных особенностей той или другой группы населения, государство в области просветительной должно, казалось бы, иметь в виду на первом месте общие задачи государственной политики. С ними, очевидно, должно быть соображено все школьное дело. Поэтому очевидно не может быть речи о существовании ведомственной школы, не согласованной в главных своих основаниях с общим типом принятой в государстве школы. Кроме того очевидно, что никакая школа не может состоять вне действительного контроля государственной власти. Руководствуясь этими соображениями, Министерство внутренних дел, при всем убеждении в целесообразности скорейшего разрешения вопроса о сектантских духовно-образовательных школах, не считает возможным предпринимать в этой области какие-либо самостоятельные шаги и выделять учебные заведения этого типа из общей сети государственных школ.

В непосредственной связи с вопросом о подготовке вероучителей находится и вопрос о подготовке школьных учителей. До 1905 года этот вопрос не имел особенной остроты, так как из сектантов одни лишь меннониты имели свои собственные училища, и практи-

ка создала для них в лице дополнительных классов при некоторых центральных училищах своего рода учительские семинарии. С воследованием Высочайших актов 1905 и 1906 г. начальное школьное дело стало законным достоянием как всех сектантов, не лишенных государственной правоспособности, так равно и старообрядцев. Отсюда естественно выдвинулся вопрос о комплектовании учительского персонала начальных конфессиональных школ составом учителей, прошедших соответственное конфессиональное образование. Действующий закон не дает на этот запрос никакого ответа, требуя, со своей стороны, от учителей старообрядческих и сектантских начальных школ соответственного образовательного ценза. Для согласования такой коллизии жизни с формальным правом передовое старообрядчество выступило со своим проектом постоянных учительских курсов при Рогожском старообрядческом кладбище. Однако планомерное осуществление этого проекта встретило неодолимое препятствие в административном усмотрении, являющемся неизменным спутником законодательных пробелов. Таким образом, донныне этот вопрос остается открытым, в значительной степени парализуя значение дарованных старообрядчеству и сектантству в школьной области прав.

Вышеуказанные затруднения в правильной организации школьного дела имеют непосредственным последствием некоторые аномалии в постановке начального религиозного образования детей как у старообрядцев, так и у сектантов. Ввиду особой преданности последователей этих вероучений религии одним из главных попечений их является обеспечение детям с самого раннего возраста наставления и обучения веры. При затруднительности по вышеуказанным практическим основаниям открытия в настоящее время конфессиональных начальных учебных заведений старообрядцы и сектанты ищут удовлетворения данной потребности в устройстве низших вероучительных школ, совершенно лишенных общеобразовательного характера. Законом, однако, такие школы не предусмотрены, и этот пробел заставляет сектантов, в обход законов, прибегать к разным формам так называемой катехизации детей. В связи с этим начальное религиозное обучение у сектантов приняло за последнее время весьма демонстративные и вместе с тем сомнительные с точки зрения соответствия их государственным интересам формы. Именуясь в сектантском обиходе «воскресными школами» или «детскими молитвенными собраниями»,

обучение детей началам и правилам веры происходит в особые часы в помещениях для молитвенных собраний и, прикрываясь таковым, фактически совершенно ускользает от внимания государственной власти.

В непосредственной связи с детскими собраниями стоят и так называемые сектантские юношеские кружки, преследующие духовно-нравственное воспитание и развитие подрастающего поколения старшего возраста. Обе указанные формы духовно-просветительной деятельности, без сомнения, сами по себе представляются при современной расшатанности религиозного чувства среди молодежи отрадными явлениями, и отрицательная сторона их заключается в их нелегальности и, так сказать, конспиративности.

В прямых интересах государства, очевидно, не подавлять эти проявления, но взять их насколько возможно в свои руки и, превратив их из тайных в явные, руководить ими и направлять к общегосударственному благу. Вызванное Высочайшими актами 1905 и 1906 гг. оживление в сектантском мире отразилось на всех проявлениях его жизни и повлекло за собою стремление к общему поднятию как культурного уровня, так и материального благосостояния сектантства. Особое внимание, по имеющимся в Министерстве внутренних дел сведениям, в сектантских сферах обращено на распространение в сектантской среде сельскохозяйственных, отчасти технических, знаний. Вопрос о такого рода специальном образовании служит предметом обсуждения почти на всех сектантских съездах, происходящих в течение последних лет. Ныне вопрос этот получил конкретное выражение в виде представленного в Министерство внутренних дел проекта об устройстве в одной из юго-восточных губерний низшей сельскохозяйственной школы.

Не подлежит сомнению, что к стоящему на конфессиональной почве техническому образованию всецело применимы те же общегосударственные соображения, которыми должно определяться отношение государства к развитию общеобразовательных конфессиональных учебных заведений. Несомненно, что правительство не может подавлять начинаний в этой области только потому, что они исходят из сектантской среды, но оно должно в каждом отдельном случае входить в тщательное и всестороннее обсуждение той пользы и вреда, которые данное начинание может принести интересам высшего государственного порядка, и строго сообразовывать, чтобы данное предприятие не клонилось к ущербу духов-

ному или материальному для местного русского и православного населения.

Изложенными выше соображениями и данными в области религиозной и вместе национальной жизни отдельных частей населения империи намечалась с достаточной определенностью и самая схема вопросов, подлежащих обсуждению в междуведомственном совещании.

Означенное совещание было образовано при Министерстве народного просвещения под председательством товарища министра народного просвещения, ныне Сенатора, тайного советника Л.А.Георгиевского[19] из представителей ведомств, имеющих в своем ведении учебные заведения. Заседания совещания начаты были 30-го ноября 1910 г., продолжались до 14 декабря 1911 г. с перерывами от 22 декабря 1910 г. по 1-е марта 1911 года и от 1-го апреля по 14 октября 1911 года, причем всех заседаний было 34. Первый перерыв в занятиях совещания был вызван командировкой по Высочайшему повелению председателя совещания для обозрения учебных заведений Казанского[20] и Оренбургского учебных округов[21] и Туркестанского генерал-губернаторства[22], второй перерыв – на летние месяцы. И по назначении по именному Высочайшему указу 18-го апреля 1911 года товарища министра Л.А. Георгиевского присутствующим в правительственном сенате продолжение ведения занятий совещания было поручено ему же с Высочайшего соизволения, последующего 19 мая 1911 г. по всеподданнейшему докладу Министра народного просвещения.

В совещании принимали участие следующие представители ведомств:

Министерства народного просвещения:

члены Совета министра – тайный советник А.М.Позднеев (в 27 заседаниях), тайный советник С.Ф. Спешков [23], (в 24-х заседаниях), директор Департамента народного просвещения действительный статский советник А.В. Вильев (в 22-х заседаниях), б. помощник попечителя С[анкт]-Петербургского учебного округа, ныне попечитель Виленского учебного округа, действительный статский советник А.А. Остроумов [24] (в 20 заседаниях), вице-директор Департамента народного просвещения статский советник И.М. Воронцовский (во всех заседаниях, кроме одного), б[ывший] чиновник особых поручений V кл[асса], ныне окружной инспектор С[анкт]-Петербургского учебного округа действительный статский

советник П.И. Прозоров (в 19-ти заседаниях), заведывающий рядом учительских институтов, семинарий и низших учебных заведений Департамента народного просвещения делопроизводитель V кл[асса] статский советник Т.С. Рождественский (в 6-ти заседаниях) и делопроизводитель VI кл[асса], представитель отдела промышленных училищ надворный советник С.К. Удовиченко (в 24-х заседаниях). Временно принимали участие в совещании попечители некоторых учебных округов в бытность их в С[анкт]-Петербурге, именно: Варшавского учебного округа – тайный советник В.И. Беляев [25] (в 6-ти заседаниях), Оренбургского учебного округа действительный статский советник Ф.Н. Владимиров [26] (в 4-х заседаниях) и Казанского тайный советник А.Н. Деревицкий [27] (в 1-м заседании), а также главный инспектор училищ Туркестанского края действительный статский советник А.А. Соловьев.

Министерства внутренних дел:

Вице-директор Департамента духовных дел действительный статский советник Н.И. Павлов [28] (во всех заседаниях), член совета наместника Его Императорского Величества на Кавказе тайный советник Е.Г. Вейденбаум [29] (в 7 заседаниях), Люблинский губернатор, ныне директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий действительный статский советник Е.В. Менкин [30] (в 18 заседаниях), б[ывший] Тифлисский губернатор действительный статский советник М.А. Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский [31] (в 6 заседаниях) и чиновник особых поручений V кл[асса] при Министре внутренних дел статский советник А.В. Петров (в 7 заседаниях).

Ведомства православного исповедания:

наблюдатель церковных школ действительный статский советник А.М. Ванчаков [32] (в 3-х заседаниях), члены училищного совета при Св[ятейшем] Синоде – протоиерей И.И. Восторгов [33] (в 3-х заседаниях) и кол[лежский] сов[етник] П.Н. Луппов [34] (в 26 заседаниях).

Министерства торговли и промышленности:

начальник отделения учебного отдела статский советник А.Н. Михайлов (в 21 заседании).

Министерства путей сообщения:

бывший управляющий учебным отделом действительный статский советник В.А. Немолодышев (в 2-х заседаниях) и окруж-

ной инспектор училищ статский советник С.М. Дормидонтов (в 23 заседаниях).

Главного управления землеустройства и земледелия:

Вице-директор департамента земледелия статский советник П.Н. Соковнин (в 4-х заседаниях), начальник учебного отдела того же Департамента статский советник П.Ф. Сурин (в 4-х заседаниях) и член Ученого комитета инспектор по сельскохозяйственной части Главного управления землеустройства и земледелия действительный статский советник И.И. Мещерский (в 21 заседании).

Военного Министерства:

Начальник Азиатского отдела Главного штаба[35] генерал-майор С.В. Цейль [36] (в 11 заседаниях) и полковник Генерального штаба В.А. Карликов [37] (в 6 заседаниях).

Ведомства учреждений императрицы Марии:

чиновник особых поручений при собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям Императрицы Марии действительный статский советник Г.Н. Френев (в 26 заседаниях).

Обязанности секретарей в совещании исполняли делопроизводители Департамента народного просвещения [38]: надворный советник П.М. Карпов, коллежский советник П.М. Тарунтаев и надворный советник Д.Е. Березов.

При совещании были образованы две подкомиссии: одна под председательством вице-директора департамента духовных дел действительного статского советника Н.И. Павлова – для предварительного обсуждения вопросов, связанных с преподаванием инославного Закона Божия и вероучений в государственной и частной школе, другая под председательством члена Совета министра народного просвещения тайного советника А.М. Позднеева – для рассмотрения вопроса об учебниках для инородческих школ. В первой подкомиссии участвовали следующие лица: от ведомства Православного исповедания действительный статский советник П.В. Гурьев, от Министерства народного просвещения статский советник И.М. Воронцовский, от Министерства торговли и промышленности статский советник А.Н. Михайлов, от ведомства учреждений императрицы мари действительный статский советник Г.Н. Френев и от Министерства внутренних дел действительный статский советник А.С. Мамантов, статский советник А.В. Петров и статский советник В.И. Тяжельников. В составе

второй подкомиссии были: тайный советник С.Ф. Спешков, действительный статский советник А.В. Вильев, действительный статский советник А.А. Остроумов, действительный статский советник Н.И. Павлов, статский советник И.М. Воронцовский, статский советник А.В. Петров и следующие новые лица, не принимавшие участия в общих заседаниях совещания: чиновник особых поручений при Министре внутренних дел, профессор, тайный советник П.А. Кулаковский, главный инспектор училищ Восточной Сибири действительный статский советник Г.П. Василенко и начальник отделения Департамента духовных дел действительный статский советник И.М. Платонников [39].

Продолжительность занятий совещания, потребовавших 34 общих заседания и 7 заседаний двух подкомиссий, объясняется тем, что вопрос об инородческой и инославной школе является чрезвычайно сложным, в высшей степени разнообразным и в то же время весьма острым. Он затрагивает не только педагогические интересы, но стоит в самой тесной связи с интересами политическими, религиозными, бытовыми, экономическими и др. В различных местностях нашего необъятного отечества, у разных племен и народностей настоящий вопрос требует различного решения в зависимости от чисто местных условий – от степени культуры, от характера религии, от того или иного политического направления данной группы населения и, наконец, в зависимости от особенностей существующих школьных законов и правил, действующих в разных местностях империи. При таких обстоятельствах совещание признало необходимым изучить вопрос об инородческой и инославной школе в деталях по каждому типу школ – начальных, низших и средних, притом отдельно по отношению к различным местностям и народностям. Вопросы об употреблении местных языков в школе, о правительственном школьном надзоре, о постановке и условиях обеспечения религиозного воспитания в школе требовали рассмотрения их по отдельным типам учебных заведений не только Министерства народного просвещения, но и других ведомств, причем приходилось считаться с особенностями специальных школ профессионального характера и приводить к одному объединяющему началу существующую в школах других ведомств постановку школьного дела как в отношении употребления местных языков, так и в отношении учебно-воспитательной стороны и школьного надзора.

Однако, при всем разнообразии обсуждаемых вопросов, чрез всю работу совещания проходят одни и те же принципы:

1. Совещание полагало, что благоприятное с государственной точки зрения разрешение вопроса об инородческой и иноверческой школе возможно только при условии поднятия культурного уровня всех народностей России, и прежде всего и больше всего коренного русского населения. Первым и необходимым средством для сего должно служить введение всеобщего обучения в империи. С осуществлением всеобщего начального обучения, когда дети школьного возраста повсеместно будут иметь возможность обучаться в правительственной школе, конфессионально-инородческая школа, несомненно, если не прекратит своего существования, то, по крайней мере, потеряет теперешнее свое значение, так как в настоящее время она поддерживается не только приверженностью к ней инородческого и иноверческого населения, но также отсутствием в данной местности других школ, правильно организованных. Повсеместно развитие школ, несомненно, должно усилить и среди инородцев сознание необходимости прохождения правительственной школы, дающей правильное образование и сообщаящей сведения, необходимые по условиям и потребностям современной жизни.

2. Правительственная школа не должна быть враждебной ко всему инородческому и иноверческому, а наоборот, должна располагать к себе инородческие и иноверческие элементы и воздействовать на них гуманными и культурными средствами. Школьное образование важно и ценно не со стороны только приобретения научных знаний, а главным образом с точки зрения такого или иного направления воспитания в школе. Так как воспитание немислимо без религии, то, по убеждению совещания, в правительственной школе должно быть обеспечено религиозное обучение инославных и иноверных учащихся. Другим средством, располагающим инородцев к правительственной школе, может быть допущение обучения в ней инородческим языкам, имеющим письменность и литературу, так как только такие языки имеют жизненную устойчивость, являясь духовным обликом той или иной народности. С обеспечением в правительственной школе преподавания Закона Божия для инославных или иноверных учащихся и родного языка учащихся должно было бы рассеяться то предубеж-

дение против этой школы, что она имеет в виду обращение в православие и насильственную русификацию инородцев.

3. Русскому языку, как государственному, должно быть отведено подобающее место во всякой школе, даже в частной с инородческим языком преподавания, так как только при помощи него возможно приобщение инородческих элементов к русской культуре и государственности. Для воспитания в учащих-инородцах понимания России и любви к ней школа должна знакомить учащихся с историческими судьбами и теперешним состоянием русского государства, как могущественной мировой державы, раскинутой на громадном пространстве. Такое ознакомление с историческими и географическими сведениями о России на первых порах обучения может совершаться путем соответственного подробного подбора статей объяснительного чтения на уроках русского языка, а на последующих ступенях – на отдельных уроках по истории и географии России. При этом от знакомства на уроках объяснительного чтения с историей и географией России не освобождаются и частные школы с природным для учащихся языком преподавания, а равно не освобождаются эти школы и от обязательного изучения в них государственного языка.

4. К культурной работе подъема русского национального самосознания и в борьбе с племенным сепаратизмом должны быть привлечены в возможной мере те общественные силы, которые близко соприкасаются с народной школой. Это привлечение общественного элемента должно рассеять то предубеждение, которое искусственно поддерживается и раздувается в некоторых слоях иноверного и инородческого населения по отношению к правительственной школе, якобы преследующей цели насильственного обрусения и обращения в православие. С другой стороны, привлечение общественных сил, несомненно, сделает работу в этом направлении более интенсивной и продуктивной и придаст ей в глазах населения большие гарантии беспристрастия. С этою целью совещание проектировало передать решение некоторых вопросов школьной жизни не только лицам административным, но и таким учреждениям, где представлены общественные элементы: училищным советам, как уездным, так и губернским, попечительным советам учебных заведений, попечительским советам при попечителях учебных округов; таковы вопросы о родном языке учащихся,

о преподавании Закона Божия инославных [40] и иноверных [41] учений, о надзоре за школой и т.д.

5. Совещание старалось установить и провести известную границу между религиозным, или богословским, и общим образованием, полагая, что в области общего образования решающее значение принадлежит органам правительственной власти, независимо от того, на какие средства и кем содержится учебное заведение, в области же религиозного обучения должна быть предоставлена известная свобода духовному начальству данного вероисповедания или вероучения, причем эта свобода может быть предоставлена, в большей или меньшей степени, в зависимости как от типа учебного заведения, так и от характера самого вероисповедания или вероучения и от значения его для государства и русской народности. С этой целью совещание признавало необходимым конфессиональные общеобразовательные учебные заведения подчинить правительственному надзору наравне с частными учебными заведениями неконфессиональными, в конфессиональных же вероучительных и вероучительских учебных заведениях находило желательным отделить общеобразовательный элемент от строго богословского, подчинив общее образование воздействию правительства наравне с другими общеобразовательными школами и ограничив надзор за вероучением только наблюдением за тем, чтобы в нем не было ничего противогосударственного, противоморального или караемого законом.

К сожалению, в этом вопросе совещание столкнулось с исторически сложившимися некоторыми явлениями в этой области, а также с некоторыми политическими затруднениями, например, в вопросе о католических духовно-учебных заведениях.

Вопросы, подвергнутые обсуждению в междуведомственном совещании, в систематическом порядке могут быть подразделены на следующие отделы:

- 1) об употреблении в школе инородческих языков,
- 2) об учебниках на инородческих языках,
- 3) о преподавании инославного Закона Божия и начал веры в школе,
- 4) об учебных заведениях конфессиональных (открываемых для учащихся одного исповедания) и
- 5) об организации надзора за инородческими и инославными школами.

I. Об употреблении в школе инородческих языков

Согласно действующим законоположениям, в правительственных учебных заведениях допускается преподавание на местных языках Закона Божия инославных исповеданий и родного языка учащихся, в начальных училищах Прибалтийского края – также – церковного пения, а в одноклассных начальных училищах и первых классах двухклассных училищ Варшавского [42] и Рижского [43] учебных округов, кроме того допускается пользование наряду с русским природным языком учащихся при обучении арифметике. Некоторую особенность в этом отношении представляют начальные училища, открываемые по Правилам 1-го ноября 1907 года [44] для детей инородцев, обитающих на юго-востоке России, в которых училищах преподавание всех предметов, кроме русского языка, допускается на местных инородческих языках и наречиях в течение первых двух лет обучения.

Ввиду того, что применение инородческих языков действующим законом устанавливается в разных границах для правительственных и частных учебных заведений, совещание обсуждало стоящий вопрос отдельно для тех и других заведений.

Из правительственных школ данный вопрос касается собственно начальных училищ. Обсуждая последний, совещание приняло во внимание внесенный Министерством народного просвещения на рассмотрение законодательных учреждений законопроект о начальных училищах, в котором определяются границы пользования инородческими языками в начальном образовании. Согласно этому законопроекту, «в местностях, в которых дети, поступающие в училища, не говорят по-русски, допускается при обучении пользоваться природным (на котором говорят в семье) языком в первый и, буде понадобится, во второй год обучения». Таким образом, с точки зрения Министерства народного просвещения употребление местных инородческих наречий допустимо в качестве подсобных языков в пределах от 1 до 2 лет обучения в зависимости от усвоения учащимися русского языка.

По поводу сего некоторыми членами совещания было высказано опасение, что допущение местных языков в школе, даже в качестве подсобных, может повести к ослаблению изучения русского языка. В течение двух лет учитель может использовать применение местных языков в явный ущерб языку государственному.

Затем, большинство учащихся, как показывает опыт, оставляет школу на 3-м году учения, и для них школа может оказаться совершенно безрезультатною в отношении усвоения русского языка. Кроме того, школа с инородческими языками преподавания может иметь вредное значение в том отношении, что она искусственно пробуждает национальное самосознание инородцев и вместо сближения с русской культурой может вносить лишь разобщение. С допущением местных языков в школу, хотя бы как подсобных при преподавании, появятся буквари, ученые книги и даже книги для внешкольного чтения, составленные на инородческих языках и наречиях, не имеющих даже своего алфавита, что уже и наблюдается среди восточных инородцев, благодаря Правилам 1-го ноября 1907 г. о начальных инородческих училищах, допускающим преподавание на родном языке в первые два года обучения и пользование им в последующие годы в качестве подсобного. С переводом же на местные языки и наречия богослужбных и священных книг получается полная возможность для инородцев довольствоваться книгами на своем языке и не обращаться к русскому языку. Наконец, при допущении местных языков в школу возникает вопрос, как будет вестись преподавание в школах со смешанным составом учащихся при одном учителе, от которого трудно требовать знания нескольких языков, и не произойдет ли на практике то, что одна народность, к которой будет принадлежать учитель, а в большинстве случаев он будет принадлежать к господствующей народности, будет поглощать другие, более мелкие народности. Равным образом является вопрос, кто будет определять, какие языки могут быть допущены в качестве подсобных, и кто будет наблюдать, чтобы не употреблялись языки неразрешенные.

С приведенными соображениями о безусловной недопустимости местных языков хотя бы в качестве подсобных в начальном обучении совещание не признало возможным согласиться по следующим основаниям. Допущение инородческих языков в качестве подсобных в первый и, буде понадобится, во второй год обучения не только желательно, но и необходимо по соображениям педагогическим, так как нельзя обучить детей первоначальной грамоте в начальной школе на непонятном для них языке. На практике при полном незнании учащимися русского языка пользование на первых порах обучения родным языком неизбежно, безразлично будет ли формально допущено такое пользование или нет. Что же каса-

ется указание на Правила 1 ноября 1907 года, то необходимо заметить, что между этими Правилами и законопроектом Министерства о начальных училищах имеется существенная разница по вопросу о пределах допустимости инородческих языков в школьном употреблении. По Правилам 1907 года родной язык детей всех инородцев служит языком преподавания в течение первых двух лет обучения, причем в последующие годы остается и предметом обучения, и орудием для облегчения преподавания на русском языке прочих предметов. Законопроект же министерства имеет в виду не преподавание на местных языках, а лишь пользование последними как подсобным средством только при первоначальном обучении в первый и, буде понадобится, во второй год, причем имеются в виду лишь те учащиеся из инородцев, которые при поступлении в школу не говорят по-русски. Затем, после правительственных актов 1905 г., допустивших местные языки в школу, можно говорить лишь о границах пользования в школах этими языками. Отказаться от допущения в начальной школе местных языков, как подсобного орудия при обучении, представляется невозможным не только с педагогической, но и с государственной точки зрения. Это вызвало бы в населении недоверие и недоброжелательное отношение к правительственной школе, что, в свою очередь, только породило бы развитие тайного обучения, совершенно ускользающего от правительственного контроля и наблюдения. Что же касается указанных опасений поглощения мелких народностей более сильными при смешанном составе учащихся в случае употребления языков при обучении в качестве подсобных, то на восточных окраинах ввиду тесной племенной группировки поглощение одной народности другою путем школы представляется сомнительным; если это поглощение здесь и замечается в некоторой степени теперь, то объясняется оно сближением на почве религии и жизненных интересов между инородцами, причем преимущество воздействия оказывается на стороне более культурной народности. При такой постановке школьного обучения, когда более культурная народность, имеющая свою письменность и литературу, в отношении пользования местными языками будет поставлена в одинаковые условия с народностью, даже не имеющей своего алфавита, школа не может явиться проводником поглощения одной народности другою, более культурной. Что же касается Привислинских и Прибалтийских губерний, то при развитом на-

циональном самосознании отдельных народностей (поляков, литовцев, эстов и латышей) и при их взаимной борьбе за самобытность смешанные школы, без сомнения, не могут служить ассимиляции одной народности другою. Сомнение могло бы быть разве относительно белорусов и малороссов там, где есть польский элемент. Но условия пользования родным языком при первоначальном обучении в школе касаются только инородцев, не имея в виду малороссов и белорусов, которых отнюдь нельзя причислить к инородцам, первоначальное обучение которых должно вестись на русском языке. С другой стороны, предусматриваемые с допущением местных языков при обучении практические затруднения при смешанном составе учащихся представляются в значительной степени устранимыми. С осуществлением всеобщего обучения, когда школы будут рассчитаны на все число детей школьного возраста, представится полная возможность распределить детей отдельных народностей по особым школам или же с увеличением числа школьных учителей разных народностей в соответствии с племенным составом учащихся. Другим коррективом может служить подготовка для начальных учителей, знающих разные языки. Наконец, в местностях со смешанным населением возможно устройство особых приготовительных классов для усвоения русского языка. Эта мера может если не устранить необходимость применения в школе местных языков как подсобных, то, по крайней мере, может ускорить переход к преподаванию на русском языке. Несомненно также, что с введением всеобщего обучения и, следовательно, с распространением знания государственного языка среди всего населения империи сфера пользования природными языками учащихся должна сократиться, так как пользование ими проектируется законопроектом только для тех детей, которым незнаком русский язык при поступлении в школу.

Возражение против пользования природными языками в школе в первые два года обучения на том основании, что большинство детей обыкновенно оставляет школу после двух лет обучения и что таким образом школа не дает им знания русского языка, а знание только родного языка, основано на неправильном представлении постановки обучения в начальной школе в первые два года. Необходимо иметь в виду, что в проекте министерства речь идет не об обучении на родном языке в первые два года, а о пользовании природным языком в качестве подсобного там, где это по ходу

занятий в школе оказывается необходимым. Что же касается русского языка, то изучение его по законопроекту предполагается начинать не позже третьего месяца первого года обучения. При таких условиях можно ожидать, что школа не останется безрезультатной и для тех детей, которые оставляют ее до окончания полного курса.

Пользование тем или другим языком в качестве подсобного не регулируется законопроектом Министерства народного просвещения и не может быть регулируемо. Единственные соображения, которые должны лечь в основу выбора того или другого языка в качестве подсобного, – это соображения педагогические. В принципе, все языки могут быть употребляемы в качестве подсобных; но прибегать к природному языку рекомендуется только в первый и, если понадобится, то и во второй год обучения так, чтобы с третьего года можно было вести обучение в правительственной школе уже всецело на русском языке. От степени понимания ученика, от предмета, о котором идет речь, от искусства учителя и других школьных условий зависит, прибегать или не прибегать и в какой степени прибегать к пользованию природным языком в первые два года обучения. Никаким законом это урегулировать нельзя, так как обуславливается это соображениями педагогического характера.

Что же касается вопроса о том, кто будет следить за выполнением правил пользования в школах подсобными языками, то дело это могло бы быть поручено компетентным органам, а именно – наряду с директорами и инспекторами народных училищ, училищным советам, состоящим из лиц по назначению от правительства и из местных представителей.

В виду изложенного совещание пришло к выводу, что применение в начальной школе местных языков и наречий в качестве подсобного средства при преподавании допустимо в первый и, буде понадобится, во второй год обучения, причем выражены были пожелания:

- 1) Чтобы по мере возможности были устраиваемы для обучения инородцев русскому языку подготовительные классы и детские сады, особенно в местностях со смешанным населением, и

- 2) Чтобы надзор за выполнением правил, касающихся употребления в школе инородческих языков в качестве подсобных, возложен был не только на директоров и инспекторов народных училищ, но и на училищные советы.

В связи с вопросом о допущении инородческих языков в школе в качестве подсобного средства при преподавании возник вопрос о том, допустимо ли в школе изучение местных языков в качестве особого предмета преподавания наряду с другими предметами школьного курса.

При этом совещанием было обращено внимание на то, что действующими законами местные языки введены в школу не только как подсобное орудие при прохождении школьного курса, но и как особый предмет школьного преподавания. К этому население привыкло, и изменять установленный законом порядок было бы нецелесообразно. Но с другой стороны, несомненно, что есть в этом деле увлечения в сторону нежелательную, способствующую искусственному возбуждению самосознания у отдельных народностей, которые по своему культурному развитию и численности не могут создать самобытной культуры. Такому неправильному направлению дела, несомненно, должны быть положены границы. Посему совещание признало: предметом изучения могут служить только языки, имеющие свою письменность и литературу; преподаваться эти языки могут в объеме, не превышающем объема преподавания русского языка. Наблюдение за таким преподаванием следует возложить на правительственные органы – на директоров и инспекторов народных училищ и на училищные советы.

Признав допустимым употребление местных языков в начальной правительственной школе в первые 2 года обучения, совещание по вопросу о подготовке учителей, знающих эти языки, высказалось в том смысле, что для такой подготовки было бы более целесообразно открытие не специально-инородческих учительских семинарий и школ для учащихся одной народности, а общих семинарий, приуроченных к местным условиям, т.е. с разрешением принимать в эти заведения инородцев и с введением преподавания местных инородческих языков. Таким путем будет достигаться та цель, что инородцы, обучающиеся в общих семинариях и учительских школах вместе с русскими, лучше будут знать русский язык, скорее усвоят русский дух, проникнутся русской культурой, а русские практически будут знакомиться с языком инородцев, среди которых им придется жить и детей которых придется обучать.

Обращаясь к частным учебным заведениям, совещание приняло во внимание, что правительственными актами 1905–1907 гг. в этих заведениях предоставлен значительный простор в отношении поль-

зования при преподавании местными языками. Так, в Привислинском крае в разного рода частных учебных заведениях, хотя бы и с курсом, превышающим курс прогимназий, Высочайшим указом 1-го октября 1905 г. предоставлено Министерством народного просвещения и Министерством финансов право разрешать преподавание на польском и литовском языках всех предметов кроме русского языка, истории и географии, которые должны преподаваться по-русски (ст[атья] 3742 т[ома] XI ч[асти] I Св[ода] Зак[онов Российской империи], по прод[олжении] 1906 г.¹). Применительно к основаниям, изложенным в означенном Высочайшем указе, на основании Высочайше утвержденного 31 января 1907 г. журнала Совета министров, допускается в том же крае преподавание на немецком языке в подведомственных Министерству народного просвещения частных учебных заведениях, открываемых для лиц немецкого происхождения (Св[од] Зак[онов Российской империи], т[ом] XI, ч[асть] I, ст[атья] 3772, прим[ечание] 2 по прод[олжении] 1908 г.), равным образом в Прибалтийских губерниях Высочайше утвержденным 19 апреля 1906 г. мнением Государственного совета [45] допущено преподавание на местных языках всех предметов кроме русского языка, русской литературы, а также истории и географии России в частных учебных заведениях, кои содержатся на местные средства без всякого пособия от казны, а равно из земских или городских средств (т[ом] XI, ч[асть] I по прод[олжении] 1906 г., ст[атья] 3741, прим[ечание] 1). Кроме того, Высочайше утвержденным 23 марта 1907 г. журналом Совета министров постановлено разрешить в немецких школах с курсом начальных училищ, устраиваемых в селениях бывших немецких колонистов Бессарабской, Херсонской, Таврической, Екатеринославской и Волынской губерний и области Войска Донского и содержащихся на местные средства, преподавать все предметы начального обучения на немецком языке кроме русского языка, а также истории и географии, если последние преподаются как самостоятельные предметы с тем, чтобы этим учебным заведениям не было предоставлено право с поручением Министру народного просвещения распространить эту меру и на немецкие школы бывших колонистов в других местностях в случае возбуждения ими ходатайств.

¹ В настоящее время учебн[ые] завед[ения] М[инистерст]ва финансов переданы в ведомство Министерства торговли и промышленности.

Ввиду приведенных законоположений, а также принимая во внимание, что частные учебные заведения содержатся на частные средства и не пользуются никакими правами, совещание прежде всего признало, что вопрос о допущении местных языков в этих учебных заведениях подлежит разрешению в смысле употребления их в качестве языка преподавания, а не в виде лишь подсобного средства при преподавании.

Совещание принуждено было прийти к такому решению о допустимости в частных учебных заведениях употребления местных языков в качестве языков преподавания в силу необходимости. Конечно, существование таких учебных заведений с точки зрения государственных интересов представляет собою явление нежелательное. Они не только не способствуют объединению разных народностей, населяющих Россию, в одно плотное целое, но даже наоборот в некоторых случаях могут способствовать разъединению и обособлению этих народностей. Идеалом школы с точки зрения государственного единства представлялась бы единая для всех народностей империи школа с государственным языком преподавания, не преследующая подавления отдельных национальностей, но воспитывающая в них, как и в природных русских, любовь к России и сознание ее единства, целостности и неделимости. Но такого идеала можно достигнуть только постепенно; в настоящее же время приходится считаться с создавшимся положением. И прежде всего, первым шагом к достижению этого идеала является осуществление всеобщего обучения. Когда все дети школьного возраста будут иметь возможность получать начальное образование в правильно организованной правительственной школе, тогда отпадет необходимость в существовании частной начальной школы, содержимой на частные средства, с природным языком преподавания в ней. Воспрещение в настоящее время обучаться в такой школе, при недостаточном числе правительственных начальных школ, во многих случаях было бы равносильно воспрещению получить какое бы то ни было начальное образование, что также едва ли может быть признано мерой полезной с государственной точки зрения. Равным образом, при недостаточности числа правительственных школ повышенного типа необходимость заставляет согласиться на открытие таких частных заведений с природным для учащихся языком преподавания. Однако коррективом для такого рода учебных заведений является то, что они не получают никаких прав. Стремление получить права заста-

вить родителей учащихся или посылать их в правительственную школу, или требовать такой организации преподавания в этих учебных заведениях, чтобы учащиеся могли выдерживать испытания на государственном языке в правительственных учебных заведениях. Содержание таких учебных заведений на частные средства также полагает известный предел широкому распространению их. Наконец, надлежащий надзор правительственной власти за такими учебными заведениями при правильной организации этого надзора и постановке может в значительной мере парализовать вредные стороны таких учебных заведений. Недопущение частных учебных заведений с преподаванием на природном языке учащихся, если бы возможно было воспретить существование их, в одних случаях повело бы к лишению некоторых лиц получения вообще какого бы то ни было образования, по крайней мере, в отношении начальной школы, а в других дало бы толчок учебным заведениям за границей, в которых учащаяся из России молодежь воспитывалась бы, без сомнения, во враждебном России направлении. Воспитание таких лиц протекало бы без всякого русского правительственного надзора и без всякого воздействия русской культуры и окружающей русской среды.

Что касается вопроса о границах применения местных языков при преподавании в частной школе, то, по мнению совещания, в интересах государственных представлялось бы желательным и необходимым сузить те границы, которые установлены ныне действующим законом.

Равным образом совещанием были высказаны пожелания о необходимости надлежащей постановки преподавания в частной школе вообще и в начальной школе в частности государственного языка и о надлежащем усвоении в ней сведений по истории и географии России. В подтверждение такого пожелания было указано на следующее нередко наблюдаемое явление в практике частной школы в Привислинском крае. На уроках русского языка при объяснительном чтении учитель выбирает для чтения сказки или басни², а на уроках польского языка посредством подбора соответствующих статей знакомит учащихся с главнейшими моментами ис-

² В одноклассной начальной школе история и география не преподаются как самостоятельные предметы, а сообщаются сведения по этим предметам при объяснительном чтении на уроках русского языка.

тории Польши. В результате оказывается, что дети выходят из школы, не имея никаких понятий о России и русском народе.

Ввиду сего, признавая допустимым употребление местных языков при преподавании в частной одноклассной школе с обязательным преподаванием в ней русского языка в пределах, установленных для правительственной школы, совещание полагало необходимым установить следующие требования: 1) чтобы при объяснительном чтении в частной школе с 3-летним курсом сообщались сведения по истории и географии России, 2) чтобы в школе с четырехгодичным курсом обучения история и география изучались, как велось на русском языке, и 3) чтобы преподавание всех предметов велось по одобренным правительственною властью учебникам, в целях ограждения учащихся от воспитания их в противоположном направлении.

При обсуждении вопроса о частной двухклассной начальной школе некоторыми членами совещания было высказано предположение о недопустимости во 2-м классе этих училищ преподавания на местных языках, за исключением Закона Божия и родного языка учащихся. По поводу сего было указано, что 2-й класс начальной школы стоит в самой тесной связи с первым классом, составляя с ним одно неразрывное целое, только завершая курс последнего, и что с допущением в одноклассной школе преподавания на местных языках не представлялось бы оснований стеснять в этом отношении двухклассную начальную школу. Вместе с тем было высказано и то соображение, что преподавание русского языка, истории и географии на государственном языке само по себе уже служит достаточной гарантией изучения и хорошего знания русского языка. Если бы прохождение курса второго класса было сделано обязательно на русском языке, то этим был бы закрыт доступ во второй класс всем тем, которые прошли курс первого класса на природном языке, между тем основательное знание русского языка для инородцев только и возможно получить во втором классе, где проходятся как отдельные предметы история и география, преподаваемые на русском языке. Таким образом, проектируемая мера при существовании одноклассного училища с природным языком преподавания не принесла бы пользы русскому делу среди населяющих Россию инородцев. Между тем с осуществлением всеобщего обучения, когда все дети школьного возраста будут обеспечены правительственной школой и когда отпадет

вследствие этого необходимость в частных начальных училищах, сам собою разрешится и вопрос о вторых классах начальных училищ ввиду теснейшей связи между первым классом и вторым. Поэтому совещание высказалось за допущение преподавания на родном языке учащихся во 2-м классе частных начальных школ с повышенным курсом, кроме русского языка, истории и географии.

Обратившись засим к частным начальным школам профессионального типа, совещание остановилось на школах Главного управления землеустройства и земледелия. В других ведомствах таких школ не оказалось. В ведении же названного Главного управления имеются мастерские, курсы для взрослых, практические сельскохозяйственные школы. Различая в ремесленном образовании два вида – ремесленное обучение в связи с общим образованием и изучение одной только техники какого-либо производства или мастерства без всякого преподавания общеобразовательных наук, совещание признало, что во втором случае употребление местных языков при настоящем состоянии народного образования представляется не только допустимым, но даже неизбежным. В противном случае нередко пришлось бы отказываться от мероприятий по поднятию общего экономического благосостояния какого-либо края ввиду незначительного развития школьного обучения в данном крае и вследствие этого незнания жителями его русского языка. Если население Привислинского края и Прибалтийских губерний, преимущественно городское, в некоторой степени знакомо с русским языком, то на восточной окраине России – главным образом, в Туркестанском крае и Забайкалье – несомненно, есть такие местности, где русского языка совершенно не знают. Если при таких условиях проводить строго принцип политический и разрешать обучение технике только на русском языке, то государство могло бы потерять в смысле экономических интересов. Высказавшись за допущение на сельскохозяйственных курсах преподавания на местных языках, совещание вместе с тем признало необходимым установить положение, по которому учреждение курсов возможно при условии определения по существу их характера, в отличие от учебных заведений, а также при условии организации надзора за ними на местах. Такое положение было вызвано указанием некоторых членов совещания на то, что в некоторых местностях (Привислинские губернии) курсы и беседы по сельскому хозяйству, устраиваемые сельскохозяйственными общест-

вами, нередко уклоняются от своей программы в сторону, не имеющую никакого отношения к сельскому хозяйству.

Что же касается низших сельскохозяйственных учебных заведений, то в них также, по мнению представителя названного Главного управления, следовало бы допустить преподавание на местных языках. Одна из главных особенностей правильного ведения сельского хозяйства заключается в необходимости прибегать к местным терминам. Слабое развитие сельского хозяйства на окраинах отчасти и объясняется в потребных случаях местными языками. Ввиду этого было бы желательно допущение местных языков при преподавании не только на курсах и в мастерских, но и в практических школах сельского хозяйства и в сельскохозяйственных школах 1-го и 2-го разряда (по Положению 1904 г.). В практические школы поступают дети без всякой предварительной подготовки, даже совершенно неграмотные. Общеобразовательный курс сельскохозяйственных школ 1-го разряда соответствует курсу двухклассных начальных училищ Министерства народного просвещения, а школа 2-го разряда – курсу одноклассных училищ [46]. В пользу допущения в этих сельскохозяйственных учебных заведениях преподавания на местных языках говорит и то обстоятельство, что такой порядок, несомненно, послужил бы к увеличению числа подобных частных учебных заведений и к сокращению расходов из средств государственного казначейства на содержание таких же правительственных школ, которые ныне обходятся казне от 3 до 10 тысяч в год каждая.

После обмена мнениями по настоящему предмету совещание признало, что ввиду недостаточного числа школ и вследствие этого недостаточного знания инородцами русского языка необходимость вынуждает допустить в низших сельскохозяйственных школах, общеобразовательный курс коих не выходит за пределы двухклассных начальных училищ, преподавание на местных языках в том же объеме, как это установлено для частных начальных училищ, но при том непременно условии, чтобы преподавание русского языка, истории и географии было обязательным и велось на русском языке и чтобы русскому языку было отведено достаточное число уроков.

Допустив означенную аналогию в отношении преподавания на местных языках между общеобразовательными двухклассными начальными училищами и сельскохозяйственными школами, со-

держимыми на частные средства, совещание в дальнейшем при обсуждении вопроса о низших и средних учебных заведениях – общих и профессиональных – не делало различие между теми и другими. Имея в виду, что в низшие разного рода учебные заведения (городские профессионально-технические, торговые, промышленные и т.п. училища) поступают дети, окончившие двухклассные начальные училища и уже знающие русский язык, совещание постановило, что языком преподавания в этих училищах должен быть язык государственный. По вопросу же о языке преподавания в средних частных учебных заведениях в совещании были высказаны следующие соображения и предположения.

В настоящее время преподавание в частной средней школе за исключением русского языка, истории и географии допускается в Прибалтийском и Привислинском краях. Хотя изучение означенных предметов на языке государственном гарантирует усвоение последнего учащимися, если не имеет в виду возможных при этом злоупотреблений, однако нельзя не опасаться самого направления воспитания в частной средней школе. В Прибалтийском крае воспитание в этой школе проникнуто немецким духом, в течение 6 – 7 лет обучения учащимся прививается немецкое миросозревание. Влияние немецкого учащего персонала настолько сильно, что ему подчиняют даже учащие из русских. То же самое еще в большей мере замечается в польской школе в Привислинском крае, которая не только отчуждается учащихся от всего русского, но даже внушает презрение к нему. Содержатели не допускают никакого контроля над своими школами. Этим объясняется, напр[имер], тот факт, что когда учебным начальством по ходатайству самих содержателей было разрешено преобразовать шестиклассные частные учебные заведения в семиклассные, но под условием заведения со стороны правительства, то такое преобразование фактически не состоялось. Противогосударственное направление в частной средней школе наблюдается также и на Кавказе.

Остановившись, вследствие указанного, на предположении о полном запрете в помянутой школе преподавания на местных языках, совещание высказало, однако, опасение, что такая мера могла бы вызвать сильное недовольство инородческого населения и повлечь за собою еще более вредные для государства последствия. Лучшие молодые силы уйдут в заграничные учебные заведения, от которых, конечно, нельзя ожидать воспитания в духе, благоприят-

ном для русского государства. Затем, требование преподавания на русском языке само по себе не может изменить к лучшему направление школьного воспитания. Язык преподавания не имеет исключительного значения, важнейшим представляется установление известного внутреннего надзора за школою, чтобы она не воспитывала в противогосударственном направлении.

Придавая внутреннему надзору за жизнью инородческой школы существенное значение и имея в виду подвергнуть этот вопрос особому обсуждению, совещание признало допустимым преподавание в частной средней школе на местных языках. По вопросу же о продолжительности преподавания на этих языках отдельными членами совещания были высказаны разные мнения. Указывалось, что такое преподавание необходимо лишь в младших 4-х классах средней школы. Начало всякой научной дисциплины должно происходить на материнском языке, так как мыслить на чужом языке, без массового употребления его в семье и обществе, невозможно. Необходимо сначала обогатить учащихся понятиями, что возможно сделать на родном языке, а потом, когда ум сформируется, можно будет перейти к преподаванию на русском языке. По другому мнению, возможно было бы ограничиться допущением преподавания на родном языке лишь в первых двух классах средней школы, что было бы в соответствии с принятым уже в совещании допущением родного языка преподавания в двухклассных начальных училищах. Наконец, высказано было мнение в пользу преподавания на местных языках в течение всего курса средней школы, причем указывалось, что допущение родного языка преподавания в четырех первых классах средней школы или только в двух может повести к тому, что при переходе преподавания с родного на русский язык учащимся придется по некоторым предметам, так сказать, переучиваться с родного языка на русский, так как курс средней школы представляет один концентр, который без некоторой искусственности не может быть разбит на 2 цикла. Поэтому весь курс должен вестись или на родном или на русском языке. Если преподавание на государственном языке следует считать идеальным, то в настоящее время это представляется трудноосуществимым, особенно если принять во внимание, что в Привислинских [47] и Прибалтийских губерниях в частной школе преподавание на местных языках в течение всего курса учения разрешено уже правительственными актами.

По поводу последнего мнения было, однако, объяснено, что указанные затруднения для перехода к преподаванию на русский язык не являются непреодолимыми. Программа преподаваемых в средней школе предметов расположена так, что между низшими и высшими классами, начиная с 4-го, имеется большая разница. Относительно языка преподавания Закона Божия, родного языка, русского языка, истории и географии в данном случае говорить не приходится. В настоящее время первые два предмета преподаются на родном, а последние – на русском языке в продолжение всего курса учения. Можно говорить лишь о математических науках (арифметике, алгебре, геометрии, тригонометрии и физике) и об иностранных древних и новых языках. Из математических предметов арифметика проходится лишь в младших трех классах, геометрия начинается с 4-го класса, и только алгебра может связывать 3-ий класс с 4-м, так как изучение ее начинается со второй половины 3-го года. Физика в младших классах совсем не проходится. Что же касается иностранных языков, то в младших классах даются элементарные сведения, настоящий же курс – серьезное изучение грамматики, литературы – проходится в старших классах. Следовательно, между предметами младшего и старшего курса средней школы можно установить известную грань, и таким образом можно будет допустить двойственность в отношении языка преподавания.

После приведенных объяснений совещание признало допустимым преподавание на родном языке учащихся в частной средней школе в пределах младших классов, причем полагало возможным установить переход к преподаванию на русском языке после 3-х лет обучения, за исключением иностранных языков, преподавание коих продолжается на родном языке и в 4-ый год, с тем чтобы те предметы, которые начинаются изучением в 3-ий год, преподавались на языке государственном. (Закон Божий и родной язык в данном случае во внимание не принимаются, для этих предметов остается в силе действующий порядок).

Такой же порядок принят был совещанием и для частных средних учебных заведений профессионального типа: коммерческих, ремесленных, технических, промышленных и сельскохозяйственных – с оговоркою, что употребление местных языков в первые 3 года допускается лишь в тех случаях, когда при этих учебных заведениях имеются общеобразовательные классы, для поступления в

которые требуются такие познания, как и для поступления в общеобразовательные средние учебные заведения.

Наконец, был подвергнут обсуждению вопрос о том, на всех ли инородческих языках может быть допущено преподавание в частной школе? При этом было принято во внимание, что в Государственной думе при рассмотрении законопроекта Министерства народного просвещения о начальных училищах такими языками, на которых может быть преподавание в начальной школе, признаны были следующие двенадцать: польский, литовский, немецкий, эстонский, латышский, татарский, бурятский, калмыцкий, грузинский, армянский, чешский, еврейский. По поводу сего перечня в совещании было объяснено, что пять первых из перечисленных языков, а также армянский в настоящее время уже допускаются в качестве языков преподавания в частных учебных заведениях Привислинских и Прибалтийских губерний и на Кавказе, а языки татарский, бурятский, калмыцкий и грузинский допускаются лишь в начальных училищах, на основании действующих правил об инородческих училищах на юге и востоке России. Основанием, почему только этим десяти языкам можно предоставить право преподавания в частной школе, служит то соображение, что народности, говорящие на этих языках, довольно многочисленны (превышают 100000 человек каждая), что эти языки имеют свою письменность и литературу, иногда очень богатую, напр[имер], польский, армянский и др[угие], каковому требованию не удовлетворяют языки и наречия других мелких народностей, обитающих в пределах России. Что же касается чешского и еврейского языков, то в совещании было высказано сомнение в необходимости их допущения к употреблению в частной школе. Чехов в России немного (50 тысяч); живут они разбросанно среди русского населения, и преподавание на русском языке для них не должно представлять затруднений. Относительно же еврейского языка было замечено, что еврейский жаргон нельзя считать литературным языком, и поэтому его следует исключить из указанного перечня.

По поводу приведенного предположения об ограничении перечня языков, допустимых в школьном употреблении в качестве языков преподавания, десятью указанными было замечено, не поведет ли запрещение для некоторых народностей пользоваться в школе своим языком к тому, что эти народности будут поглощаться другими, имеющими право открывать частные школы с препода-

даванием на родном языке. По сему предмету было, однако, объяснено, что допущение преподавания в частной школе на всех инородческих языках, помимо соображений политических (опасение развития сепаратизма), неосуществимо и по учебно-административным соображениям, и по самому существу дела. Для надзора за учебной частью в таких школах потребовались бы лица учебного ведомства, знакомые со многими инородческими языками и наречиями, что представляется едва ли достижимым.

Для преподавания на местных языках необходимо, чтобы данный язык был достаточно развит и богат словами и имел известную литературную обработку. Совещание потому и остановилось на указанных 10 языках, что все они настолько литературно обработаны и богаты словами, что на них можно вести преподавание в пределах курса 2классных училищ. Не говоря уже про немецкий, армянский, грузинский, эстонский, литовский и латышский языки, даже языки татарский, бурятский и калмыцкий имеют достаточную литературную обработку. По заявлению члена совещания А.М. Позднеева, языки калмыцкий и бурятский имеют свою богатую самобытную литературу, на которую в среде буддийских народностей имеется спрос. Наши сибирские бурятские монастыри являются поставщиками литературных сочинений во всей Монголии. Таким образом, распространение разрешения преподавания в частной школе на все инородческие языки является невозможным по самому существу дела, по культурному состоянию этих языков.

В видах предотвращения воздействия посредством школы одной народности на другую было высказано пожелание об установлении однородного племенного состава учащихся в частной школе, соответственного языку преподавания. Последнее предположение, однако, не встретило поддержки ввиду того, что на практике весьма трудно будет установить контроль за составом учащихся по национальности, а кроме того, запрещение родителям отдавать своих детей в частную школу с учащимися другой национальности было бы стеснением индивидуальных прав.

Ввиду изложенного, совещание признало допустимым преподавание в частной школе на десяти языках, имеющих литературу и принадлежащих народностям, населяющим Россию в значительном числе, во всяком случае более 100000 каждая, именно: на польском, литовском, немецком, эстонском, латышском, татарском, бурятском, калмыцком, грузинском и армянском, с тем по-

желанием, чтобы при введении всеобщего обучения среди инородцев было обращено преимущественно внимание на те народности, которые не вошли в состав 10 и могли бы пострадать от окружающих народностей с более высокой культурой. Для ограждения их от ассимиляции более культурными народностями представлялось бы необходимым обеспечение их правильно поставленной правительственной школой с допущением родного языка в качестве подсобного.

II. Об учебниках на инородческих языках

Настоящий вопрос находится в непосредственной связи с вопросом о допущении в школе преподавания на местных языках. Школьное законодательство в числе мер, предупреждающих нежелательное с государственной точки зрения направление школьного воспитания, предъявляет, между прочим, требование, чтобы преподавание как в правительственных, так и в частных учебных заведениях велось по учебникам, одобренным правительственной властью.

Настоящее совещание, настойчиво подтверждая такое требование по отношению к инородческой школе с местными языками преподавания, признало необходимым подвергнуть вопрос об учебниках на инородческих языках подробному исследованию. Для выяснения, в частности, того, какие имеются в настоящее время учебники для инородческих школ, где они изданы, каким путем допущены к школьному употреблению, могут ли они быть признаны удовлетворительными для современной школы или же малопригодными к употреблению, а может быть и вредными, не стоит ли нужда в составлении новых учебников и как вообще обеспечить для инородческих школ состав необходимых учебников.

При рассмотрении указанных вопросов совещание руководствовалось сведениями, доставленными попечителями подлежащих учебных округов. В Учебный комитет министерства [48] учебники на инородческих языках не поступают, а рассматриваются на местах в особых комитетах при попечительских советах учебных округов, заключающих в себе инородческие местности, именно: Варшавского, Рижского, Виленского [49], Одесского [50] и Кавказского [51]. В Казанском учебном округе инородческие учебники издаются переводческой комиссией [52] при Братстве св. Гурия [53] и такой же комиссией, недавно учрежденной при управ-

лении учебного округа. Попечительские советы о своих заключениях по рассмотренным книгам сообщают Ученому комитету изредка и случайно, а в издаваемых при учебных округах «циркулярах» приводятся лишь одни заглавия одобренных к школьному употреблению инородческих учебников, без подробных рецензий и даже без простого пересказа их содержания.

Ввиду сего председателем подкомиссии, образованной при соещании для предварительного рассмотрения вопроса об инородческих учебниках, тайным советником А.М.Позднеевым были запрошены необходимые сведения от попечителей названных учебных округов. Из доставленных сведений усматривается, что положение дела рассмотрения на местах учебников на инородческих языках представляется неудовлетворительным и требующим серьезных изменений.

В Варшавском учебном округе в качестве преподавательского языка допускаются языки польский, литовский и немецкий. Учебники на польском языке рассматриваются комитетом при попечительском совете, причем таких учебников имеется достаточное количество. Наибольшее число учебных пособий, одобренных циркулярными предложениями округа, относится до Закона Божия, вторым не менее обширным отделом учебников являются пособия по изучению польского языка. Здесь имеются «польские хрестоматии», заключающие в себе избранные места из польских писателей, для II и III классов и отдельно для III и IV классов средних учебных заведений, и, наконец, сборник образцов поэтических и прозаических произведений популярнейших польских авторов для четырех низших классов гимназий. Для высших классов изданы также особые «образцы польской литературы». Для теоретического изучения польского языка составлены: польские грамматики для низших классов; «стилистика» и «теория литературы с приложением систематических сборников образцов» – в качестве учебного руководства по теории словесности для средних классов и «история польской литературы для старших классов гимназий». Для низших учебных заведений наибольшее число руководств настоящего отдела составляют: «Азбука» или «Наука чтения и письма» и «Элементарные книжки для чтения». По другим предметам также имеется значительное число одобренных учебных руководств – по арифметике, географии, истории, по всем отделам естественных наук, по математике и иностранным языкам.

Что же касается характера и направления польских учебников и руководств, то хотя председатель комитета по рассмотрению книг на польском языке указывает, что в политическом и нравственном отношении они удовлетворительны, в педагогическом же отношении представляют по большей части переделку русских учебников, одобренных Ученым комитетом Министерства народного просвещения, однако к такой оценке польских учебников совещание нашло нужным отнестись с некоторою осторожностью. Прежде всего, по сообщению того же председателя комитета кроме означенных учебников употребляются в школьном обиходе и книги, изданные в Кракове и Львове, которые по инспекции училищ гор. Варшавы преследуются учебным начальством. Засим, совещание приняло во внимание следующее заявление, сделанное в подкомиссии по предварительному рассмотрению настоящего вопроса одним из ее участников (чиновником особых поручений при Министре внутренних дел, профессором П.А. Кулаковским). Учебники на польском языке издаются массами с прекрасными иллюстрациями, но они, как и все в Польше, служат для политической агитации. Так, имеются учебные картины по истории, где Богдан Хмельницкий изображается на коленях перед польским королем и т.п., к этим картинам приложена таблица династий польских королей, между прочим, избирательных королей, в числе которых поименованы и русские цари. Профессором Кулаковским были лично разобраны два издания одного и того же учебника по истории Польши, выпущенные под разными фамилиями за границей и в России, причем второе издание является уже в значительной степени сокращенным и смягченным. В этом учебнике статьи о Петре Великом, о Гурко и Муравьеве и о православном населении изложены в совершенно недопустимом духе.

Подобное же заявление сделано было Н.И. Павловым, который обратил внимание на то, что он имел случай убедиться, что в числе учебных руководств, употребляемых в польских школах при изучении польского языка, имеются книги Невядомской, в которых встречаются тенденциозные рассказы из зарубежной жизни, из истории Польши, где описываются битвы с русскими, причем русские изображаются в самых жалких красках, а также стихотворения вроде известного «Еще Польша не погибла» и т. п.

Относительно учебников на литовском языке из доставленных начальником Сувальской учебной дирекции сведений усматривает-

ся следующее. Начальные училища, расположенные в местностях с литовским населением, в настоящее время не могут считаться обеспеченными литовскими учебниками по таким предметам, как арифметика, геометрия, естествоведение, черчение и рисование. Литовские учебники можно признать годными разве только по обучению литовскому языку. До 1906 г. преподавание литовского языка в начальных училищах названной дирекции велось по учебникам с русским шрифтом. Начиная с 1906 г. преподавание литовского языка ведется по учебникам с латинским шрифтом, согласно разрешению Министерства народного просвещения, сообщенному дирекциям попечителем Варшавского учебного округа от 24 августа 1906 г. за № 18647. С этого года, главным образом, появляются учебники на литовском языке и по другим предметам. По имеющимся в Сувальской дирекции сведениям до настоящего времени вышло в свет несколько десятков литовских учебников, изданных частью в России, частью за границей. Из сообщенного списка этих учебников видно, что 9 из них уже допущены к употреблению в школах, 14 еще не были рассмотрены, и 6 не только одобрены, но и находятся в употреблении. Авторы находящихся ныне в употреблении и выпущенных вообще на рынок учебников на литовском языке – преимущественно учителя начальных училищ – при составлении их пользовались большею частью материалом из находящихся в обращении учебников на русском языке, пополняя содержание букварей и книжек для чтения литовскими народными сказками, пословицами, песнями и пр. Поэтому план учебников и расположение учебного материала в них с методической стороны большею частью удовлетворительны. Что же касается языка учебников, то он страдает всеми теми недостатками, какие присущи языку с едва зарождающейся литературой.

В немецких школах Варшавского учебного округа употребляются учебники, одобренные комитетом при Рижском учебном округе, и составить понятие о них можно по сведениям, имеющимся относительно немецких учебников в Рижском учебном округе. В этом округе допускается преподавание на немецком, эстонском и латышском языках. Как обстоит здесь дело с учебниками на этих языках, можно судить из следующего отзыва попечителя округа. Приходится засвидетельствовать факт, говорит попечитель, что как немецкие, так и другие инородческие училища вовсе не обеспечены подходящими и одобренными правительственною властью

учебниками. В сравнительно выгодном положении в этом смысле оказываются училища III разряда всех помянутых национальностей. Для училищ же II и I разряда с латышским и эстонским языком преподавания таких учебников, за исключением руководств к изучению соответствующего инородческого языка, почти не имеется, да и существующие совершенно неудовлетворительны. Для школ с немецким языком преподавания учебники могли бы быть выписаны и действительно выписываются из Германии, но такие учебники, в особенности по истории и географии, для употребления в России непригодны, так как всюду на первое место выдвигают Германию как первое государство в мире, а о других государствах говорят мало, и подчас весьма тенденциозно. Так, напр[имер], в Вейсенштейнском частном училище II разряда, содержимом попечительным советом евангелическо-лютеранской церкви св[ятого] Креста, правительственной инспекцией народных школ Вейсенштейнского района найден учебник всеобщей истории Фридриха Полака, в котором, между прочим, говорится о беспочвенных фантазиях императора Николая II. Хотя эта книга и не стояла в списке учебников, тем не менее она была в употреблении в виде ученического пособия.

Что же касается других, несравненно низших по своей культуре народностей – латышей и эстов, – то из бывших на рассмотрении попечительского совета Рижского учебного округа учебников и книг для чтения имеется немало изданий, способных будить у этих инородцев воспоминания об их минувшей жизни и поддерживать их национальное самосознание. Даже чисто евангельские рассказы, толкования и изложение христианских вероучений нередко выясняются у эстонцев рассказами из их прошлой жизни; таково, напр[имер], религиозно-историческое произведение Рейсона «Ангел Хранитель», в котором повествуется, как Бог хранил эстов в период подчинения их немцам. В учебнике географии Юргенса и Тасака национальная тенденция замечается в том, что описание Эстляндской губернии едва ли не превосходит по своему объему описание всей Европейской и Азиатской России. В учебниках по всеобщей истории России уделяется незаметное место. В самом обширном из таких учебников всего в 4 строках рассказывается о возникновении Руси, в силу прибытия к славянам нормандца Рюрика, обосновавшегося в Новгороде. Не более места уделяется Владимиру Святому, и Ярославу Мудрому, после чего

упоминается о покорении Руси монголами, о свержении монгольского ига при Иоанне III, о покорении Иоанном IV царства Казанского и Астраханского, а Ермаком – Сибири и, наконец, о прекращении дома Рюриковичей, который заменила династия Романовых. При этом о Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче не упоминается вовсе, и первым царем из династии Романовых является Петр Великий.

По мнению попечителя Рижского учебного округа, серьезная литература на эстонском и латышском языках так мало развита, что далеко не может удовлетворять объему требований даже начальной школы. Вообще же по заключению сего попечителя вопрос об учебниках для инородческой школы Рижского учебного округа является самым жгучим и очередным. Из имеющегося уже в распоряжении округа материала видно, что этот вопрос может быть разрешен только путем составления руководств и пособий опытными, в научном отношении вполне подготовленными и надежными педагогами, которые в округе имеются. Задача эта потребует значительных денежных затрат, размер коих наперед трудно определить, но зато местная инородческая школа в значительной степени будет избавлена от влияния враждебных русской государственности течений.

Обратившись, засим, к восточным народностям, совещание нашло, что дело обеспечения инородческих школ – татарских, особенно же калмыцких и бурятских – учебниками на местных языках находится в самом плачевном состоянии. В «Циркулярах» Казанского учебного округа сведения о допускаемых в инородческих школах учебниках начинают появляться лишь с 1907 г., так как только в конце 1906 г. Министерство народного просвещения, признав необходимым снабжать инородческие школы надлежащими учебниками, нашло возможным учредить в Казани при управлении учебного округа переводческую комиссию по примеру переводческой комиссии, издавна существовавшей при Братстве св[ятого] Гурия. Ввиду того, что на восточной окраине в инородческих школах издавна, еще с 70-х годов прошлого столетия, были допущены в качестве орудия первоначального обучения все местные инородческие языки и наречия, не исключая и мелких племен и народностей, переводческая комиссия при Казанском округе не могла, конечно, подготовить потребное количество учебников для школ на многих разнородных языках и наречиях. В

период времени с 1906 г. по 1911 г. эта комиссия была занята изданием учебников для следующих инородческих школ: чувашских, восточно-черемисских, луговых черемисских, общечеремисских, киргизских и пермяцких. Из перечисленных школ наименее обеспеченными учебниками русского издания являются татарско-мусульманские школы, пользующиеся для своей письменности арабским языком. Впрочем, недостаток этот в значительной степени восполняется самодеятельностью татар в развитии своей литературы и обеспечении учебниками своих школ. Необходимо при этом, однако, иметь в виду, что татары, прежде всего, заботятся о снабжении учебниками своих конфессиональных школ – мектебе [54] и медресе [55] новометодного направления, имея намерение придать им значение надлежаще поставленных общеобразовательных школ, заменяющих школы правительственные. Учебники, употребляемые в конфессиональных мусульманских школах, изданные нередко за границей, сообщают весьма мало сведений о России, описывая, главным образом, жизнь, быт и историю мусульман, касаясь вместе с тем и истории Турции. Такое положение дела обуславливается тем, что хотя употребление в мектебе и медресе иностранных учебников и было запрещено в 1892 году [56], однако, на практике это запрещение мало применялось ввиду слабого надзора за означенными школами.

Говоря об учебниках на восточных инородческих языках следует отметить, что из всех инородческих школ, входящих в круг ведения Казанского учебного округа, наиболее обездоленными в смысле снабжения их учебными пособиями являются школы калмыков, а равно и входящие в круг попечения Восточно-Сибирского учебного округа [57] школы бурят, другими словами, школы народностей, говорящих языками Дальнего Востока. Происходит это, несомненно, потому, что удаленные от культурных центров России языки Дальнего Востока и, в частности, монгольские наречия калмыков и бурят гораздо менее были изучаемы и известны у нас, чем языки всех других ближайших восточных народностей. Результатом сего является то, что Переводческая комиссия Братства св[ятителя] Гурия, действующая в Казани уже 60 лет и успевшая издать за этот период около 150 книжек (по каталогу за 1909 г.) для других народностей, издала на калмыцком языке всего 4 маленьких книжки, а на бурятском – только 3. Возникшая же в 1906 г. Переводческая комиссия при Казанском учеб-

ном округе, равным образом достаточно потрудившаяся для других восточных народностей, не издала до настоящего времени ни одной книжки ни для бурят, ни для калмыков. Между тем русские школы у тех и других существуют более столетия. Так как в этих школах нет учебников на родном языке учащихся, то и польза от них для общей инородческой массы незначительная. Русские учителя, не знающие местных языков, сосредоточивают внимание исключительно на изучении по-русски вполне удовлетворительно, хотя из прочитанного ровно ничего не понимают. Обучение же собственному языку инородцев вверяется инородческим учителям, которые, однако, не особенно превосходят своих учеников по интеллектуальному развитию и ведут дело обучения грамоте по своим исконным азиатским методам и учебникам. В бурятской азбуке считается 165 букв, а отделившиеся от монголов и бурятов своею письменностью калмыки насчитывают их в своей азбуке 238. При таких условиях обучение грамоте требует громадного труда, и обычно бурятские и калмыцкие дети никогда не выучиваются читать в течение года, причем письмо изучается отдельно от чтения. Изучив азбуку, ученики читают произведения ламайской литературы, главным образом легенды из жизни Будды. Далее следуют чтение и усвоение буддийской космологии по сочинению, в котором сообщается, что вселенная состоит из восьми отдельных островов, расположенных вокруг горы Сумеру, у ее подножия, тогда как вокруг средней части этой горы движутся солнце, луна и звезды; день и ночь происходят от того, что солнце заходит за гору; самое движение этих светил совершается не с одинаковой быстротой в зависимости от ветра; осенью ветер дует сильнее и быстрее гонит солнце, поэтому дни делаются короче и т. д.

Учебная литература на калмыцком и бурятском языках крайне бедна. У калмыков имеются: букварь, напечатанный в типографии Академии наук, изданный в 60-тых годах и переизданный в последний раз в 1902 г., 13 брошюр по естествоведению и истории: 1) о том, что называется миром, 2) о Петре Великом, 3) о Екатерине II, 4) что такое год, месяц и день, 5) о мерах и весах, 6) что такое животное и т. п.; крайне слабый русско-калмыцкий словарь издания 1865 года, калмыцкая хрестоматия для чтения в старших классах калмыцких народных школ (составленная А.М. Позднеевым и изданная Обществом востоковедения) и героическая калмыцкая поэма «Джангар». Буряты долгое время пользовались азбукою англичани-

на-миссионера Сталибраса (составленной в 1807 г.). С конца 1840-х годов в Иркутске начинается просветительская деятельность ученого архиепископа Нила, который перевел на монголо-бурятский язык Св[ятое] Евангелие и почти весь круг богослужений Православной церкви, обнародовав эти переводы в печатном издании и монголо-бурятским шрифтом. Впоследствии в видах облегчения пользования этими переводами не ученых и не знающих бурятского языка миссионеров св[ятейший] Синод определил переиздать переводы пресвященного Нила в транскрипции их славянскими буквами, причем дело это было выполнено так неумело, что издание утратило всякий смысл и не могло приносить пользы ни миссионерам, ни бурятам. Помимо миссионерских изданий никаких других учебных пособий для бурят не издавалось до 1907 года, когда Обществом востоковедения, были выпущены 4 книжки на бурятском языке: 1) начальные уроки по естествознанию, 2) краткое изложение веры Будды Шигэ-Муни, 3) рассказы о русском государстве и 4) начальное учебное о вселенной.

Наконец, заключая обзор учебной инородческой литературы, совещание остановилось на учебниках, написанных на языках главных кавказских народностей – армянской и грузинской. Из сведений, доставленных попечителем Кавказского учебного округа, а равно почерпнутых из «Циркуляров» этого округа, выяснилось, что на армянском и грузинском языках имеются учебные пособия не только для начальной школы, но также по грамматике, истории литературы и другим предметам, входящим в круг преподавания средних учебных заведений и учительских семинарий. Для освещения вопроса о том, насколько учебные пособия, употребляемые в армянских учебных заведениях, могут быть признаны отвечающими своему назначению, как с педагогической, так и с государственной точки зрения, послужили сведения, сообщенные совещанию представителем Министерства внутренних дел (А.В. Петровым), обследовавшим армянские школы на месте. По этим сведениям, на армянском языке существует богатая учебная литература. Высочайше утвержденными Правилами 19 июля 1874 г. рассмотрение учебников для армянских церковно-приходских школ не было возложено на обязанности учебной власти. Хотя в 1884 г. новыми Правилами указывалось, что русский язык, русская история и география преподаются по руководствам только из числа одобренных министерством или попечителем округа, но этот порядок на практике не всегда

применялся ввиду стремлений армянской церкви к автономному управлению и заведыванию армянскими приходскими школами. В армянских школах преподается, напр[имер], история Армении по картам заграничного издания с рассказами о турецкой конституции 1863 г. [58], об армянской резне в 90-х годах прошлого столетия. Ввиду приведенных сведений совещание признало необходимым подтвердить, что в отношении пользования учебниками армянские школы должны быть поставлены в одинаковые условия со всеми другими учебными заведениями империи. Что же касается характера и направления учебников на грузинском языке, то хотя в распоряжении совещания не имелось данных, характеризующих эти учебники с отрицательной стороны, тем не менее, совещание полагало, что с изменением существующего порядка рассмотрения инородческих учебников новому порядку должны подлежать и учебники на грузинском языке.

Обозрев существующую учебную литературу на указанных десяти языках, совещание подвергло обсуждению вопросы о том, должно ли правительство озаботиться изданием учебников на инородческих языках и какие именно народности наиболее в этом нуждаются, какие учебники желательны для инородческих начальных училищ и в связи с ними для учительских семинарий и, наконец, какой следовало бы установить порядок рассмотрения и одобрения инородческих учебников в видах надлежащего правительственного контроля таких учебников.

При обсуждении первого вопроса о том, надлежит ли правительству самому озаботиться изданием учебников на инородческих языках, совещание приняло во внимание выясненную выше существующую разницу между инородцами западными и восточными. У первых (поляков, литовцев, немцев, эстов и латышей) имеются и в настоящее время учебники на местных языках, а с введением всеобщего обучения, когда школьное дело разовьется, и издание учебников явится выгодным предприятием, несомненно, недостатка в них не будет. Брать правительству на себя издательскую роль в целях улучшения учебников в инородческих учебных заведениях представляется неудобным, так как такая мера уничтожила бы частную инициативу в этом деле, а с другой стороны, может быть, дала бы повод инородцам отнестись к этой мере подозрительно и несочувственно. Совершенно иначе обстоит дело у восточных инородцев, у которых замечается большой недостаток в

учебниках, особенно у татар, калмыков и бурят. По вопросу об издании учебников для приволжских инородцев бывшее в 1910 г. совещание при Министерстве внутренних дел по вопросу о мерах против панисламизма [59] высказалось уже в том смысле, что правительство должно обратить внимание на это дело, так как трудно ожидать, чтобы прогрессивные татарские элементы могли в этом отношении создавать то, что было бы полезно для школы и населения с точки зрения государственных интересов. Поэтому означенное совещание признало необходимым отпустить на издание учебников для инородческих школ особые суммы в распоряжение существующих в Казани переводческих комиссий. Присоединяясь к такому соображению, настоящее междуведомственное совещание приняло также в соображение и то, что с развитием школьного дела при введении в инородческих восточных местностях всеобщего обучения инородческие школы при отсутствии одобренных правительственной властью учебников будут пользоваться учебниками или иностранного происхождения, или изданными под влиянием последних. Создать противовес таким учебникам – дело громадной государственной важности.

Ввиду приведенных соображений совещание, выделив из десяти народностей, языки коих признаны допустимыми в школе татар, калмыков и бурят как нуждающихся в особенности в учебниках на их родном языке, признало необходимым принять особые меры по изданию для этих народностей учебников на их языках, не предпринимая, однако, вопроса о способах осуществления этих мер. В частности, вопрос о том, какие именно учебники могут потребоваться для начальных школ на языках названных народностей, совещанием был разрешен в связи с принятыми положениями о границах употребления инородческих языков в правительственной школе. Так как на инородческих языках в этой школе допускается преподавание лишь самих этих языков и вероучения, то инородческие учебники могут быть лишь по этим двум предметам. По преподаванию языка потребуются следующие учебники: 1) буквари или книги для обучения чтению и письму по звуковому методу; 2) книги для чтения, которые, начинаясь с легких и удобопонятных статей, сказок, басен и описаний, должны заключать в себе статьи по естественной истории, а равно по географии, этнографии и истории, преимущественно России; 3) инородческо-русские и русско-инородческие словари; 4) грамматика для второго класса двухклассных начальных училищ.

Относительно же учебников по Закону Божию в данном случае можно говорить лишь об учебниках для инородцев, исповедывающих православную веру, так как забота правительства об издании таких учебников для иноверных и инославных учащихся была бы вмешательством в области религиозных верований, ревниво охраняемых иноверными и инославными инородцами. Для преподавания православного Закона Божия потребуются следующие учебники: 1) священная история Ветхого и Нового Завета, 2) молитвенники и 3) краткое изложение учения православной веры и объяснение обрядов и богослужений православной церкви.

Выделив из десяти народностей, языки коих признаны допустимыми к употреблению в школе, татар, калмыков и бурят, как нуждающихся в содействии правительства по изданию школьных учебников на их языках, совещание относительно остальных семи народностей признало возможным ограничиться лишь установлением надлежащего правительственного контроля за учебниками, издаваемыми на языках этих народностей. При обсуждении же, в частности, вопроса о том, где целесообразнее сосредоточить такой контроль по рассмотрению и одобрению инородческих учебников – в центральном управлении Министерства народного просвещения или на местах, совещание приняло во внимание следующее. Если оставить рассмотрение учебников для инородческих школ на местах, то дело контроля едва ли подвинется вперед: местные цензоры могут смотреть на дело под известным и чисто местным углом зрения. С другой стороны, лучшие научные силы и необходимые пособия сосредоточены в С[анкт]-Петербурге. Ввиду сего совещание постановило, чтобы рассмотрение учебников для инородческих школ было сосредоточено в Центральном управлении Министерства народного просвещения.

III. О преподавании в учебных заведениях инославного Закона Божия и вероучений

С изданием в 1905 г. закона о веротерпимости, положившего совершенно новые основания всей религиозной политике государства, обнаружилось сильное религиозное брожение. Целый ряд вероучений и сект, существовавших тайно, получили право на открытое существование. В то время как существо и характер некоторых вероучений получили ясное и определенное выражение, целый ряд вероучений находится в период кристаллизации дог-

матов и обрядности, причем иногда обнаруживаются в вероисповедных проявлениях такие ненормальности и уродливости, как с религиозной, так и с государственной точки зрения, которые возбуждают большие сомнения в допустимости открытого культа таких вероучений. При таких условиях в области школьного вероучительного дела, естественно, выдвигается на первое место вопрос о том, всем ли вероисповеданиям и вероучениям может быть предоставлено право преподавания начал веры в учебных заведениях или только тем, к которым государство не имеет оснований относиться отрицательно.

В настоящее время по силе действующих законов бесспорным признанием государства пользуются те религиозные учения, которые издавна стали с государством в известные законом регулируемые соотношения, а также те, которые на основании определенных в законе правил легализованы государственной властью. К первой категории принадлежат церкви, исповедания и вероучения, государственно-правовое положение которых нормируется особыми уставами, вошедшими в состав действующего свода законов (т[ом] XI ч[асть] I), ко второй – те вероучения, которые в порядке Высочайшего указа 17 октября 1905 года [60] образовали религиозные общины.

Указанные формы государственной санкции вероучений – законодательное признание и легализация общин – по мнению совещания не всегда и не вполне удовлетворительно решают поставленный вопрос. Так, фактически существуют вероучения, которые в законодательном порядке не утверждены и не подходят под действие закона об общинах (напр[имер], адвентизм), но которые вместе с тем являясь с государственной точки зрения безвредными, пользуются полной свободой внешних проявлений. Затем и образование общин обставлено дополнительным условием – наличием 50 подписей единоверцев на подаваемом власти заявлении, затрудняя тем официальное признание вероучения по чисто формальным основаниям, не имеющим ничего общего с его содержанием. Таким образом, суждение о допустимости школьного обучения данной вере на основании одних лишь указанных формальных признаков могло бы повести к существенному ограничению области религиозного воспитания в ущерб интересам самого государства. С другой стороны, однако, признание государством известного вероучения или исповедания не делает еще его способ-

ным стать предметом школьного изучения. Для этого данное вероучение должно быть изложено в таких формах, стоять в таком соответствии с развитием учащихся и с предметами, проходимыми в школе, чтобы изучение его действительно соответствовало и умственному, и нравственному, и религиозному развитию учащихся. Поэтому представлялось бы более правильным, наряду с поименованными бесспорными, так сказать, формальными признаками признания государством данного вероучения, допустить в каждом отдельном случае обсуждение вопроса о том, может ли данное вероучение найти себе место в школе в качестве предмета преподавания. При этом, очевидно, должны быть вполне гарантированы интересы государства. Для достижения этого, прежде всего, должны быть точно обозначены те общие внутренние признаки, на основании коих устанавливалась бы безвредность с государственной точки зрения данного вероучения, а равно и порядок такого установления. Суммируя существующие в действующем как уголовном, так и гражданском законодательстве признаки противогосударственного характера вероучений, совещание пришло к заключению, что допустимыми с государственной точки зрения следует признать те вероучения, которые не проводят начал изуверства, не отрицают общепризнанных начал нравственности и не противны государственному порядку. Разрешение вопроса о соответствии данного вероучения приведенным признакам, по мнению совещания, должно оставаться на органах Министерства внутренних дел, официально призванных к государственной легализации вероучений, на коих возложена и обязанность регистрации общин на основании представляемых им сведений о содержании и характере данного вероучения. Решение же вопроса о допустимости преподавания в школе на основании представляемых программ и краткого изложения веры должно лежать на училищных советах, ведающих вообще учебной частью школ, и на других органах учебной власти в зависимости от типа школ.

Перейдя засим к вопросу о практической постановке в учебных заведениях преподавания правил веры тех вероучений, которые могут быть допущены в школу, совещание подвергло обсуждению вопросы: 1) об обеспечении означенного преподавания на счет казны, 2) об обязательности преподавания начал веры в государственной школе духовными лицами подлежащего исповедания или вероучения, 3) об образовательном цензе школьных вероучи-

телей, 4) о порядке назначения и утверждения их в должностях, 5) о языке преподавания начал веры, 6) о надзоре за преподаванием вероучения и 7) об учебниках и программах преподавания.

1. По первому из указанных вопросов совещание пришло к тому заключению, что государство не в состоянии обеспечить в школе со смешанным вероисповедным составом преподавание вероучения по правилам всех исповеданий, к которым принадлежат учащиеся. Поэтому в школах, содержимых при участии государственного казначейства, если по штатам их не положено особого вознаграждения инославным вероучителям, прежде всего должно быть обеспечено из сумм казны вознаграждение законоучителя православного исповедания при наличии учащихся сего исповедания, за отсутствием же последних вознаграждение в том же размере назначается законоучителю или вероучителю большинства неправославных учащихся. В учебных же заведениях, содержимых при участии государственного казначейства, а равно и в учебных заведениях, существующих на правах правительственных, по уставам коих обучение инославному Закону Божию и вероучению не введено как предмет преподавания, обучение это по мнению совещания вводится по мере изыскания средств; вознаграждение вероучителей в этих заведениях производится в размере, определяемом подлежащими учебными начальствами, из специальных средств заведений, насколько это возможно по состоянию их, а также из других местных средств.

2. При обсуждении вопроса о том, должно ли для иноверных духовных лиц быть обязательным преподавание в государственной школе правил своего вероучения, совещание приняло во внимание, что на практике в некоторых местностях инославное и иноверное духовенство (преимущественно римско-католическое и магометанское) систематически уклоняется от преподавания начал веры в государственной школе по соображениям отчасти национально-политического, отчасти же утилитарного характера (в виду крайней незначительности вознаграждения) и употребляет всю силу нравственного воздействия к обучению детей правилам веры вне школы. Признавая необходимым в государственных интересах бороться с таким явлением, совещание отметило, что православный священник по своей должности, как духовный пастырь, является законоучителем всех школ своего прихода, и лишь в случае невозможности для него лично нести эту обязанность таковая мо-

жет быть возложена на другое духовное или светское лицо. Такой порядок по мнению совещания надлежало бы распространить и на все инославное и иноверное, а также и старообрядческое духовенство, поскольку оно так таковое санкционировано государством и пользуется особыми, предоставленными ему правами и преимуществами. В практической постановке это положение не должно вызывать затруднений или недоразумений, так как по существующим законам район действий каждого санкционированного государством инославного или иноверного, а также старообрядческого духовного лица ограничен определенными территориальными границами, в пределах коих он и ответствен за религиозное обучение своей паствы. Признавая, что оставление школы без религии, без религиозно-нравственного воздействия на учащихся не соответствовало бы государственным интересам, совещание, в видах противодействия возможному уклонению духовных лиц от несения законоучительских обязанностей, признало необходимым поставить инославное и иноверное духовенство в такое положение, чтобы несение вероучительской обязанности в правительственных школах своего прихода являлось для него непременным условием осуществления во всей полноте его пастырского служения. Поэтому совещание остановилось на том, чтобы иноверному и инославному духовному лицу, а также старообрядческому наставнику, исполняющему приходские обязанности, разрешалось внешкольное преподавание правил веры только при условии, если данным лицом лично или заместителем приняты меры к обеспечению такого же преподавания во всех государственных училищах его прихода (округа, общины).

3. Устанавливая принцип обязательности преподавания на указанных основаниях начал веры в государственной школе, совещание признало необходимым озаботиться о наилучшей постановке этого преподавания и об обеспечении школ такими вероучителями, которые стояли бы на высоте своего призвания. Присваивая в этом отношении первенствующее место религиозным познаниям и нравственным качествам вероучителя, совещание, однако, не могло не учесть и общекультурного значения вероучения в школе, а также той воспитательной роли, которую играет в школе вероучитель. Поэтому совещание признало необходимым, чтобы вероучитель обладал известным образовательным цензом. В этом отношении совещание в соответствии с Высочайше утвержденны-

ми 13 апреля 1911 г. Правилами о преподавании Закона Божия детям старообрядцев и сектантов постановило, что вероучители в низших учебных заведениях должны иметь звание не ниже звания учителя начального училища, в средних же учебных заведениях лица, преподающие вероучение, должны обладать образовательным цензом по возможности не ниже среднего учебного заведения. Принимая, однако, во внимание крайне низкий культурный уровень в некоторых кругах населения, при коем указанное требование ценза фактически во многих случаях может повлечь за собою полную невозможность замещения законоучительских должностей, совещание полагало необходимым в виде временной меры допускать по местным условиям к преподаванию закона веры также и лиц, не имеющих означенного выше звания и ценза.

4. В видах наилучшей постановки вероучительского дела в школе совещание подвергло обсуждению также и вопросы о порядке замещения законоучительских должностей и о надзоре духовной власти за школьным религиозным обучением.

По ныне действующему закону школьные вероучители назначаются учебным начальством по предварительном сношении с соответствующей духовной властью и с согласия местного губернатора. Однако, помимо того, что порядок этот, установленный для определенных вероисповедных групп, имеющих признанное законом иерархическое устройство, практически не применим к не имеющим такового исповеданиям и вероучениям, он вместе с тем в отношении понимания объема предоставляемых им органами духовной и светской власти прав служит постоянным источником недоразумений между учебным начальством и духовною властью. Последняя, настаивая на неразрывной связи школьного вероучительства с областью пастырского попечения духовенства над паствою, отрицает за учебною властью право какого бы то ни было вмешательства в эту область и, присваивая себе бесконтрольное назначение законоучителей, тем самым вторгается в неподведомственную ему внутреннюю жизнь школы. Для устранения подобных недоразумений, по мнению совещания, необходимо в настоящем деле установить начала общие для всех исповеданий и вероучений. Расчленив вопрос на три главных момента: избрание соответственного лица для занятия законоучительской должности, удостоверение в надлежащей подготовке его и утверждение его в должности, совещание в отношении первого момента – избрания законоучителя –

остановилось на решении, что таковое должно принадлежать содержанию данного училища, как юридическому собственнику его, кто бы ни являлся в данном случае таковым, т. е. казна, земство, общественные или городские управления и т. д. Относительно третьего момента в совещании равным образом не возникало сомнений в том, что утверждение в должности, выражающее как бы государственную санкцию данного лица, должно принадлежать подлежащей учебной власти, как сосредоточивающей в своих руках все распределительное дело по учебной части и всю ответственность за соответственный подбор педагогического персонала. Особенно серьезное внимание совещание сосредоточило на второй части вопроса – на богословской санкции избранного и признанного светскою властью подходящего кандидата. Не отрицая в принципе безусловную компетентность в этом деле подлежащих духовных властей и неизбежность считаться с наличностью канонических полномочий у избранного в законоучители лица, совещание, однако, встретило значительные сомнения в отношении соблюдения на будущее время требуемого ныне по закону предварительного сношения по делам этого рода учебных властей с духовными. Прежде всего, совещание не могло не остановиться на практическом неудобстве сношений с центральными духовными властями. При громадных расстояниях и отдалении нередко на тысячи верст места пребывания подлежащей центральной духовной власти предварительное сношение с нею иногда надолго затягивает назначение законоучителя, оставляя детей в школе без религиозного обучения; при этом в большинстве случаев, по крайней мере когда на должность законоучителя приглашается духовное лицо, в предварительном сношении, по-видимому, не встречается и надобности, ибо духовная власть при самом назначении духовного лица к приходской должности, очевидно, может снабдить его и необходимыми законоучительскими полномочиями; что касается, в частности, светских законоучителей, то таковые вообще не состоят в какой-либо канонической подчиненности к духовной власти, и подготовленность их к данному делу определяется известною суммою положительных богословских знаний и индивидуальными нравственными качествами в большинстве случаев совершенно неизвестными центральной духовной власти.

Высказавшись по изложенным соображениям против необходимости сношений учебных властей при замещении законоучи-

тельских должностей с центральными духовными властями, совещание, вместе с тем, отметило желательность в некоторых случаях особой духовной аттестации избранного в законоучители лица. В особенности таковая аттестация может представиться нужною в деле замещения законоучительских должностей светскими лицами или же по таким вероучениям, у которых верослужительское звание не сопряжено с определенными богословскими цензовыми условиями и отмечается исключительно доверием и уважением к личным качествам и знаниям верослужителей. Однако, по мнению совещания достижение в данном случае учебной властью надлежащей осведомленности не обуславливается непременно непосредственными сношениями ее с духовными властями или соответственными духовными организациями. На основании действующего закона утверждению учебною властью законоучителя должно предшествовать сношение ее с губернской властью в целях удостоверения государственной благонадежности данного лица. Это правило, ограждая школу от вторжения в нее элементов вредных для тех общегосударственных целей, которые преследуются школою, должно быть сохранено в качестве обязательного условия в силе и на будущее время. Вместе с тем именно в соблюдении этого правила лежит и столь важная для учебной власти гарантия в религиозной подготовленности законоучителя. В ведении губернатора, как местного представителя Министерства внутренних дел, сосредоточены все инославные и иноверные духовные лица и учреждения губернии; таким образом, он обладает необходимыми средствами и полномочиями для выяснения в потребном случае путем официальных сношений с подлежащими лицами личности у кандидата на законоучительскую должность необходимых богословских знаний и нравственных качеств. Эти благоприятные условия, в которых находится губернская власть, следовало бы в данном случае использовать, не предрешая, однако, при этом тех способов, которыми губернская власть могла бы достигнуть необходимой осведомленности. Вместе с тем совещание полагало необходимым отметить желательность одобрения кандидата на законоучительскую должность со стороны его духовного начальства или, за отсутствием такового, того вероисповедного общества, к которому он принадлежит и интересам которого он призывается служить. Поэтому совещание постановило выразить, чтобы в сношении своем с учебною властью о личности избранно-

го в законоучители кандидата губернатор руководствовался бы соответственной богословскою подготовкою и нравственною аттестациею его, удостоверенными духовною властью или же единовверцами кандидата.

5. Обратившись засим к вопросу о надзоре за преподаванием правил веры в школе, совещание приняло во внимание, что по действующему закону таковой надзор составляет повсеместную обязанность евангелическо-протестантских духовных учреждений и лиц, а по отношению к некоторым учебным заведениям – право и римско-католической духовной власти. Таким образом, в законе в данном отношении не существует единообразия, а вместе с тем в нем не определены и способы осуществления надзора; вследствие этого на практике настоящий вопрос вызывает нередко недоразумения и пререкания между духовною властью и учебным начальством.

Предварительно установления по этому делу каких-либо мер совещание остановилось на принципиальной стороне вопроса – нужен ли вообще иной надзор за преподаванием правил веры в школе помимо обычного контроля со стороны местного учебного начальства. Полагая, что при установлении обязательности преподавания в школах вероучения необходимо обеспечить и возможно правильную постановку его не только со стороны формального выполнения программ, но и с точки зрения соответствия толкования начал веры духу данного вероучения, совещание решило поставленный вопрос в положительном смысле. При этом было высказано, что допускаемый ныне на практике в учебных заведениях ведомства императрицы Марии непосредственный надзор духовных властей за преподаванием Закона Божия, проявляющийся в посещении ими учебных заведений в экзаменационное время, не только не обнаружил ничего опасного или вредного для государственных интересов, но имел в некоторых случаях самое благотворное влияние в смысле устранения из школьного обихода проявлений религиозной нетерпимости.

В отношении объема означенного надзора совещание пришло к тому заключению, что надзор этот не должен иметь характера и значения вторжения во внутреннюю жизнь и распорядки школы. Духовное лицо, допущенное в школу для наблюдения за ходом вероучительства, может удостовериться как относительно содержания, так и приемов изложения начал веры, но должно быть лишено права принимать какие-либо непосредственные меры воздействия в

случае обнаруженных им неправильностей. Правомочия его должны сводиться исключительно к доведению до сведения учебных властей о необходимых, по его мнению, мероприятиях.

Что же касается самого порядка осуществления надзора за преподаванием правил веры в школе, то совещание признало возможным предоставить духовным властям подлежащих исповеданий и вероучений не только присутствовать на годичных испытаниях по этому предмету, но и посещать учебные заведения, с согласия учебного начальства, в течение учебного года. При этом было принято во внимание указание на то, что в Рижском учебном округе подобный порядок уже существует преимущественно в городах, где преподавателями Закона Божия являются часто светские лица. Инославные консистории составляют списки лиц, коим поручается наблюдение за преподаванием Закона Божия, каковые списки сообщаются учебным заведениям, причем надзор таких лиц не вызывал никаких нежелательных явлений. В интересах надлежащей постановки преподавания начал веры в школе совещание признало также возможным предоставить учебным начальствам право приглашать означенных духовных лиц для участия в заседаниях училищных, педагогических, попечительных и иных, тому подобных, советов по вопросам, касающимся преподавания правил веры³. Более подробные правила о порядке надзора за пре-

³ Рассматривающая предварительно вопросы, связанные с преподаванием вероучения, подкомиссия высказывалась в ином смысле по вопросу о порядке осуществления надзора за школьным вероучительством. Она признавала нежелательным посещение духовными лицами учебных заведений в течение обычных школьных занятий, полагая достаточным такое посещение лишь в экзаменационное время. По мнению подкомиссии, допущение во всякое время в школу лиц, не принадлежащих к педагогическому персоналу, будет вносить известный беспорядок в нормальный ход внутренней школьной жизни. Кроме того, частое присутствие в школе высших представителей духовной власти легко может иметь последствием чрезмерное религиозное возбуждение учащихся данного исповедания, идущее в ущерб общеобразовательным классным занятиям. Затем в таковом постоянном надзоре нет и практической надобности, ибо школьная власть вполне компетентна судить о педагогических приемах законоучителя и о действительном выполнении им программы. Если же у школьной власти в данном отношении возникнут какие-либо сомнения,

подаванием вероучения, по мнению совещания, подлежали бы установлению Министерства народного просвещения по соглашению с Министерством внутренних дел.

6. Наиболее острым и наиболее нуждающимся в самой строгой регламентировке вопросом в области школьного преподавания Закона Божия является, с точки зрения совещания, определение того языка, на котором в школах со смешанным племенным составом должно вестись обучение правилам веры для данной вероисповедной группы детей.

В действующем законодательстве по этому предмету имеются постановления только относительно преподавания Закона Божия инославных христианских исповеданий. Так, Высочайшим указом 17 апреля 1905 г. (ст[атья] 14) определено, что преподавание Закона Божия инославных христианских исповеданий должно происходить на природном языке учащихся. Засим, согласно изданным в развитие этого постановления Правилам (утвержденным Министерством народного просвещения 22-го февраля 1906 г. по соглашению с Министерством внутренних дел), означенный язык определяется на основании письменных заявлений родителей или опекунов учащихся. Целью приведенного закона, как видно из происходивших по поводу одного в Комитет министров и удостоившихся 17 апреля 1905 года Высочайшего утверждения суждений, является предоставление детям возможности изучать в школе правила веры на том же языке, на котором им преподаны в семье первоначальные религиозные понятия. Однако в практическом применении своем, ввиду отсутствия в самом законе определения понятия природного языка, вышеуказанная цель в большинстве случаев оказывается совсем недостигнутой. Фактически наибольшее реальное значение данный вопрос имеет в Северо-Западном крае, в местностях со смешанным католическим польско-русским, а отчасти и польско-литовским населением. Пользуясь крайне слабо развитым чувством племенного самосознания и невысокою вообще степенью культурного развития католиков – белорусов и малоруссов, а в некоторых местах и литовцев, римско-католическое духовенство всею силою своего нравственного воздействия внушает населению, что в деле школьного вероучительства природ-

она не лишена возможности пригласить подлежащее духовное начальство проверить правильность постановки вероучительного дела.

ным языком следует считать не тот язык, на котором говорят в обычном домашнем обиходе, но тот, на котором в костеле происходит дополнительное богослужение, т. е. язык польский. Население, со своей стороны, не обладая достаточной силою сопротивления и находясь под угрозой отлучения от церковного общения в случае невыполнения требований духовенства, подчиняется им и заставляет своих детей учить Закон Божий на заведомо чужом им языке. Таким образом, на деле провозглашенное 17-го апреля 1905 года высокогуманное начало, вопреки прямому смыслу его, служит средством для проведения, под прикрытием преподавания Закона Божия, известных националистических тенденций, далеко не всегда соответствующих государственным интересам.

В таком же виде представляется положение данного вопроса и в других частях государства со смешанным в племенном отношении населением. Так, на Кавказе замечается усиленное стремление грузинского духовенства к национальному поглощению мелких народностей; протестантское духовенство также проявляет склонность к германизации путем школьного преподавания Закона Божия. Наконец, в мусульманском мире вероучительство является одним из наиболее могущественных орудий для отатаривания всех исповедующих ислам племен и народностей.

Ввиду изложенных обстоятельств представляется необходимым войти в рассмотрение вопроса о языке в принципиальной его постановке, независимо от исповеданий и вероучений, по правилам коих производится таковое преподавание.

Руководствуясь прямым смыслом Высочайшего указа 17-го апреля 1905 г., совещание признало, что под природным языком следует разуметь не язык, вошедший в употребление местных церковных учреждений, но именно тот язык, которым характеризуется принадлежность местного населения к особой племенной группе. Наиболее существенным в данном вопросе является соответствующее как духу закона, так и общегосударственным интересам определение того языка, который должен почитаться природным для данного состава учащихся и на котором должно происходить преподавание Закона Божия. Идеальным разрешением этого вопроса является проведенное в Правилах 1906 г. [61] свободное определение языка самим населением; однако обнаружившаяся на практике совершенная несостоятельность этого начала заставляет, безусловно, отказаться от него.

Обратившись к изысканию других, более удовлетворительных способов для установления понятия природного языка в области школьного вероучительства, совещание, прежде всего, встретило принципиальное сомнение в том, может ли подлежащий применению в этой области язык определяться на основании одного лишь постоянного внешнего признака, каковым является употребление данного языка в домашнем обиходе населения. В этом отношении, по мнению совещания, следует отличать преподавание начал веры от общего наставления правилам религии и нравственности. В то время как последнее, не нуждаясь в каких-либо определенных формах выражения, доступно на самых низших ступенях культурного развития, первое, сопровождаясь сообщением учащемуся известной, определенной программой суммы положительных знаний, необходимо требует внешней обработки самого изложения вероучения в общепринятых для сего литературных формах. Поэтому необходимым условием для школьного преподавания вероучения на том или другом языке является минимальная степень общей культурности данного племени и наличности у него сколько-нибудь обработанного языка и письменности. При этом, ввиду громадного числа проживающих в России племен и народностей и обилия употребляемых ими языков и наречий, при отсутствии более или менее исчерпывающей классификации племен и народностей в отношении общей культурности или развития у них литературы и письменности, определение соответствия природного языка данной народности вышеуказанным условиям должно иметь место в каждом отдельном случае и основываться на серьезном и всестороннем изучении дела. В тех случаях, когда язык или наречие, на котором говорит данная народность, не удовлетворяет минимальным требованиям для допущения его в школу в качестве языка для преподавания Закона Божия, возникает вопрос на каком именно языке учащиеся этой народности будут изучать правила своей веры. Этот вопрос также не может быть разрешен какими-либо теоретическими априорными определениями и в каждом отдельном случае должны быть приняты в соображение как условия местной жизни, так и наименьшее по духу нарушение провозглашенного в 1905 г. начала. Во всяком случае, если требования школьной техники вызывают отступления от этого начала, то таковое должно иметь в своем основании соображения общегосударственного интереса. Поэтому, в тех случаях, когда природный язык учащихся не может быть принят в школе для

преподавания на нем Закона Божия, целесообразно было бы вести такое на языке государственном, причем изъятия из этого правила могут быть допущены только в тех случаях, когда по местным условиям преподавание на государственном языке не может быть осуществлено.

В связи с этим совещание остановилось на вопросе относительно языка преподавания Закона Божия православным инородцам. По заявлению представителя духовного ведомства, в церковно-приходских инородческих школах на практике обучение православному Закону Божию в младших классах ведется на родном языке учащихся, а с 3-го года обучения – на языке государственном. Такой порядок наблюдается на Кавказе (среди грузин) и в других инородческих местностях и объясняется желанием подготовить православных инородцев к пониманию богослужения на церковно-славянском языке, которое они будут слушать, живя среди русских вообще и при отбывании воинской повинности в частности. Признавая такой порядок соответствующим интересам православного инородческого населения, совещание, имея в виду инородцев, язык которых будет удовлетворять указанным выше условиям преподавания на нем Закона Божия, нашло желательным внести в правила о преподавании Закона Божия оговорку в том смысле, что детям православных инородцев Закон Божий преподается с 3-го года обучения в школе на государственном языке.

Возвращаясь засим к вопросу о том, в каком именно порядке в каждом отдельном случае должен разрешаться вопрос о языке преподавания Закона Божия, совещание затруднилось следовать установленному Правилами 1906 г. порядку и предоставить в данном случае решающий голос самому населению. Озабочиваясь, тем не менее, ограждением по мере возможности свободы волеизъявления заинтересованных народностей, совещание полагало безусловно необходимым сосредоточить разрешение этого рода дел на местах, предоставить его взаимодействию местных общественных и правительственных сил, как близко стоящих к населению и ознакомленных как с его культурными условиями, так и с действительными потребностями. Наиболее компетентным в данном случае местным органом являются училищные советы, в коих предоставлено значительное участие как местным общественным элементам, так и представителям подлежащих исповеданий. При этом совещание признало необходимым сосредоточить все дела

рассматриваемого порядка в училищных советах по школам всех ведомств с тем, чтобы специальные интересы ведомств были гарантированы привлечением в подлежащих случаях в состав училищных советов начальников подлежащих учебных заведений. В местностях же, в коих не существует училищных советов, функции последних возлагаются на директоров народных училищ. Из этого общего правила подлежали бы выделению лишь учебные заведения Православного духовного ведомства ввиду существования особых епархиальных училищных советов и их отделений.

Что касается учебных заведений Министерства народного просвещения, не подведомственных училищным советам, а равно средних учебных заведений других ведомств, то совещание признало правильным предоставить суждение по рассматриваемым делам самим учебным заведениям в лице состоящих при них педагогических, а в известных случаях и попечительных советов. При этом совещание не могло не отметить, что практическое значение рассматриваемый вопрос имеет, главным образом, именно для начальных школ, почему неизбежное по отношению к отдельным средним учебным заведениям некоторое нарушение общего принципа представляется почти совершенно академическим.

Поручая разрешение вопросов о языке преподавания Закона Божия уездным училищным советам, директорам народных училищ (где нет сих советов) и педагогическим, и попечительным советам, совещание во избежание случайных и недостаточно обоснованных или объективных постановлений этих учреждений и лиц, признало желательным установить и определенный порядок обжалования в высшие инстанции постановлений по настоящему предмету, именно: постановления уездных училищных советов могут быть обжалованы в губернский училищный совет, а постановления директоров народных училищ, педагогических и попечительных советов – попечителю учебного округа, который делает по сим делам распоряжения по обсуждении их в состоящем при нем совете.

Устанавливая указанный выше порядок решения дел по вопросу о языке преподавания Закона Божия, имеющему в некоторых местностях острый характер, совещание признало желательным сделать в соответственных правилах указание на то, что при решении означенных вопросов упомянутые учреждения и лица принимают к рассмотрению как письменно, так и словесно заяв-

ленные пожелания родителей и опекунов учащихся, в видах более беспристрастного решения дел, отвечающего как пользам государства, так и обеспеченным законом интересам населения.

7. Наконец, совещание подвергло обсуждению вопрос о порядке санкционирования тех учебников и руководств, по которым в школах может производиться преподавание вероучения.

В Правилах 22 февраля 1906 г. порядок этот определяется следующим образом. «Преподавание производится по программам, одобренным подлежащей духовной властью соответственного исповедания и допущенным к употреблению Министерством народного просвещения». Порядок этот, издавна применяемый на практике, очевидно, имеет в виду лишь те исповедания и вероучения, которые имеют законом признанное иерархическое устройство. Между тем в настоящее время государственным признанием пользуется целый ряд вероучений, не имеющих иерархического устройства, но полноправных в области школьного вероучительства. Не подлежит, конечно, сомнению, что вероучительные руководства и по этим вероучениям должны быть одобрены с общегосударственной точки зрения соответствующей учебною властью (Ученым комитетом Министерства народного просвещения). Однако же при крайней неустойчивости в догматическом отношении многих из ныне существующих вероучений учебная власть может оказаться в существенном затруднении, разрешая руководство, в действительности, может быть, вовсе не отвечающее религиозным воззрениям вероучения, для которого оно предназначается. Поэтому, по мнению совещания, было бы желательно, чтобы представляемые на одобрение Ученого комитета Министерства народного просвещения вероучительные руководства, не одобренные духовною властью за отсутствием таковой, имели бы некоторую духовно-богословскую санкцию. Не предвзято в настоящее переходное в области вероисповедного строительства в государстве время тех способов и приемов, посредством коих могла бы быть достигаема впоследствии такая санкция учебников вероучения, совещание признало соответственным установить, что при рассмотрении учебников веры для вероисповеданий и вероучений, не имеющих признанных государством духовных властей, Министерство народного просвещения по мере надобности сносится с Министерством внутренних дел.

Ввиду изложенного совещание полагало, что утвержденные министром народного просвещения 22-го февраля 1906 г. Временные правила для преподавания Закона Божия инославных христианских исповеданий в учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения подлежат согласованию с приведенными выше заключениями и по изменении должны быть распространены на преподавание вероучения старообрядческого, инославных христианских вероучений, а также нехристианских исповеданий и вероучений в учебных заведениях всех типов и ведомств, если в специальных уставах их не имеется особых по сему предмету постановлений.

IV. Конфессиональные учебные заведения, открываемые для учащихся одного исповедания (инославного) или вероучения

Учебные заведения, предназначенные для учащихся одного исповедания, в отличие от общих учебных заведений, в совещании принято было именовать конфессиональными. Существующие в настоящее время такие заведения по характеру преподаваемых предметов и по цели обучения могут быть подразделены на три группы:

А) конфессиональные общеобразовательные, с преподаванием как вероучительных, так и светских предметов,

Б) вероучительные, с преподаванием предметов, относящихся лишь к вероучению, и вероучительские, подготовляющие законоучителей и вероучителей.

При обсуждении в совещании общего вопроса об открытии начальных школ на средства государственного казначейства или с пособием от казны в местностях с инородческим населением совещание рассматривало этот вопрос и в отношении к конфессиональным учебным заведениям, причем существующая в этом отношении практика была признана правильной и содержание или субсидирование казною конфессиональных учебных заведений было признано недопустимым. Из этого общего правила, однако, совещание полагало необходимым сделать некоторые изъятия в отношении начальных общеобразовательных школ. По вопросу о таких изъятиях было высказано два предположения. По одному предположению исключение может быть допускаемо только в тех случаях, когда того требует принцип защиты или поддержания

русской национальности из соображений государственных, например, для старообрядцев, обитающих среди инородцев (в Прибалтийском крае и Северо-Западных губерниях). Ввиду преданности старообрядцев Престолу и русским национальным началам, их следовало бы поддержать в борьбе за русскую самобытность с чуждыми им инородцами. По другому предположению представлялось желательным предоставить правительству свободу делать в некоторых случаях отступления от общего правила не только для старообрядцев, но и для последователей других христианских исповеданий, причем для примера указывалось на те случаи, когда поляки-католики и немцы-лютеране, обитающие в Сибири среди нехристианских стремлений, пожелали бы иметь для своих детей отдельные школы.

По поводу второго предположения было объяснено, что общеобразовательная государственная школа должна быть единой и что поддержание инославных инородцев открытием для них отдельных школ не в интересах русского правительства, которое должно заботиться об ассимилировании всех инородцев.

Вследствие этого совещание признало возможным делать изъятия из общего правила только в случаях необходимости поддержать или защитить русскую народность от натиска инородцев.

Необходимо при этом отметить, что постановление о недопустимости субсидирования конфессиональных школ не относится к тем случаям, когда в местностях со сплошным инородческим и инославным населением школы будут иметь однородный вероисповедный состав учащихся.

По другим вопросам, касающимся конфессиональных учебных заведений означенных трех типов, в совещании были следующие суждения и постановления.

А. Частные конфессиональные учебные заведения с преподаванием общеобразовательных и специальных предметов

При обсуждении принципиального вопроса о допустимости существования начальных общеобразовательных конфессиональных школ совещанием было принято во внимание следующее. В настоящее время существуют, между прочим, сектантские школы, лютеранские и католические училища при церквях. Представляется необходимым выяснить вопрос о таких школах, так как если в некоторых случаях конфессиональные школы могут быть жела-

тельны, то в других случаях они не могут быть даже допустимы. Конфессиональные школы нередко служат целям пропаганды, так как, допуская прием детей иных исповеданий, воспитывают их в духе вероисповедания данной школы. Сектантские школы устраиваются там, где сектантов совсем мало и где не имеются правительственные школы для православного населения. Представителем Министерства внутренних дел были при этом указаны такие примеры. В этом министерстве имеются ходатайства об открытии баптистских школ – в Архангельске, где всего только три баптиста, и в Шлиссельбурге, где нет ни одного баптиста. Далее, в с[еле] Барвенковой, при станции Юго-Западных железных дорог того же названия, несмотря на большое количество жителей (около 8 тыс.), не имеется правительственной школы, и только в 6–7 верстах находится церковно-приходская школа, притом едва поддерживающая свое существование. Между тем, в с[еле] Барвенковой имеется прекрасно обставленная менонитская школа, в которой дети не только не платят за учение (как в соседней церковно-приходской), но, наоборот, имеют даже бесплатные завтраки. Такая школа, конечно, не может не завлекать к себе православных. Подобные случаи известны и в других местах; напр[имер], в Богодуховском уезде Харьковской губернии имеются менонитские школы, в коих обучаются дети православных. В южных губерниях дети православных, пришедших в эти места на заработки, пользуются школами, устраиваемыми для них сектантами. Такие школы едва ли могут быть признаны допустимыми даже при том условии, если в них детей православных Законом Божию будет обучать православный законоучитель, так как последний не в состоянии парализовать преднамеренного сильного влияния школы в сектантском духе. Таковую же опасность для православия представляют католические школы в западных губерниях с белорусским и малорусским населением, опасность тем более серьезную, что в этих местах католицизм сливается с полонизмом. Ввиду отсутствия в законе запрещения открывать католические школы в западных губерниях, от римско-католического духовенства поступают ходатайства о предоставлении ему открывать римско-католические духовные школы, а также о разрешении ксендзам и частным лицам обучать детей католиков католическому Закону Божию и польской грамоте вне школы. В Холмской Руси [62] римско-католическое духовенство ведет также сильную пропаганду и пользуется для этой цели

начальными школами. Совещание остановило свое внимание на том, что, как свидетельствуют приведенные примеры, конфессиональная школа опасна лишь потому, что рядом с нею нет школы правительственной, которая могла бы парализовать вредное влияние этих школ, и что с введением всеобщего обучения опасность частных конфессиональных школ значительно сократится, в настоящее же время, когда еще далеко до всеобщего обучения, опасность от таких школ, несомненно, существует.

По изложенным соображениям совещание признало существование конфессиональных начальных школ допустимым в том лишь случае, если православное население данной местности обеспечено отдельной правительственной школой. По отношению же, в частности, к католической школе было признано, что она, безусловно, недопустима, особенно в пределах Холмской Руси. Католическая школа представляет особую опасность потому, что католическая пропаганда идет совместно с ополячением, порождается и питается эта пропаганда не столько религиозными побуждениями, сколько политическими, и направляется главным образом в те места, где представляется возможность воздействия в смысле полонизма, напр[имер] в Холмской Руси и в западном крае.

По вопросу же о допустимости или недопустимости католической школы в девяти западных губерниях были высказаны разные предположения. Между прочим, указывалось на необходимость распространения ограничения, принятого совещанием для Холмской Руси, на все западные губернии, и, с другой стороны, признавалось возможным ограничиться запрещением католических школ в тех западных губерниях, кои населены белорусами и малоруссами, т. е. в Минской, Могилевской и Витебской. В губерниях же Киевской, Подольской и Волынской влияние католицизма очень слабое, а в Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях население почти сплошь католическое, почему запрещение католической школы не вызывается необходимостью.

По настоящему поводу в совещании был возбужден принципиальный вопрос о том, не следовало ли бы при рассмотрении вопроса о допустимости конфессиональной общеобразовательной начальной школы держаться племенной точки зрения, т.е. допускать конфессиональные школы при условии единоплеменного состава единоверцев. Такой принцип соответствовал бы и государственным интересам. Мусульманство, напр[имер], охватывает многие народности

и племена. Если предоставить открывать конфессиональные мусульманские школы только с учащимися одной народности, то этим можно будет предотвратить поглощение народностей слабых более сильными, как, напр[имер], киргиз, башкир, чуваш и т.п. татарами. С другой стороны, с принятием только одного вероисповедного соотношения население при разрешении или запрещении конфессиональной школы представляется затруднительным разобраться в мотивах запрещения конфессиональных школ в данной местности для всех народностей. Из сравнения статистических данных 1897 г. и позднейших усматривается, что вероисповедное соотношение населения в западных губерниях подверглось уже некоторым изменениям, такое изменение возможно и в будущем. Следовательно, вероисповедный принцип в данном случае представляется неустойчивым. Поэтому надлежало бы принцип религиозный соединить с принципом национальным. К этому следует присовокупить, что на национальной точке зрения стоит и существующий закон, устанавливающий преподавание Закона Божия инославных исповеданий на родном языке учащихся.

По приведенному предположению в совещании было объяснено, что разделение школ по национальностям и вероисповеданиям способствовало бы искусственной сплоченности инославных и иноплеменных элементов в России и искусственной их обособленности от коренного русского населения. В принципе школа должна быть единой общегосударственной, всякая сепарация – явление противогосударственное, вредное.

Поэтому совещание остановилось на том положении, что если вообще конфессиональная школа должна быть признана явлением нежелательным и только терпимым ввиду недостатка школ правительственных, то разделение конфессиональных школ по национальностям представляется еще более нежелательным явлением, которое могло бы искусственно поддерживать племенную сепарацию. Кроме того, в некоторых местностях со смешанным населением такое разделение школ по племенам представляется неосуществимым на практике. В северо-западном крае и в Прибалтийских губерниях учащиеся могут принадлежать к трем-четырем народностям, и устройство для них отдельных школ было бы невозможным по недостатку детей каждой отдельной племенной группы для особой школы.

Обратившись к вопросу о католической конфессиональной школе в западных губерниях, совещание приняло во внимание следующие, сообщенные председателем Министерства внутренних дел статистические данные относительно вероисповедного и племенного состава населения западных губерний, собранные в последнее время Министерством внутренних дел и проверенные при выработке законопроекта о распространении земского положения на 6 западных губерний.

В Виленской губернии поляков вообще мало, кроме гор[ода] Вильны, Виленского и Трокского уездов. Так, в Виленском уезде русских 180 тысяч, из них 108 т[ысяч] православных-белорусов и 70 т[ысяч] католиков-белорусов, а поляков всего 6 тысяч. В Дисненском уезде почти такие же числа. В Лидском уезде – 180 тысяч русских (128 т[ысяч] белорусов-католиков и 52 т[ысяч] малорусов) при 13 тысячах поляков. В Ошмянском – 200 т[ысяч] русских при 5 т[ысяч] поляков, почти такие же числа и в Свеняцком уезде. Ввиду сего на поименованные 5 уездов можно было бы распространить запрещение открытия католических конфессиональных школ. Сомнение может возникать только относительно гор[ода] Вильны, Виленского и Трокского уездов, где имеется значительное число поляков-католиков. В Трокском уезде – 52 тысячи поляков-католиков, между тем белорусов-католиков 22 т[ысяч], в Виленском – 112 тысяч поляков-католиков и 56 т[ысяч] белорусов-католиков; в Вильне имеется 77 т[ысяч] поляков-католиков и 40 т[ысяч] католиков других национальностей. В этих местностях католические школы безопасно можно было бы допустить для польского населения, но и здесь, конечно, нет гарантии, что через них не будут делаться попытки ополячить меньшинство населения – белорусов.

В Витебской губернии православных белорусов имеется 52 %, в Могилевской – 82 %, между тем католиков-белорусов в первой 5 %, во второй – 1 %, а в Минской губернии – 4 %. В этих губерниях не представлялось бы оснований допускать католические школы, так как они были бы опасны для белорусского населения.

Волынская губерния имеет 227 т[ысяч] католиков-поляков на 2 ½ миллиона в ней коренного русского населения. Допущение в этой губернии католических школ нежелательно ввиду того, что в противном случае предполагаемая Холмская губерния, стиснутая между Люблинской и Волынской губерниями, может пострадать

от соседства с последними, тем более, что, по имеющимся в Министерстве внутренних дел сведениям, из трех юго-западных губерний – в Волынской особенно сильно проявилась агитационная деятельность поляков, когда возник вопрос о выделении Холмской Руси в особую губернию.

В Гродненской губернии на 1 ½ миллиона русского населения имеется 70 т. поляков. Конфессиональная католическая школа здесь также недопустима.

В Киевской губернии на 4 милл[иона] русского населения поляков-католиков приходится только 120 тысяч. Особой опасности в этой губернии от католичества не замечается. При подавляющем преобладании русского населения в этой губернии замечено быстрое расползание.

С точки зрения русской национальности можно было бы допустить конфессиональную школу в Ковенской губернии. Здесь чисто литовское население: 1160000 литовцев-католиков, других народностей мало: великорусов около 80 т[ысяч] и белорусов около 70 т[ысяч], поляков же всего 57 т[ысяч]. Сильного польского воздействия здесь не может быть, хотя ополячение белорусов-католиков и здесь замечается. Что же касается литовцев, то они не представляют такой опасности для белорусов в религиозном и национальном отношении, как поляки. Конфессиональная школа среди литовцев будет литовская, а не польская, ввиду той борьбы, какую ведут литовцы с поляками за свою национальность.

В Подольской губернии, где на 3 милл[иона] жителей всего 60 т[ысяч] польско-католического населения, конфессиональные школы были бы неопасны ввиду подавляющего числа православного русского населения.

По поводу изложенных данных в совещании было замечено, что в настоящее время действующие в западном крае ограничения касаются всех девяти губерний, а события последних лет не дают оснований делать какие-либо отступления от существующего порядка. Приводимые соотношения польско-католического и православного русского населения в отдельных местностях не могут служить сами по себе основанием к отмене существующих на этот счет ограничений; напротив, отступление от принятых правил может быть понято как уступка католицизму. В частности, совещание пришло к заключению, что не следует разрешать конфессиональные школы для католиков и в Вильне, несмотря на преобладание здесь

католиков, которые и без того своими торжественными процессиями слишком заметно заявляют о себе к соблазну последователей других исповеданий. Что же касается Киевской и Подольской губерний, то хотя здесь и преобладают русская нация и православие, тем не менее, не следовало бы забывать то обстоятельство, что Подольская губерния находится на границе с Галицией, из которой возможен натиск, враждебный русскому и православному началу, а с другой стороны, нужно иметь в виду и то, что хотя поляков в этих губерниях мало, но они сосредоточены в городах, где играют немаловажную роль и откуда могут простирать свое влияние и на деревню. Поэтому, если и можно делать исключение в рассматриваемом вопросе, то лишь по отношению к Ковенской губернии, населенной сплошь литовским населением, которое настолько деятельно охраняет свою национальность от полонизма, что польская школа не представляет для него опасности. Что же касается белорусов-католиков, то их сравнительно так мало, что особые заботы о сохранении их национальности со стороны учебного начальства путем устройства для них достаточного числа правительственных школ не представляли бы большого труда.

Ввиду изложенного совещание постановило не допускать католические конфессиональные общеобразовательные школы в 8 западных губерниях: в Минской, Могилевской, Витебской, Волынской, Гродненской, в Виленской, в Подольской и Киевской.

В Ковенской губернии признано было возможным допускать конфессиональные школы⁴.

Обратившись засим к вопросу о допустимости или недопустимости конфессиональных низших профессиональных школ всех наименований и всех специальностей, совещание приняло во внимание как положительные, так и отрицательные соображения по этому вопросу. С одной стороны, запрещение конфессиональных школ профессионального типа может неблагоприятно отразиться на развитии в населении профессиональных знаний, столь необходимых для промышленного развития страны, с другой стороны – разрешение таких школ может служить, главным образом, целям религиозной пропаганды, вредной для православия. Сектанты, напр[имер], проявляют особенную заботливость об открытии сво-

⁴ При голосовании 6 членов высказались за допущение, пять против, при 3 воздержавшихся.

их профессиональных школ. Если им предоставить возможность иметь эти школы, то в местностях, где не будет таких же школ для православных, последние будут отдавать своих детей в школы сектантские.

Из возникших прений выяснилось, что запрещать конфессиональные школы профессионального типа из опасения, что в данном случае может пострадать православие, едва ли справедливо. Таких профессиональных школ будет немного, и, следовательно, можно будет выработать известные меры надзора за ними в целях ограждения от вредного их влияния на детей православных. Правительство могло бы войти в данном случае в какое-нибудь соглашение с содержателями школ или иметь особого агента для наблюдения за такими школами. Во всяком случае, в настоящее время и правительство, и общество проявляют усиленную энергию в осуществлении всеобщего обучения в империи, и когда это дело разовьется, профессиональное образование в стране станет в ближайшую очередь. В отдельных случаях и теперь правительство открывает профессиональные школы наряду с такими же частными конфессиональными школами. В Люблинской, напр[имер], губернии, когда возник вопрос о приеме православных в католическую школу для кружевниц, открытую Обществом содействия кустарной промышленности, местная администрация, отказав в таком приеме, возбудила вместе с тем ходатайство об открытии подобной же школы для православных с пособием от казны, какое ходатайство и было удовлетворено. Нельзя не иметь в виду, что настоящий вопрос затрагивает интересы просвещения и интересы экономические, стоящие в связи с открытием профессиональных школ, необходимых для нашей промышленности и для материального благосостояния государства. Если бы шла речь о покровительстве государства устройству профессиональных конфессиональных школ, открываемых с участием казны, то не могло бы возникнуть сомнения о нежелательности такого покровительства. Но едва ли целесообразно запрещать существование такой школы без прав, содержимой при том на частные средства, и тем задерживать промышленное развитие страны. При устройстве такой школы могут быть выяснены на месте все обстоятельства, и если для православных она не будет представлять опасности, то не представляется никаких мотивов к недопущению таковой конфессиональной школы. Если же действительно представляется какая-

либо опасность для православных, то эта опасность должна быть устранена соответствующими мерами, но не запрещением школы, причем наилучшей мерой было бы открытие наряду с конфессиональной частной школой школы правительственной. Необходимо принять во внимание, что всякие запретительные меры в области просвещения вызывают недовольство в населении и могут лишь поддерживать противогосударственные течения. В данном случае вопрос является тем более острым, что он затрагивает материальные интересы населения, и что в отношении профессионального образования у нас замечается большой пробел. С другой стороны, запрещение конфессиональных школ профессионального типа, являясь отказом в удовлетворении назревшей потребности населения в этой отрасли знаний, в то же время не может служить гарантией в целях ограждения православных от инославного влияния школьным путем. Запрещение может повести к злоупотреблениям и к обходу закона: будут открываться такие же частные школы под видом неконфессиональных, в которых будет преследоваться также цель религиозной пропаганды, причем результаты могут быть еще более вредными, так как надзор за такими школами будет затруднительнее.

Представитель Министерства путей сообщения, со своей стороны, заметил, что если конфессиональные школы профессионального типа вообще признаны будут допустимыми, то открытие конфессиональных железнодорожных технических училищ было бы нежелательно, так как из железнодорожных училищ комплектуются служащие на железных дорогах, и для государства чрезвычайно важно, чтобы названные училища выпускали вполне благонадежных лиц. Если же допустить открытие и таких железнодорожных училищ, то необходимо обратить самое серьезное внимание на то, чтобы в них был установлен строгий надзор за воспитанием учащихся.

По дальнейшем обсуждении вопроса о допустимости или недопустимости существования частной низшей конфессиональной профессиональной школы всех наименований и всех специальностей совещание признало возможным разрешать открытие таких школ, за исключением железнодорожных технических училищ с тем, чтобы в случае обнаружения вредного влияния такой школы на православное население данной местности, в противовес ей и в целях ограждения православных от пропаганды, открывалась в

данном обслуживаемом школою районе профессиональная школа правительственная и чтобы за означенными конфессиональными профессиональными учебными заведениями был установлен тщательный надзор со стороны органов правительства на местах.

В частности, по отношению к католическим профессиональным школам совещание постановило такое же ограничение, как и для католической общеобразовательной школы, т.е. не допускать конфессиональные профессиональные школы для католиков в пределах Холмской Руси и в западных губерниях (кроме Ковенской).

Перейдя засим к вопросу о конфессиональных частных общеобразовательных школах повышенного типа и городских училищах, совещание приняло во внимание следующее. Старообрядцы и мусульмане неохотно идут в общие школы, а в некоторых случаях и совсем не идут, между тем для них эти школы необходимы. Особенно это можно сказать относительно старообрядцев. Напр[имер], в Западном крае старообрядцы крепко держатся русских начал, несмотря на то, что живут среди инородцев. Но среди последних они являются элементом самым отсталым и экономически зависимым от инородцев. Так как старообрядцы избегают учиться не только вместе с евреями или иноверцами, но даже и с православными, то разрешение им открывать особые училища повышенного типа представлялось бы целесообразным. Такие училища были бы желательны не только для поднятия образования старообрядцев, но и потому, что прохождение городского четырехклассного училища облегчало бы приобретение старообрядцами учительского звания, требуемого законом как от учителей старообрядческих школ, так и от старообрядческих вероучителей в правительственных школах. Такие же соображения применимы и к мусульманам, которые также чуждаются общих учебных заведений. Разрешение мусульманам открывать отдельные училища может расположить их к этим училищам, а прохождение последних, несомненно, может ослабить фанатизм мусульман и прочнее приблизить их к русской народности и культуре на почве более основательного изучения русского языка.

С другой стороны, запрещение конфессиональных школ повышенного типа может привести в некоторых случаях к нежелательным результатам: если запрещать устройство означенных учебных заведений для сектантов, то они в обход закона станут открывать учебные заведения общие, куда будут принимать на

законном основании православных, и таким образом запрещение не достигнет цели. Кроме того, следовало бы допустить особые начальные школы повышенного типа и городские училища для евреев в целях отвлечения еврейского элемента от русской школы⁵. Ввиду сего совещание признало открытие конфессиональных начальных школ повышенного типа и городских училищ допустимым для старообрядцев, сектантов, мусульман и евреев.

После этого был подвергнут обсуждению вопрос о средних частных конфессиональных учебных заведениях – католических, лютеранских, армянских, старообрядческих, сектантских и еврейских.

В пользу допустимости и желательности существования средней конфессиональной школы было указано на то, что таким путем лучше может быть обеспечено религиозное воспитание юношества, без которого школа теряет значение. Вместе с тем допущение средних конфессиональных заведений могло бы быть полезным и для православных, так как заставило бы их также сплотиться около религии и обратить более серьезное внимание на религиозное воспитание детей в школе. Особенно это важно теперь, после признания свободы веры, когда православные, не твердые в православии, раздумывают о том, не перейти ли им в лютеранство или католичество. Кроме того, допущение отдельных конфессиональных учебных заведений имело бы и ту благоприятную сторону, что тогда инославные или совсем не учились бы в школах, где большинство учащихся из православных или их было бы менее, и, таким образом, православные, несомненно, подвергались бы меньшей опасности в религиозном отношении.

По поводу приведенного мнения представителем Министерства внутренних дел было высказано, что в инославных средних учебных заведениях религиозное воспитание не стоит на должной высоте. Оканчивающие, напр[имер], католическое училище при церкви Св[ятой] Екатерины в С[анкт]-Петербурге по признанию местного представителя католической церкви не представляют собою желательных кандидатов для замещения учительских вакансий в католических начальных училищах. Равным образом даже в центре католичества, в губерниях Привислинского края, ксендзы не стремятся к замещению законоучительских вакансий в

⁵ Подробные суждения по этому вопросу были высказаны при рассмотрении вопроса о средних еврейских учебных заведениях.

правительственных средних учебных заведениях; так, напр[имер], в Люблинской губернии 3–4 г[ода] тому назад почти все учебные заведения оставались без римско-католических законоучителей. Следовательно, если говорить о религиозном воспитании в школе, то нельзя сказать, чтобы римско-католическое духовенство об этом особенно заботилось. Поэтому допущение конфессиональной средней школы едва ли может быть оправдываемо с точки зрения интересов религиозного воспитания юношества. У ксендзов религия связана с политикой, с польской пропагандой; для них особая католическая средняя школа желательна потому, что в ней они управляли бы всем делом воспитания в указанном тенденциозном направлении. Если же с недопущением католической средней школы могут быть случаи, когда в общей средней школе католики будут составлять большинство сравнительно с православными, то в этих случаях в ограждение последних от польско-католического воздействия во главе школы и для преподавания православного Закона Божия могут быть поставлены такие лица, которые не допустят злоупотреблений. Наконец, против допустимости средней конфессиональной школы было указано и то соображение, что религиозное воспитание в такой школе, особенно в школе католической или магометанской, легко могло бы вырваться в развитии нетерпимости к другим исповеданиям.

Ввиду разногласия вопрос был расчленен и поставлен сначала относительно допустимости только католической средней школы. Подвергнутый голосованию, этот вопрос большинством – 9 голосов против 5 – был решен в отрицательном смысле. Меньшинство признавало возможным допустить существование католической средней школы повсеместно, за исключением Холмской Руси и девяти западных губерний.

В таком же смысле и тем же количеством голосов был решен и вопрос о лютеранских и реформаторских средних учебных заведениях, причем в пользу допустимости этих заведений указывалось на то, что у лютеранского духовенства нет того воинствующего духа, которым проникнуто римско-католическое духовенство, и что объединение лютеран заметно скорее на почве немецкого языка, чем на почве религии, а против – приводилось то соображение, что протестантство в России является рассадником сектантства, и потому оно не менее опасно, чем католичество.

Что же касается существующих конфессиональных средних учебных заведений при католических, евангелическо-лютеранских и реформаторских церквях в С[анкт]-Петербурге, Москве, Одессе, Киеве, Харькове и других городах, то совещание, приняв во внимание, что в его распоряжении не имеется в настоящее время всех данных для суждения о каждом в отдельности из этих заведений и что ввиду их небольшого числа Министерству народного просвещения всегда будет легко пресечь вредное их направление, если оно проявится, высказалось в пользу дальнейшего их существования, насколько эти заведения будут содействовать видам правительства в насаждении образования в народе.

При обсуждении вопроса об особой средней школе для старообрядцев в пользу допустимости такой школы было, между прочим, указано то соображение, что старообрядческая средняя школа будет способствовать не обособлению старообрядцев, а сближению с православными, так как тайна их обособления заключается в невежестве. Старообрядцы недоверчиво относятся к общим средним учебным заведениям. В конфессиональные же учебные заведения они охотно посылали бы своих детей.

По поводу приведенного соображения было, однако, указано, что если следует старообрядчество вывести путем школы из мрака невежества, то для этого достаточно предоставить им открывать свои начальные школы и курсы для подготовки учителей. Что же касается средней школы специально для старообрядцев, то в ней нет надобности, и ее не просят сами старообрядцы. Более просвещенные старообрядцы и теперь не чуждаются правительственных средних и высших учебных заведений; главные деятели старообрядчества прошли эти учебные заведения и вовсе не домогаются открытия таковых отдельно для старообрядцев. Пройдя свои школы, старообрядцы охотно пойдут в общую среднюю школу. Допущение старообрядческих средних учебных заведений, не вызываемое действительными нуждами, являлось бы лишь нарушением принципа единой средней школы, который в интересах государства следовало бы проводить с наименьшими исключениями.

Поставленный на голосование вопрос о допустимости средней старообрядческой школы большинством – 9 голосов против 5 – был решен в отрицательном смысле.

Так же и по тем же соображениям в отрицательном смысле был решен вопрос о средней школе для сектантов, для армян и для мусульман.

Исключение было сделано лишь для евреев по следующим основаниям. Прежде всего, совещание признало, что те соображения, которые приводились против допущения конфессиональной средней школы для других народностей, по отношению к евреям не имеют значения. Сплочение евреев путем школы не представляет опасности в религиозном отношении, так как еврейская религия не имеет притягательной силы для христиан. Равным образом неопасно это и с национальной точки зрения, по тем же соображениям. С другой стороны, допущение особой еврейской средней школы имеет выгодные стороны как для русских, так и для самих евреев, так как эта мера освободит русскую школу от разлагающего элемента, который вносят в нее евреи, вместе с тем даст евреям возможность получать в особых школах воспитание по правилам своей веры.

Признав открытие особых еврейских средних учебных заведений желательным, совещание вместе с тем постановило, что преподавание в таких учебных заведениях должно производиться на русском языке и что поступление в них лиц других исповеданий недопустимо.

По вопросу же о том, допустимо ли открытие еврейских конфессиональных средних учебных заведений повсеместно или только в черте еврейской оседлости, в совещании были высказаны разные предположения. По одному из них, центр России следовало бы оградить от евреев. По заявлению представителя Министерства внутренних дел, в настоящее время вне черты оседлости не допускается открытие синагог. Такую меру можно было бы применить и по отношению к еврейским учебным заведениям, причем исключение можно было бы допустить по отношению к С[анкт]-Петербургу и Москве. В пользу повсеместного открытия еврейских учебных заведений указывалось на то, что вне черты оседлости евреи представляют такую же опасность для русских, как и в черте оседлости, а потому нет оснований к отказу в открытии отдельных для них конфессиональных школ и вне черты еврейской оседлости. Само собою разумеется, что такое открытие может быть только в более или менее крупных центрах, где евреев много, а не в маленьких городах, где евреев совсем нет.

По дальнейшему обмену мнений совещание признало возможным открытие еврейских частных средних учебных заведений не только в черте оседлости, но и вне черты, в таких пунктах, население которых достигает 100 тысяч душ и где имеется значительное число еврейского населения.

В связи с вопросом о конфессиональных средних учебных заведениях в совещании обсуждался вопрос о том, допустимо ли открытие и содержание конфессиональных общеобразовательных начальных школ духовными лицами и духовными учреждениями подлежащих вероисповеданий. Выяснение настоящего вопроса вызывается отсутствием в законе определенного на сей предмет указания, между тем в отношении, напр[имер], западных губерний этот вопрос имеет весьма важное значение. Римско-католическое духовенство, особенно в последние годы усиленно возбуждало ходатайства пред Министерством внутренних дел о предоставлении ему права открывать свои церковно-приходские школы по примеру православных церковно-приходских школ.

Рассматривая поставленный вопрос по отдельным вероисповеданиям, совещание, прежде всего, остановилось на армянских церковно-приходских школах. В настоящее время, согласно Высочайшему указу 1-го августа 1905 года, к этим школам применяются Правила 19 июля 1874 г. В п[ункте] 2 сих Правил говорится, что в обязанности инспекторов народных училищ по отношению к названным школам возлагается наблюдение: 1) чтобы во всех училищах преподавался русский язык, а в тех училищах, в коих преподаются всеобщая история и география, – преподавались история и география России на русском языке, и 2) чтобы преподаватели в этих училищах были русские подданные и обладали надлежащими нравственными качествами. Учреждение же церковных школ и заведывание ими, а также забота о введении правильного и удобного порядка обучения в них лежат на обязанности армяно-григорианского духовенства. Правительство в 80-х и 90-х годах прошлого столетия делало попытки к усилению контроля над армянскими школами и к расширению компетенции учебного начальства по надзору за ними, именно пыталось установить надзор не только за русскими, но и другими предметами, поставить программу школ в зависимость от утверждения попечителя учебного округа, предъявить к учителям требование ценза не ниже начального учителя и предоставить учебному начальству право уволь-

нять неблагонадежных учителей. Попытки эти, однако, встречали сильное сопротивление со стороны армянского духовенства, и в результате армянские школы закрывались. В 1897 г. состоялось Высочайшее повеление о передаче армянских церковных школ в ведение Министерства народного просвещения на общем основании с другими начальными училищами с сохранением при новом порядке управления права армяно-григорианского духовенства наблюдать за религиозным образованием юношества в означенных школах, а в 1903 г. состоялось Высочайшее повеление о передаче в ведение Министерства народного просвещения недвижимых имуществ и капиталов армянских школ. Эта мера вызвала недовольство в армянском населении, и в 1905 году Высочайшим указом 1 августа наместнику на Кавказе было поручено войти безотлагательно с представлением в установленном порядке, без сношения с ведомствами, об издании нового положения для армянских церковных школ в связи с вопросом о возвращении в ведение армяно-григорианской церкви переданных в Министерство народного просвещения недвижимых имуществ и капиталов и вместе с тем было предоставлено наместнику, впредь до выработки нового положения об армянских церковных школах, разрешать в пределах Кавказского наместничества открывать при церквях и монастырях церковно-приходские школы на основании правил, Высочайше утвержденных 19-го июля 1874 г. Имея в виду, что армянская церковь очень близко стоит к церкви православной, что армянская церковно-приходская школа имеет давнишнюю свою историю, что закрытие этих школ могло бы вызвать громадное неудовольствие среди армянского населения, а также принимая в соображение, что Высочайшим указом 1-го августа 1905 года было подтверждено дальнейшее существование армянских церковных школ, как таковых, причем Наместнику было предоставлено выработать новое положение для этих школ без сношения с ведомствами, совещание признало право армяно-григорианского духовенства на открытие и содержание общеобразовательных начальных школ прочно установившимся фактом. Вместе с тем совещание не могло не высказать пожеланий о необходимости установления для армяно-григорианских церковных школ некоторых условий относительно постановки в них учебного дела и правительственного контроля. Современное положение этих школ представляется неудовлетворительным. Компетенция учебного начальства по заведыванию и

надзору за учебною частью в армянских школах в настоящее время сводится до минимальных размеров. Как указано выше, по Правилам 19 июля 1874 года, которые ныне применяются к армянским школам, инспекторы народных училищ имеют лишь наблюдение: 1) чтобы во всех училищах преподавался русский язык, а в тех училищах, в коих преподаются история и география, преподавались история и география на русском языке, и 2) чтобы преподаватели в этих училищах были русские подданные и обладали надлежащими нравственными качествами. Засим, изучение русского языка, как предмета обучения, начинается со 2-го года обучения, вследствие чего познания в нем учащихся не могут быть признаны достаточными.

По поставленному на обсуждение вопросу о том, какие начала могли бы быть применены при урегулировании положения армянской школы, представителем Министерства внутренних дел было указано на то, что оставлять эту школу в теперешнем ее состоянии представляется не в интересах государства. Среди армянского населения на Кавказе развито стремление к сепаратизму. Для противодействия последнему необходимо, прежде всего, обратить самое серьезное внимание на армянские школы, так как начальные школы могут служить благоприятной почвой для внедрения этого сепаратистического стремления в учащуюся массу в самом восприимчивом возрасте. Поэтому представлялось бы желательным и необходимым поставить армянские школы так, чтобы они соответствовали общим государственным началам.

По этому поводу член совета Наместника на Кавказе т[айный] с[оветник] Е.Г. Вейденбаум заметил, что попытки правительства урегулировать положение армянских школ, усилить правительственный контроль над ними предпринимались до сего времени неоднократно, но не приводили к желательным результатам. Армянской церкви издавна присвоены большие права в области школьного дела – учреждение и заведывание начальными школами, при некотором лишь надзоре учебной власти, и полное заведывание и управление духовно-учебными заведениями. Поэтому всякая мера к усилению правительственного надзора за армянскими школами принималась как умаление власти церкви и прав патриарха-католикоса. Что же касается стремления армян к сепаратизму, то в основе его лежит не политическая, а националистическая тенденция. Лет тридцать назад в Тифлисе все говорили по-грузински, за

редкими исключениями, а в настоящее время, наоборот, армяне не говорят уже по-грузински, а только по-армянски. Но в этом нельзя усматривать стремление армян к политической обособленности, а лишь националистическое стремление в противовес влиянию других национальностей, с которыми армяне соприкасаются. При этом следует заметить, что к русскому языку армяне не относятся враждебно, равным образом охотно идут в средние и высшие правительственные учебные заведения. Согласно Высочайшему указу 1 августа 1905 г., Наместником на Кавказе выработан проект нового положения для армянских училищ, причем в основу его положены также начала, соответствующие государственным интересам, именно: от учителей требуется надлежащий образовательный ценз, назначение учителей поставлено в зависимость от одобрения учебной власти, за преподаванием русских предметов на русском языке устанавливается наблюдение инспекторов народных училищ, преподавание русского языка предполагается со 2 года обучения, но если потребовать изучения его с 10-го же года, то против этого армяне возражать не будут. Управление школами предполагается возложить на особый училищный совет при армянском патриархе, с присутствием в нем русского чиновника-прокурора в Эчмиадзинском Синоде. По дальнейшем обмене мнений совещание, приняв в соображение, что армянские церковные школы являются светскими конфессиональными школами, состоящими вне правительственного контроля, пришло к тому выводу, что современное положение армянских школ с государственной точки зрения представляется явлением ненормальным и нежелательным. Поэтому совещание признало необходимым высказать пожелание, чтобы Наместником Его Величества на Кавказе при выработке нового положения для означенных школ были приняты в соображение такие основания для существования армянских школ, которые предположены совещанием для частных конфессиональных общеобразовательных школ, именно: 1) армянские начальные школы должны быть открываемы с разрешения подлежащего учебного начальства, 2) преподавательский персонал в них должен назначаться в порядке, установленном для частных учебных заведений, 3) русский язык в армянских школах должен изучаться с 1-го года обучения, в объяснительное чтение должны вводиться элементы, знакомящие с историей и географией России, при преподавании в школах истории и географии как самостоятельных предметов, по-

следние должны преподаваться на русском языке, 4) преподавание должно вестись по учебникам, одобренным правительством.

Обратившись засим к римско-католическому исповеданию, совещание приняло во внимание воинствующее направление католицизма, стремление римско-католического духовенства к католическо-польской пропаганде путем школы, благодаря чему католическая школа всегда и везде является очагом самой резкой вражды к православию и ко всему русскому. Ввиду сего при обсуждении вопроса о правах духовных учреждений римско-католического исповедания в деле открытия школ был возбужден лишь вопрос о том, можно ли этим лицам и учреждениям участвовать в открытии школ в качестве содержателей их, хотя бы без соответственных прав, свойственных содержателям, т. е. без права выбора учительского персонала и без участия в попечительстве и заведывании хозяйственной частью школы. В пользу положительного разрешения этого вопроса было указано в качестве примера на то, что ксендзы-латыши и ксендзы-литовцы в целях ограждения своей народности от польского влияния могут давать средства на школы, хотя бы им и не было предоставлено указанных содержательских прав. Кроме того, если с запрещением р[имско]-к[атолическим] духовным учреждениям и лицам открывать свои школы и с предоставлением им лишь права давать средства на содержание школ, ксендзы стали бы открывать училища на имя других близких им лиц, с целью влияния на такую школу, то все-таки в такой школе не будет постоянного присутствия ксендза и характер его влияния будет совсем не тот, как если бы он был полным хозяином школы; притом такая школа будет находиться в частном доме, а не при костеле.

В виду изложенного совещание пришло к выводу, что как духовным лицам, так и духовным учреждениям (приходам, церквам и капитулам) римско-католического исповедания не может быть разрешаемо выступать в качестве содержателей (в соответственными правами) общеобразовательных начальных школ, причем было признано необходимым оговорить, что названные лица и учреждения могут давать средства на содержание школ.

Такое же решение было принято совещанием и относительно католических школ повышенного типа.

По вопросу о старообрядческих и сектантских школах совещание также постановило, что духовные лица (настоятели, наставники) не могут выступать в качестве содержателей (с соответст-

венными правами) школ разных типов. Что же касается духовных учреждений, то таковых, как юридического лица у старообрядцев и сектантов (по объяснению представителя Министерства внутренних дел) не существует.

Наконец, по вопросу о возможности открытия и содержания школ разных типов духовными лицами и духовными учреждениями остальных исповеданий и вероучений совещание решило не делать никаких изъятий из принятого выше положения, а вопрос о школах при мечетях и о канторатах было признано необходимым подвергнуть особому рассмотрению.

В непосредственной связи с вопросом о недопустимости открытия конфессиональных общеобразовательных учебных заведений духовными лицами и духовными учреждениями инославных исповеданий и вероучений возник в совещании вопрос об открытии инославных храмов при учебных заведениях. Фактически такие храмы при некоторых учебных заведениях и теперь существуют, будучи открыты захватным порядком. В Министерстве внутренних дел неоднократно возбуждались подобные ходатайства, причем последние касаются учебных заведений не только конфессиональных, но и неконфессиональных, каковы, напр[имер], в Варшаве гимназия Ежевского, где на 800 учащихся 80–90 православных, также гимназия Ястржемской в Риге, где имеется около 15 православных учащихся.

Ввиду высказанных соображений о том, что устройство инославных храмов при школах поведет путь влияния на учащихся не только через школу, но и через школьный храм, т.е. откроет путь клерикализму, а в юго- и северо-западном крае, кроме того, и польскому влиянию чрез посредство ксендзов, совещание пришло к выводу, что при неконфессиональных учебных заведениях нежелательно допускать устройство инославных храмов. По вопросу об устройстве таких храмов при конфессиональных учебных заведениях также были высказаны соображения в пользу отрицательного решения. По заявлению представителя Министерства внутренних дел были случаи, когда р[имско]-к[атолическое] духовенство, устраивая католические каплицы при приютах, превращало эти последние в сущности в монастыри (в Киеве, Житомире); то же самое легко может произойти и с учебными заведениями; тенденция к этому была замечена в гимназии при римско-католической церкви Св[ятой] Екатерины в С[анкт]-Петербурге, где существовала

каплица (теперь уже закрытая). В подтверждение приведенных соображений о необходимости воспрещения открывать инославные храмы при конфессиональных учебных заведениях Люблинским губернатором Е.В. Менкиным (ныне Директор Департамента духовных дел) была приведена нижеследующая справка исторического характера о значении и деятельности польского духовенства в деле народного просвещения.

Пагубное влияние католического клира на народное просвещение резко сказывается во всей вообще десятивековой истории Польши. Одновременно с принятием в конце X века поляками христианства в крае появились выписанные из Италии, Франции и Германии монахи орденов Бенедиктинцев, Норбертена, Циструса, Доминиканцев и других, которые прочно обосновались, открыли целый ряд щедро одаряемых королями монастырей и взяли в свои руки просвещение. Чуждые местному населению по языку и обычаям эти пришельцы, отождествляя в своем сознании славян с язычниками, стремились насадить в Польше западную культуру и латынь. Польский язык и древние письмены, которые по сказаниям летописцев существовали уже в дохристианской Польше, были совершенно изгнаны из школы, религиозного ритуала, из местных съездов и даже судов. С течением времени параллельно постепенному ослаблению правительственной власти росли сила и значение духовенства. В 14-м столетии введена была инквизиция, просуществовавшая до 1591 года, а в начале 15-го века открыт был Краковский университет, отданный в полное распоряжение епископам. Одновременно появились и иезуиты, ревностно старавшиеся получить монополию просвещения, чтобы, как говорит один из польских историков, «приучить народ с молодых лет к слепому послушанию церкви и вере и уничтожить в нем всякую попытку к рассудочной деятельности». Тому же духовенству передано было исключительное право открытия типографий; его же ведению отдана была и цензура, совершенно не допускавшая ввоза иностранных изданий и разрешавшая печатать только книги религиозного и теологического содержания и из последних преимущественно полемического направления, осуждавшего иновереие. Так продолжалось вплоть до половины 18 столетия. Печальные последствия этой системы вскоре сказались. Низшие классы населения погрязли в невежестве и предрассудках, шляхта училась чему-то в латинских школах при церквях и монастырях, а духовенство,

пренебрегая всеми вообще науками, занималось одной лишь теологией и признавало ученым только того, кто проявлял более ревности и энергии в преследовании иноверцев.

По меткому выражению польского историка Бонджко-Степжинского, в описываемую эпоху учились только одному – как совращать в католицизм разноверцев. В конце 18-го века правительство само уже сознало весь вред монополизации клиром народного просвещения. На Варшавском сейме 1773 года постановлено было уволить иезуитов и высший надзор за учебными заведениями возложить на эдукационную комиссию в составе особо назначенных королем лиц, но приведенные реформы не принесли ожидаемых результатов, тем более, что вскоре начался ряд войн, закончившихся только в 1815 г., когда часть Польши была присоединена к России.

В новом периоде своей истории католическое духовенство Царства Польского тотчас же стало в резкую оппозицию православию. Пользуясь по преемству исторической традиции в тайне конфессиональной громадным влиянием на массы населения, оно воспитывало свою духовную паству в духе непримиримой вражды к государственному языку и русской государственной идее и во время последнего восстания выказало себя самым недостойным образом. Тяжкие преступления совершились в то время как отдельными фанатическими монахами и ксендзами, так и целыми монастырскими братиями. Римско-католические костелы и монастыри явились гласными очагами мятежа, во многих из них находили склады оружия, в других задерживали вожаков восстания, в третьих – обнаруживали тайные типографии, где печатались повстанческие воззвания и прокламации.

В связи с монастырями проявили свою зловредную на пользу мятежа деятельность и разные братства, общины, филантропические и просветительные учреждения, состоявшие под покровительством духовенства и прикрывавшиеся благотворительными целями вспомоществование бедным, призрение сирот и пр.

С усмирением мятежа возник вопрос о пресечении на будущее время несоответственной деятельности всех этих учреждений, и в 1864 г. в исполнение Высочайшего указа от 27 октября того же года было упразднено 104 монастыря, причем 33 из них были закрыты за доказанное участие в мятеже.

Еще за год до начала вооруженных действий, когда высшая власть в крае находилась в руках польско-политиканствующей

партии с маркизом Велепольским во главе, была сделана попытка вновь закрепить за духовенством руководство народною школою. В этих именно видах был издан в 1862 году устав об общественном образовании в Царстве Польском, проникнутый самым враждебным против России направлением, насильственно подчинивший польскому элементу все другие местные племена и отдававший сельские школы в полное распоряжение духовенства и местной шляхты с устранением всякого контроля и руководства со стороны правительства. Новые узаконения об учебной части в крае, удостоившиеся 30 августа 1864 года Высочайшего утверждения, должны были в корне изменить это опасное для русской государственности направление школьной политики, и потому в основу их положены Высочайше одобренные предположения Милютина [63], сводившиеся: 1) к упразднению насильственной полонизации школ других национальностей; 2) к устранению от школы влияния ксендзов, монахов и шляхты; 3) к полному упразднению женского монастырского воспитания, столь пагубно действовавшего на польских женщин и 4) к образованию в крае учебных дирекций в составе соответственных вполне благонадежных агентов русского происхождения. Указом 1864 года был положен предел открытому вмешательству католического костела в дело народного образования. Но закулисная подпольная работа римско-католического клира, направленная к пассивному противодействию правительственной системе и к использованию просвещения как орудия польско-патриотической пропаганды, не прекращалась, не прекращается и поныне. Первоначально она проявлялась в систематических под разными предлогами отказах ксендзов занимать законоучительские должности как в низших, так иногда и в средних учебных заведениях в целях дискредитирования этих заведений в глазах населения; в подстрекательстве крестьян не давать своих голосов на сельских сходах за открытие новых училищ. Затем, пользуясь своим правом катехизационного наставления, некоторые ксендзы под видом катехизации открывали школы, где детей наряду с истинами католической веры обучали географии и истории Польши по закордонным патриотическим учебникам, бывали даже случаи, когда при катехизации раздавались преступные воззвания. В эпоху освободительного движения польское духовенство создало новую просветительную организацию, католический союз, который по тайным замыслам учредителей должен был по-

крыть весь край сетью конфессиональных школ, библиотек и иных подобных учреждений, а одновременно в своем знаменитом революционном меморандуме граф Тышкевич [64], требуя коренных реформ для Царства Польского на началах полного автоматического переустройства, особенно настаивал на передаче начальной школы духовенству.

Краткий перечень приведенных исторических фактов указывает, что школы в польских местностях империи, как правительственные, так и частные, должны быть ревниво охраняемы от близкого участия в их внутренней жизни римско-католического духовенства. Узкими формальными рамками преподавания Закона Божия должна быть ограничена в школе роль католического клира. Расширение же этих пределов при воинствующем направлении католицизма может лишь содействовать повторению тех аномальных явлений, которые преимущественно повторялись в истории Царства Польского. С этой точки зрения и открытие храмов или каплиц при польских школах, приближая ксэндза к юному, легко увлекающемуся населению и возобновляя печальные по своим воспоминаниям условия дореволюционного устройства местных учебных заведений, надлежит признать нежелательным и опасным.

Ввиду приведенных соображений совещание пришло к заключению о нежелательности устройства инославных храмов и при учебных заведениях конфессиональных, причем было принято в соображение объяснение представителя Министерства внутренних дел, что запрещение устраивать такие храмы при учебных заведениях находится в соответствии с существующими законами, так как в настоящее время Министру внутренних дел принадлежит дискреционное право разрешать такие дела своею властью.

Наконец, в связи с вопросом о конфессиональных общеобразовательных учебных заведениях в совещании был подвергнут обсуждению вопрос о допустимости приема в эти заведения учащихся иных исповеданий.

Имея в виду, что в конфессиональной школе учащиеся из православных могут подвергаться вредному влиянию под воздействием инославной или иноверной окружающей среды, совещание признало необходимым, в ограждение православных от иноверной пропаганды, не допускать поступление их в конфессиональные школы, устраиваемые для детей других исповеданий, как нехристианских, так и христианских. При этом совещание не имело в

виду некоторых немецких евангелическо-лютеранских реформаторских учебных заведений – гимназий и реальных училищ, существующих в С[анкт]-Петербурге (при евангелическо-лютеранских церквях Св[ятого] Петра, Св[ятой] Анны, Св[ятой] Екатерины и при реформаторской церкви), в Москве (при евангелическо-лютеранской церкви Св[ятых] Апостолов Петра и Павла, Св[ятого] Михаила), в Харькове, Киеве и в других городах, так как в этих учебных заведениях обучается в настоящее время значительное, в некоторых и преимущественное, число православных, вследствие чего означенные школы уже давно потеряли свой конфессиональный характер. Многие из названных учебных заведений зарекомендовали себя с лучшей стороны – в отношении постановки в них учебного дела и дисциплины и не представляют для православных учащихся никакой опасности в религиозном отношении. Поэтому совещание полагает возможным не закрывать для православных доступ в эти заведения. По вопросу же о допущении детей других христианских исповеданий в конфессиональные нехристианские школы было высказано предположение о возможности такого допущения лишь в школы профессионального типа ввиду того, что общее образование инославные христиане могут получить в местной государственной школе, между тем как потребность в профессиональном образовании, при недостаточном числе соответственных школ, инославные христиане могли бы в известных случаях удовлетворять путем школ хотя бы и нехристианских. При этом было указано, что как в ведомстве Министерства торговли и промышленности, так и в ведомстве Главного управления землеустройства и земледелия имеется целый ряд таких профессиональных (учебные мастерские) и сельскохозяйственных школ, где никаких общеобразовательных предметов не преподается и где, следовательно, не представлялось бы большой опасности для христиан обучаться в нехристианской среде ремеслам и разным практическим занятиям. Поставленный, однако, на голосование настоящий вопрос большинством – 10 против –2 был решен в смысле безусловной недопустимости христиан в нехристианские школы, как общеобразовательные, так и профессиональные.

Наконец, что касается вопроса о разрешении христианам одного исповедания (кроме православного) поступать в конфессиональные школы, устраиваемые для христиан другого исповедания, то этот вопрос был разрешен в утвердительном смысле.

Б. Конфессиональные учебные заведения – духовные и светские, открываемые для подготовки инославных вероучителей и учителей начальных школ

В настоящее время такие учебные заведения имеются у католиков (духовные семинарии), лютеран (кистерские и канторские школы), армян (духовные семинарии), магометан (медресе), евреев (ешиботы) и караимов (духовное училище в Евпатории). Кроме того, имеются ходатайства об открытии вероучительских школ для старообрядцев и сектантов.

При обсуждении вопроса об означенных заведениях совещание имело в виду выяснить условия их существования с точки зрения объема и характера преподаваемых в них предметов, а также со стороны надлежащего усвоения в них государственного языка.

1. Римско-католические духовные семинарии

Римско-католические духовные семинарии находятся в ведении Министерства внутренних дел, и мероприятия по отношению к ним соединены с большими затруднениями ввиду того, что в данном случае необходимо иметь дело с Римским престолом. Это затрудняет устройство семинарий в желательном для государства направлении и подчинение в потребной мере их внутренней жизни государственной власти. Общеобразовательный элемент в них слаб. Это избавляет их от влияния светского начальства, но это же составляет и слабую сторону учебного дела в семинариях. В католические семинарии поступают по прохождении 4-х классов гимназии или с соответственным сему цензом, напр[имер], имеющие звание аптекарских учеников, а в некоторых случаях допускались также окончившие 4-хклассные городские училища. В настоящее время в этих семинариях преподаются, главным образом, богословские предметы, а из общих предметов проходятся русский язык со словесностью и литературой, история и география. В С[анкт]-Петербургской римско-католической духовной семинарии в качестве дополнительного предмета введено законоведение с преподаванием на русском языке, поступают также ходатайства о введении в некоторых семинариях преподавания новых языков.

По объяснению представителя Министерства внутренних дел, существующий в римско-католических духовных семинариях учебный курс следовало бы пока оставить в его теперешнем виде. Римско-католическое духовенство само сознает упадочное состояние

своих духовных школ, и имеются уже отдельные ходатайства об изменении уставов семинарий с оставлением их, однако, почти всецело под влиянием католического духовенства. Если будет возбужден духовною властью общий вопрос об усилении в духовных семинариях общеобразовательного элемента, тогда можно будет предъявить к этим семинариям условия их устройства и надзора за ними, общие с общеобразовательными учебными заведениями других ведомств.

Приведенное мнение было принято совещанием без возражений.

Что же касается вопроса о языке преподавания в католических семинариях, то таковое официально должно вестись на языке латинском как каноническом, на деле же все предметы кроме русского языка, истории и географии преподаются на польском языке. По заявлению представителя Министерства внутренних дел, русский язык в католических семинариях усваивается в восточной степени, ксендзы говорят и пишут по-русски более чем удовлетворительно. В составе ксендзов кроме лиц польского происхождения имеются белорусы, в незначительном числе и литовцы, причем первые в большинстве случаев ополячиваются, ксендзы же литовцы составляют оппозицию полонизму. Есть основание предполагать, что Сейнская и Тельшевская католические семинарии, в которых ныне преподавание ведется на польском языке, будут преобразованы с литовским языком преподавания. Дело это находится в настоящее время в Риме.

На основании приведенных сведений и имея в виду разноплеменной состав учащихся в католических семинариях, совещание по вопросу о языке преподавания в этих заведениях приняло следующее решение: общеобразовательные предметы преподаются на русском языке, а предметы богословские на латинском языке как каноническом с подсобным родным языком учащихся.

2. Кистерские и канторские школы

Относительно этих школ совещание рассматривало вопросы о допустимости смешанного их характера, как вероучительских и учительских школ, о предварительной подготовке для поступления в эти школы, о продолжительности и объеме учебного курса и о языке преподавания в них. По поводу первого из указанных вопросов были сообщены следующие сведения относительно суще-

ствовавшей в Рижском учебном округе близ гор[ода] Валки Лифляндской губернии кистерской или церковнослужительской школы, ныне закрытой. Эта школа была учреждена (в 1860 г.) с целью образования кистеров, органистов для сельских евангелическо-лютеранских церквей и учителей для лютеранских приходских школ. Воспитанники Валкской кистерской школы долгое время фигурировали в качестве кистеров и учителей, причем на практике выяснилось все неудобство соединения в одном лице двух должностей – кистера и учителя. Учитель-кистер должен был подчиняться двойному начальству: с одной стороны, учебному – в лице инспектора народных училищ, с другой – духовному в лице пастора. С той и другой стороны предъявлялись к кистеру-учителю требования, которые не могли быть выполнены без ущерба для одной из сторон, причем столкновения разных интересов принимали иногда довольно резкий характер. Пастор, напр[имер], стремился влиять на школу через кистера и домогался того, чтобы евангелическо-лютеранский Закон Божий доминировал в школе над другими предметами, причем прохождением более широкой программы по Закону Божию имелось в виду стеснить преподавание русского языка. Инспектор, наоборот, предъявлял к учителю-кистеру требования о наилучшей постановке преподавания русского языка с тем, чтобы в третью зиму можно было свободно вести на нем преподавание в школе. Подобные столкновения привели к убеждению, что должность кистера не следует соединять с должностью учителя. Поэтому и вопрос о допустимости кистерских школ смешанного характера – как вероучительских и учительских – надлежало бы разрешить в отрицательном смысле.

По поводу канторских школ было объяснено, что в Министерстве внутренних дел имеется ходатайство об учреждении в гор[ороде] Томашове канторской школы, из проекта устава коей усматривается, что главная цель учреждения этой школы сводится к тому, чтобы готовить учителей для канторатов, изучение же богословских предметов предполагается для желающих в особом отделении. Кантораты в настоящее время по закону подлежат ведению подлежащих консисторий на положении чисто вероучительных конфессиональных школ и состоят лишь под общим надзором учебных дирекций, между тем на практике кантораты приняли характер общеобразовательных школ. Протестантскому духовенству желательно сохранить за собою заведывание кантора-

тами и в то же время улучшить постановку в них учебного дела путем соответственной подготовки учителей в канторских школах. Но такое направление дела не совпадает с интересами государственного школьного образования.

В дополнение к сказанному относительно кистерских и канторских школ в совещании было также указано на то, что в утвержденном в 1904 г. уставе кистерских классов в селе Старая Буда Волынской губернии указывается только одна цель этого учебного заведения – приготовление кистеров, между тем первоначальное ходатайство было об учреждении в означенном селении кистерской семинарии смешанного типа для подготовки кистеров и учителей начальных школ.

В виду приведенных сведений и соображений совещание пришло в заключение, что кистерские и канторские школы, имеющие открываться в будущем, должны иметь лишь одну цель – подготовку кистеров и канторов, причем общеобразовательные предметы в этих школах не должны допускаться кроме русского языка, для которого должно быть положено достаточное число уроков.

По вопросу об образовательном цензе лиц, поступающих в означенные школы, было высказано предположение, что в видах более основательной подготовки кандидатов на кистерские должности было бы целесообразным установить для указанных лиц требование окончания городских училищ, тем более, что при таком требовании в помянутые школы поступали бы лица с свежими познаниями, между тем как при пониженном цензе, каковым может быть окончание начального училища, окажется значительный промежуток времени по окончании начальной школы до поступления в кистерскую школу, в которую обыкновенно принимаются в возрасте от 15–16 лет.

Совещание, приняв во внимание приведенное соображение, а также и то, что от поступающих на помянутые кистерские классы в Старой Буде, устав коих недавно рассматривался подробно в Министерстве народного просвещения, требуется лишь окончание двухклассного училища Министерства народного просвещения и что курс учения в этих классах ограничен двумя годами, приняло следующие положения: 1) от поступающих в кистерские или канторские школы требовать минимум окончания двухклассного начального училища, причем в случае ходатайства учредителей в отдельных случаях, может быть устанавливаем и более повышен-

ный ценз – окончание городского училища; 2) для богословского образования кистеров или канторов признать достаточным двух-годовой курс означенных школ.

Наконец, по вопросу об языке преподавания в кистерских и канторских школах было указано, что в Привислинских губерниях к евангелическо-лютеранскому и реформатскому исповеданиям принадлежат лица не только немецкой, но и других народностей и что преподавание в этих школах на одном немецком языке могло бы содействовать германизации части населения, не принадлежащей к немецкой национальности, что, несомненно, представлялось бы нежелательным с государственной точки зрения. Ввиду сего был возбужден вопрос о том, не представляется ли возможным ведение преподавания в означенных школах на нескольких языках, соответственно племенному составу учащихся. Из обмена мнений по этому вопросу выяснилось, что затруднения для такого преподавания не представляются непреодолимыми, потребуется в некоторых случаях лишь усиление состава учителей, а в других, может быть, открытие новых кистерских школ. Как то, так и другое не должно бы составить затруднений в материальном отношении, так как с устранением из кистерских школ общеобразовательных предметов содержание их удешевляется. На основании сего совещание признало целесообразным установить преподавание в кистерских и канторских школах на родном языке учащихся (кроме, разумеется, русского языка), полагая, что этим дается возможность отдельным племенным частям населения иметь канторов и кистеров, получивших образование на своем родном языке, а с другой стороны, при таком преподавании устраняется возможность воздействия одной народности на другую.

В связи с вопросом о подготовке кистеров в особых школах совещанием было принято предложение о том, чтобы в правительственные учительские семинарии, которые ныне по закону могут принимать только православных, могли поступать также и инославные и чтобы для последних было введено в семинариях преподавание их Закона Божия в целях подготовки их к учительской деятельности в школах с инославным составом учащихся и к преподаванию Закона Божия в сих школах.

3. Армяно-григорианские учебные заведения: духовные семинарии и академия

Относительно этих учебных заведений представителем Министерства внутренних дел были сообщены следующие сведения.

Духовная академия у армян имеется только одна – в Эчмиадзине, при ней находится и духовная семинария; кроме того, семинарии существуют в Тифлисе, Эривани, Шуше и вне Кавказа – в Нахичевани на Дону. Правила для Эчмиадзинской академии утверждены Высочайшею властью в 1874 г., а из семинарий только одна – Нахичевано-Бессарабская имеет Правила, утвержденные в 1880 г. Министерством внутренних дел с Высочайшего соизволения, другие же семинарии существуют на основании правил, утвержденных армянскою духовною властью. Как на характерные особенности армяно-грегорианских духовно-учебных заведений можно указать, прежде всего, на то, что эти заведения изъяты из-под правительственного надзора и находятся в исключительном ведении армяно-григорианской церкви. Засим хотя в Правилах этих заведений и оговорено преподавание в них русского языка, но объем его программы не предусмотрен. Третью особенность армянских духовных семинарий составляет их преимущественно общеобразовательный характер. В Правилах для Нахичевано-Бессарабской семинарии прямо говорится, что семинария имеет целью не только подготовку учащихся к духовному званию, но и к замещению учительских должностей в армянских школах. Насколько вероучительный характер армянских семинарий выражен слабо можно видеть из сопоставления преподаваемых в них предметов богословских и общеобразовательных. Соотношение богословских и небогословских предметов выражается в таких цифрах: в Эчмиадзинской академии – 16 : 21, в Эчмиадзинской семинарии – 2 : 18, в Эриванской семинарии – 6 : 21, в Тифлисской – 1 : 25, в Шушинской – 5 : 24 и в Нахичеванской – 7 : 23. Соотношение числа недельных уроков по богословским и небогословским предметам представляется в следующих цифрах: в Эриванской семинарии – 36 : 166, в Тифлисской – 12 : 200, в Шушинской – 33 : 231, в Нахичевано-Бессарабской – 35 : 214. Светский характер армянских духовных учебных заведений усматривается также из самого состава преподавателей в них; так, из 92 преподавателей, числящихся в Эчмиадзинской академии, и всех в духовном сане 4; обуча-

лось в академии – 28, в семинариях – 17, т.е. всего 45 преподавателей (менее половины) получили богословскую подготовку; в правительственных учебных заведениях обучалось 32, из них 22 – в высших и 10 – в средних; кроме того, несколько человек обучалось в учительских институтах; из общего числа преподавателей около 1/3 (27) обучалось за границей, преимущественно в Германии. Наконец, для оценки характера армянских духовных семинарий и их значения среди армянского населения в сравнении с римско-католическими семинариями представляется интересным составление следующих цифр: римско-католического населения в России имеется 13 миллионов, армяно-григорианского – 1½ милл[иона], духовенства римско-католического – 4652, армянского – 1964, церквей католических – 3821, армянских – 1348, воспитанников в римско-католических семинариях – 1252, в армянских – 1600. Из этого видно, что в армянских семинариях число воспитанников заметно превышает число учащихся в католических семинариях, между тем армянское население в несколько раз по числу меньше католического, и количество католических церквей и духовенства значительно больше числа армянских церквей и духовенства. Следовательно, большой процент воспитанников армянских семинарий идет не по духовному званию.

Из сказанного напрашивается вывод, что армянские семинарии более светские, чем духовные учебные заведения, не только вероучительные и вероучительские, но и педагогические, между тем они находятся все всякого правительственного контроля. Попытки установить такой контроль не достигали успеха ввиду противодействия армянского патриарха-католика, опиравшегося на утвержденные в 1874 и 1880 гг. Правила Эчмиадзинской и Нахичевано-Бессарабской семинарий. Местная правительственная власть на Кавказе также была склонна к оставлению пока семинарий на особом положении с правительственным контролем в минимальных размерах ввиду упрочившегося уже положения этих учебных заведений.

По поводу приведенных сведений председателем совещания сенатором Л.А. Георгиевским были высказаны следующие предположения и соображения относительно армянских духовных семинарий.

Армянские семинарии должны быть обращены в школы вероучительские, подготовляющие кандидатов на священников; программы семинарских предметов должны быть установлены прави-

тельством по соглашению с армянской властью, причем наряду с богословскими допускаются общеобразовательные предметы; семинарии должны удовлетворять известным требованиям правительственного контроля; учащий персонал избирается из лиц с соответственным образовательным цензом, и преподавание должно вестись по учебникам, одобренным правительством. С обращением армянских духовных семинарий в чисто вероучительские школы при соблюдении указанных условий эти учебные заведения должны будут изменить свой характер и выйти из того положения, которое не может быть признано нормальным с государственной точки зрения. В настоящее время армянские семинарии являются только по имени духовными учебными заведениями, на самом же деле это школы, служащие потребностям общего образования, а также подготовляющие учительский персонал для начальных армянских школ. Громадный процент воспитанников семинарий не идет по духовному званию. Между тем, существуя под флагом школ духовных, семинарии в настоящее время состоят в исключительном ведении армянского духовенства и таким образом обходят закон с его требованиями относительно школ общеобразовательного типа. Обращение армянских семинарий в вероучительские школы, подготовляющие только к духовному званию, по-видимому, ослабляется тем обстоятельством, что у армян практикуется выборное начало при назначении на духовные должности, при каковых условиях священниками могут быть лица и без семинарского образования. Но в противовес этому следует заметить, что духовенство без богословского образования едва ли может соответствовать интересам самой армянской церкви, а с другой стороны – священники по самому положению своему являются законоучителями в правительственных школах. Для последних же важно, чтобы законоучители обладали богословской подготовкой, без чего едва ли преподавание Закона Божия может быть поставлено на соответствующую этому важному предмету высоту. Поэтому, если преимущество при замещении законоучительских должностей в правительственных школах будет отдаваться лицам, прошедшим армянские духовные семинарии, то последние должны будут получить для армян более или менее важное значение. Что же касается учебного курса в армянских духовных семинариях, то ограничивать его исключительно богословскими предметами с допущением лишь русских предметов представлялось бы не вполне

целесообразным. Если римско-католические семинарии имеют исключительно богословский характер, не считая русских предметов, то нужно заметить, что и для поступления в них требуется общеобразовательный ценз не ниже 4-х классов гимназий. В армянские же семинарии поступают окончившие лишь двухклассное начальное училище. Оставлять подобных кандидатов на священнические места без дальнейшего общего образования было бы и несправедливо. С точки зрения правительства даже желательно, чтобы священники самого близкого к православию исповедания обладали повышенным образовательным цензом. Если католическое духовенство проникнуто и преследует идеи прозелитизма и полонизации, то ничего подобного нельзя сказать об армянском духовенстве, которое, наоборот, заслуживает нашей поддержки в борьбе с другими исповеданиями – протестантством и католичеством. Включение в программу армянских духовных семинарий общеобразовательных предметов представляется вполне естественным также и потому, что поступающие в семинарии по окончании начального армянского училища мальчики в возрасте 12–14 лет едва ли могут быть подготовлены к изучению богословских наук с первого же года обучения в семинарии при более или менее серьезной постановке этих наук. Наконец, в пользу допущения в армянские семинарии общеобразовательных предметов можно указать на пример православных духовных семинарий, в коих общеобразовательный элемент выражен довольно сильно. С введением в курс армянских семинарий общеобразовательных предметов эти семинарии не будут представлять по своему характеру большого различия с нынешним их положением в отношении учебного курса. Программа семинарий должна быть установлена правительством по соглашению с армянскою духовною властью, от которой будет зависеть – дать ту или иную постановку преподавания в этих вероучительских учебных заведениях, причем за армянским духовенством остается наблюдение за преподаванием богословских предметов и религиозным воспитанием учащихся, а общие предметы будут подлежать правительственному надзору.

По поводу сего было высказано замечание, что армянское духовенство теперешними своими семинариями весьма заинтересовано потому, что они, будучи общеобразовательными школами под флагом духовных учебных заведений, находятся в исключительном ведении армянской церкви. С приданием же семинариям специально-

го характера школ вероучительских хотя и с общеобразовательным курсом и с подчинением их в части, касающейся светских предметов, общему правительственному контролю армянское духовенство может отказаться от устройства семинарий на предполагаемых основаниях и, таким образом, может оказаться без духовно-учебных заведений. Поэтому, не представлялось ли бы более удобным допустить альтернативу, т.е. предложить открывать армянские семинарии или на указанных выше г. председателем оснований, с общеобразовательными предметами и с подчинением надзору правительственной власти, или открывать только духовные учебные заведения для образования вероучителей, с допущением лишь русских предметов и с предоставлением заведывания семинариями армянскому духовенству в широких размерах при общем надзоре правительства за тем, чтобы эти школы не принимали характера общеобразовательных учебных заведений.

По дальнейшем обмене мыслей по настоящему предмету было признано неудобным ограничивать курс армянских духовных семинарий только богословскими предметами, кроме предметов русских, в видах оставления за армянским духовенством больших прав по заведыванию семинариями, причем совещание единогласно приняло следующие положения:

1) армянские духовные семинарии должны быть обращены в школы вероучительские, предназначенные для подготовки священников. Законоучительские должности в правительственных школах должны замещаться, по мере возможности, преимущественно из лиц, прошедших семинарии;

2) учебный план и программа семинарий должны быть установлены правительством по соглашению с армянскою духовною властью; за армянским духовенством остается право наблюдения за преподаванием богословских предметов, а в общем семинарии подлежат надзору правительственной власти;

3) преподавание должно вестись по учебникам, причем общеобразовательные предметы преподаются на русском языке;

4) преподавать как богословскую, так и общие предметы могут лица, имеющие на то право и с разрешения подлежащих органов правительственной власти.

Относительно Эчмиадзинской армяно-григорианской духовной академии в совещании было объяснено, что это высшее учебное заведение имеет целью доставлять общее и богословское обра-

зование для просвещенного служения армянской церкви и готовить преподавателей для духовно-учебных заведений армяно-григорианского исповедания. Эчмиадзинская академия состоит из шести семинарских классов и трех высших академических с годичным курсом в каждом. Таким образом академия сливается с семинарией, причем учебные предметы распределяются по классам советом академии. Насколько известно, из перечисленных в уставе, смешанно для семинарии и академии предметов, в академии преподаются следующие: 1) общая церковная история; 2) введение в курс Ветхого и Нового Заветов; 3) богословие; 4) церковное право; 5) педагогика и дидактика; 6) логика; 7) психология; 8) история философии и 9) немецкий язык. Кроме того введены новые предметы: 1) энциклопедия права; 2) церковная археология; 3) политическая экономия и 4) гимнастика. В настоящее время всех студентов в академии числится 50. Все они, за исключением троих, живут в интернате. Следует при этом заметить, что в академии обучаются армяне также из Турции и Персии. По обмену мнений по поводу приведенных выше сведений об армянской духовной академии были приняты по отношению к названному учебному заведению следующие положения:

1) Академия должна быть богословским учебным заведением. Пункт первый действующего положения необходимо изложить в следующей редакции: «Академия должна преследовать богословские интересы, иметь целью приготовление священно-григорианской церкви и преподавателей для армянских духовно-учебных заведений.

2) Так как никакое учебное заведение немыслимо без правительственного надзора, то таковой должен быть установлен и за армянской духовной академией. Что же касается вопроса о том, как должен осуществляться надзор, то этот вопрос рассмотрен при обсуждении общего вопроса о надзоре за инославными и иностранскими учебными заведениями.

3) Общий план преподавания и программы преподаваемых в академии предметов должны устанавливаться правительственной властью по соглашению с армянским духовным начальством.

4) Языком преподавания для всех предметов не чисто богословского характера должен быть русский язык, причем лица, не состоящие в русском подданстве, могут быть освобождены от обязательного изучения этих предметов за исключением русского языка.

5) Преподавателями в академии должны быть непременно русские подданные, из лиц, окончивших духовную академию или получивших образование в учебных заведениях империи.

4. Старообрядческие учебные заведения, подготовляющие вероучителей и учителей для старообрядческих школ

При обсуждении настоящего вопроса совещание приняло во внимание следующее.

Высочайше утвержденным 17-го апреля 1905 г. положением Комитета министров старообрядцам было разрешено учреждать для своих детей особые начальные училища, причем преподавание Закона Божия детям старообрядцев, как в этих училищах, так и в общих учебных заведениях предоставлено было поручать духовным лицам, настоятелям и наставникам, имеющим звание учителя начального училища. Так как таковых лиц среди старообрядцев вероучителей оказалось совсем недостаточно, то Высочайше утвержденным 17-го октября 1905 года положением Совета министров разрешено было допускать временно в течение 5 лет к означенному преподаванию старообрядческого Закона Божия также и лиц, не обладающих указанным цензом. В 1911 г. указанный срок истек, между тем за это время подготовка старообрядческих вероучителей подвинулась вперед весьма слабо. Ввиду сего Министерством народного просвещения в 1911 г. было внесено в Совет министров представление о продлении действия Высочайшего повеления 17-го октября 1906 г. еще на пять лет, т. е. до 17 октября 1916 г., а также о введении особых правил преподавания Закона Божия детям старообрядцев и сектантов. Высочайшее соизволение на предположенные Министерством меры состоялось 13-го апреля 1911 года, причем в отношении преподавания Закона Божия детям старообрядцев и сектантов установлено между прочим следующее правило: «В качестве преподавателей Закона Божия детям старообрядцев и сектантов допускаются, с разрешения попечителя учебного округа или инспектора народных училищ и уездного училищного совета, по принадлежности, духовные (настоятели и наставники) или светские лица соответствующего согласия или секты, рекомендованные местною старообрядческою или сектантскою общиною и обладающие законченным средним образованием или образовательным цензом учителей начальных училищ. По желанию старообрядческих и сектантских общин к указанному

преподаванию могут быть допускаемы также и лица женского пола, обладающие соответствующим образовательным цензом[«].

Ввиду приведенных правил 13 апр[еля] 1911 г., поставивших для старообрядческих вероучителей известные требования в отношении их образовательного ценза, старообрядцы в настоящее время сильно озабочены соответственной подготовкою своих вероучителей, причем следует заметить, что стремление к образованию пока конкретно проявилось лишь у старообрядцев белокрыницкого согласия.

Первая попытка старообрядцев на пути к просвещению выразилась в устройстве с разрешения Попечителя Московского учебного округа [65] курсов при старообрядческом Рогожском городском училище в Москве, каковые курсы продолжались 4 месяца. Засим, в 1910 г. совет Московской старообрядческой общины Рогожского кладбища возбудил перед Министерством народного просвещения ходатайство о разрешении открыть в городе Москве старообрядческий шестиклассный институт для подготовки старообрядцев к служению в звании священно-церковнослужителей и учителей старообрядческих училищ. В институте предположены к преподаванию следующие предметы: православно-христианский малый катехизис, богослужение (литургия), священное писание Ветхого и Нового завета, основное богословие, догматическое богословие, нравственное богословие, церковное право с практическим руководством для священнослужителей, церковная история всеобщая и русской церкви, история и апологетика старообрядчества, славянский язык, русский язык с теорией словесности и историей русской литературы, педагогика (в курс которой входят логика, психология, сведения из педагогической психологии, история педагогики и дидактика), практические уроки в начальной школе, арифметика, алгебра, геометрия, физика, природоведение, география всеобщая и русская, введение в философию с обзором философских учений, греческий язык, немецкий язык, рисование (иконопись), гигиена и церковное пение. Таким образом, проектируемый учительский институт представляется общеобразовательным духовным учебным заведением и по своей программе ближе всего подходит к православному духовным семинариям. В 1-й класс старообрядческого института предполагается принимать учеников в возрасте от 14 до 18 лет из лиц, окончивших курс двухклассного приходского и сельского училищ, и из учеников городского по Положению 1872 года учи-

лица не ниже 3-го класса (без экзамена), а также из лиц с домашним образованием (по экзамену).

По поставленному на обсуждение совещания вопросу о том, желательно ли учреждение означенного шестиклассного старообрядческого института в Москве, было, между прочим, высказано предположение в том смысле, что приобщение старообрядцев к русской культуре следовало бы достигать предпочтительнее посредством общеобразовательной школы, а не открытием для них особых духовно-педагогических учебных заведений. Если разрешить старообрядцам иметь свой учительский институт, то из него будут выходить не только апологеты, но и пропагандисты раскола, которые будут содействовать развитию и укреплению оппозиции в старообрядчестве. Это тем более опасно, что с точки зрения старообрядчества православная церковь представляется еретической. В настоящее время многие старообрядцы учатся в общих учебных заведениях. Было бы поэтому целесообразнее, чтобы и учителя их получали образование в общих учительских семинариях.

С приведенным мнением совещание, однако, не согласилось по следующим соображениям. Возможность открытия старообрядческого проектируемого института сама собою предполагает требованием учительского звания от старообрядческих законоучителей. Если для подготовки учителей для начальных старообрядческих школ могли бы служить как общеобразовательные, так и специально-педагогические учебные заведения Министерства народного просвещения, то для подготовки старообрядческих законоучителей ни общеобразовательные, ни специальные педагогические учебные заведения, учительские институты и семинарии служить не могут. Не только общеобразовательные, но даже и педагогические учебные заведения, давая общее развитие учащимся и знакомство с методами и условиями преподавательской деятельности в школах, не могут дать специальной богословской подготовки к преподаванию старообрядческого вероучения. Еще менее специально-педагогические учебные заведения могут служить для подготовки старообрядческих духовных лиц – настоятелей и наставников, а между тем Высочайше утвержденные 13-го апреля 1911 года Правила о преподавании Закона Божия детям старообрядцев, требуя от старообрядческих законоучителей учительское звание и призывая к законоучительству прежде всего духовных лиц, тем самым выдвигают на первый план вопрос о подготовке

старообрядческих духовных лиц. Кроме этого, устройство специально старообрядческого учебного заведения для подготовки законоучителей и учителей в настоящее время может быть признано целесообразным и не в интересах только предоставления возможности старообрядцам в надлежащей степени воспользоваться Высочайше дарованным им правом преподавания детям в школах их вероучения, а и в общегосударственных интересах. Подозрительно относясь к православной школе, большинство старообрядцев уверяет воспитание своих детей по домам малограмотным начетчикам и начетчицам, фанатичная настроенность которых и невежество только способствуют укреплению в населении извращенных верований и традиционной замкнутости и невежества старообрядческой среды. Поэтому правильно поставленная в педагогическом отношении старообрядческая школа с учащими, находящимися под контролем учебного начальства, принесла бы несомненную пользу в смысле разумного развития старообрядческого населения и приобщения его к общему культурному росту русского народа. Старообрядчество заслуживает доброжелательного отношения к себе правительства. Если существуют католические и армянские духовные семинарии, то едва ли справедливо было бы отказать в этом старообрядцам – коренному русскому населению, которое является хранителем многих хороших качеств самобытного русского народного характера. Учреждение означенного института не должно служить обособлению старообрядцев, а наоборот будет способствовать сближению их с православною средою на почве общерусского просвещения.

Ввиду приведенных соображений совещание высказалось в пользу учреждения старообрядческого института⁶.

Открытием в Москве старообрядческого шестиклассного института вопрос о подготовке старообрядческих преподавателей Закона Божия в учебных заведениях разрешается, однако, лишь отчасти. Означенный институт один на все старообрядческое население будет для старообрядцев своего рода духовной академией, высшим учебным заведением, из которого будут выходить преподаватели Закона Божия скорее для средних учебных заведений и учительских

⁶ Высочайше утвержденным 18 ноября 1911 г. постановлением Совета министров Министру народного просвещения предоставлено разрешить открытие этого института.

семинарий, чем для начальных училищ, служба в которых едва ли будет заманчивой для окончивших институт. Поэтому является потребность для старообрядцев в учебных заведениях пониженного типа в целях подготовки их вероучителей для школ начальных. Для этого старообрядцам желательны особые курсы подобные тем, которые уже открывались в 1910 г. при Московском Рогожском городском училище. Курсы эти могли бы быть смешанного характера – богословские и педагогические, для подготовки не только вероучителей, но и учителей старообрядческих школ, так как от вероучителей старообрядцев по закону требуется звание учителя начального училища. Подготовка учителей для старообрядческих школ, несомненно, была бы более соответственной в правительственных учительских семинариях; однако, пока старообрядцы чуждаются общих учебных заведений и пока в этих заведениях не будет обеспечена удовлетворяющая их постановка преподавания старообрядческого Закона Божия, учительские семинарии едва ли будут привлекать к себе старообрядцев, тем более что к кандидатам на учительские места, как к будущим воспитателям детей, старообрядцы относятся с особенною осторожностью.

Для прохождения старообрядческих курсов с двойною целью для подготовки вероучителей и учителей, с преподаванием богословских, общеобразовательных и педагогических предметов одного года было бы недостаточно. Поэтому было бы целесообразнее предоставить старообрядцам открывать такие курсы двухгодичные и трехгодичные.

По обмену мнений по настоящему вопросу совещание пришло к следующему выводу. Предоставить старообрядцам открывать педагогические курсы двухгодичные или трехгодичные с добавлением к ним особого богословского курса для прохождения богословских предметов по Правилам 20-го марта 1907 года об уроках и курсах для взрослых. Для поступления на учительские курсы необходимо иметь образовательный ценз, по меньшей мере соответствующий курсу двухклассного начального училища, на дополнительном же богословском курсе могут обучаться как прошедшие предварительно педагогические курсы, так и не проходившие таковых. Курсы могли бы быть открываемы при городских училищах.

5. Сектантские богословские курсы

При обсуждении вопроса о подготовке вероучителей для сектантов в совещании было указано на то, что по отношению к последним едва ли может быть применено в целом решение, принятое для старообрядцев ввиду значительной разницы между теми и другими. У сектантов духовенства не имеется; все миряне равноправны, и факт избрания проповедника не исключает для других права выступать в собраниях. С другой стороны, необходимо иметь в виду самый характер и направление сектантства с государственной точки зрения. Если старообрядчество представляет из себя величину устойчивую в самой себе, то сектантство является воинствующим, проникнуто и живет пропагандой. Сектанты, живущие в России, имеют тесную связь с сектантами, живущими в иностранных государствах, и пользуются проповедниками, получившими богословскую подготовку в соответственных заграничных учебных заведениях, главным образом в Гамбурге, где имеется русская баптистская академия, и во Франкфурте. Поэтому если и может быть допущена в пределах нашего отечества подготовка сектантских вероучителей, то лишь в тех видах, чтобы предотвратить подготовку этих вероучителей в заграничных учебных заведениях, которые могут воспитывать сектантских руководителей в духе, нежелательном для русского государства.

В настоящее время имеется несколько ходатайств об открытии сектантских вероучительских школ. Так называемые евангелические христиане просят о разрешении открыть библейские курсы в Волынской губернии с программой исключительно богословского характера. Есть ходатайство меннонитов (проповедника Унру) об открытии двухлетних библейских курсов в с[еле] Фриденсфельде Херсонской губернии. Обращает на себя внимание тот факт, что на библейских курсах меннонитов преподавание предполагается на немецком языке. Меннониты в настоящее время проникли далеко за пределы Таврической и Екатеринославской губерний, доходят до Харьковской губернии и везде стараются воздействовать на окружающих в смысле своего вероучения и в пользу немецкого языка. В этом нельзя не видеть у меннонитов германизационной склонности, хотя они, разбросанные издавна, с половины 18 столетия, среди коренного русского населения, могли бы считаться утратившими свой немецкий характер. Наконец, в последнее время

появилось ходатайство об устройстве библейских курсов в Петербурге для евангелических христиан. Во главе этой сектантской общины стоит инженер-технолог Проханов. Библейские курсы, о которых Проханов ходатайствует, предполагаются двухгодичные, с приемом на них в возрасте от 20 до 35 лет, причем от поступающих на курсы требуется прохождение средних учебных заведений или городских училищ. Курс наук, главным образом, богословский. В первый год 18 уроков богословских и 4 урока иностранных языков – английского и немецкого, по 2 урока на каждый. Во 2-ой год 19 уроков богословских и тех же 4 урока по языкам. О русском языке не упоминается. Для лиц, не имеющих требуемой предварительной подготовки, предполагается устроить подготовительный класс с общеобразовательными предметами.

Ходатайства об устройстве указанных курсов имеют в виду подготовку проповедников высшего типа. Для пониженного типа проповедников сектанты обыкновенно устраивали курсы кратковременные, до и после полевых работ. Меннониты устраивали такие курсы беспрепятственно, но в настоящее время Министерство внутренних дел требует испрошения разрешения и на эти курсы.

По вопросу о том, чем объяснить стремление сектантов изучать немецкий и английский языки, вытекает ли это стремление только из научных соображений – изучения богословских предметов по английским и немецким источникам, или здесь усматривается также и политическая тенденция, было объяснено, что неизбежной необходимости обращаться при изучении богословских предметов к иностранным сочинениям для сектантов нет, так как в России имеются сектантские издательские и переводческие фирмы (в Петербурге «Радуга», в Риге «Трактатное общество»), и сектантских книг на русском языке имеется достаточное количество. Примешивается ли в данном случае политика сказать затруднительно, но есть много косвенных оснований к тому, чтобы относиться к сектантам с особенной осторожностью. Знание иностранных языков для сектантов, несомненно, важно для сношения с заграничными сектантскими органами, которые могут иметь и политический характер. Поэтому преподавание на богословских курсах следовало бы допустить не на русском языке только для тех сектантов, которые совершенно не знают русского языка.

Ввиду приведенных соображений и принимая во внимание, 1) что к сектантским вероучителям, как в сектантских начальных

училищах, так и в общих учебных заведениях, правительственными актами последнего времени применяются те же требования и правила, как и к старообрядческим вероучителям, 2) что сектантские проповедники, получившие образование под известным правительственным надзором в нашем отечестве, будут менее опасны, чем проповедники с заграничным образованием, причем возможность для сектантов получить богословское образование в России устранил или, по крайней мере, ослабит стремление русских сектантов за границу для получения образования, 3) что сектанты ходатайствуют о разрешении открытия богословских курсов лишь для подготовки проповедников и 4) что общее образование и педагогическую подготовку для учительской деятельности в начальных училищах сектанты могут получать в правительственных учебных заведениях, которых они не чуждаются, совещание пришло к заключению, что сектантам нельзя отказать в устройстве особых курсов, назначенных для подготовки их вероучителей, но курсы эти должны носить исключительно богословский характер, с преподаванием из общих предметов лишь русского языка, причем преподавание на курсах для русских сектантов должно вестись на русском языке, а на курсах для сектантов нерусских допускается также и на родном языке учащихся.

б. Мусульманские школы – медресе

Медресе являются для мусульман центрами высшего религиозного образования. Почти до конца прошлого столетия эти школы имели совершенно ясную цель – приготовление мулл-вероучителей. Сомнений относительно этого не возникло. Если медресе имели в числе предметов преподавания общеобразовательные элементы, то лишь в ограниченном размере, притом сообщение сведений по общим предметам не имело самостоятельного значения, а стояло в действительной связи с изучением ислама. На почве Корана и в связи с ним изучались философия, логика, богословие, метафизика с отделами астрологии и космографии, диалектика, математика, арабская, турецкая и персидская грамматика, история, география, медицина и юридические науки. Обучение в медресе носило схоластический характер. Книги богословского, философского и риторического содержания написаны на арабском и персидском языках; поэтому не все учащиеся в состоянии понимать написанное в этих книгах. В 80-х годах прошлого столетия

среди передовых деятелей мусульманства явилось стремление реформировать постановку учебного дела в медресе в соответствии с современными требованиями европейского образования. Наиболее видным поборником нового направления в образовании мусульман явился редактор-издатель газеты «Переводчик» [66] Исмаил Гаспринский [67], который лет 30 тому назад открыл в Бахчисарае свою типографию, основал газету «Переводчик», стал издавать на разных тюрко-татарских наречиях учебные книги, как религиозного, так и светского характера, открыл в Бахчисарае медресе, напоминающее правительственные учительские семинарии, где будущим учителям мусульманских школ прививались новые взгляды на задачи и способы обучения в этих школах. В 90-х годах прошлого столетия Гаспринский издал первый в России на татарском языке учебник для обучения татар родному языку и грамоте по звуковому методу [68]. Учителя нового направления, вводя в мусульманских мектебе звуковой метод обучения, в то же время стали обращать внимание на преподавание в этих школах общеобразовательных предметов. Вместе с тем появляются и новометодные медресе, которым стараются придать характер самобытных мусульманских или, в частности, татарских общеобразовательных школ повышенного типа. В этих школах светская наука – история, география, законоведение, арифметика, геометрия, физика с космографией и естественной историей и др. получают характер отдельных самостоятельных предметов преподавания. Они преподаются в таком объеме и с таким характером, что ближайшая связь их с исламом утрачивается. Кроме того наряду с этими науками и вероучительными предметами в медресе вводится обучение также педагогике в целях подготовки учителей для мектебе. Особенно сильно это движение в пользу нового направления мусульманских школ обнаружилось в 1905–1907 гг., когда среди мусульман проявилось стремление взять в свои руки управление и заведывание мусульманскими конфессиональными школами и придать им характер правильно организованных учебных заведений, удовлетворяющих потребности мусульман в общем образовании. На съездах мусульманских деятелей в разных местах (в Нижнем Новгороде, Уфе и др.) была подробно разработана организация школьного дела у мусульман как в отношении автономного их управления особыми мусульманскими органами, так и в отношении постановки преподавания в них. Сильное движение мусульман проявилось

по отношению к Правилам 31-го марта 1906 года, которыми мусульманские школы были подчинены надзору и заведыванию органов учебной власти. Бывшее при Министерстве народного просвещения совещание с участием представителей мусульманского населения выработало новые Правила об училищах для инородцев, утвержденные 1-го ноября 1907 года, в коих о мектебе и медресе не имеется уже никаких указаний, вследствие чего эти школы остались при прежних условиях своего существования, т.е. подчиненными Министерству народного просвещения лишь формально.

В начале 1910 года в Министерстве внутренних дел образовано было особое совещание по вопросу о мерах борьбы против панисламизма и пантюркизма в Поволжских местностях. Это совещание обратило особенное внимание на постановку мусульманского школьного дела. Признавая, что так называемые новометодные медресе и мектебе, находясь почти вне фактического правительственного контроля и представляя какие-то своеобразные религиозно-национальные школы часто с сепаратистическим и враждебным русской государственности оттенком отвращают мусульманскую молодежь от поступления в русские школы, означенное совещание высказалось в том смысле, что дальнейшее уклонение конфессиональных мусульманских школ в сторону общеобразовательную и создание под видом их наряду с государственной школой национальных мусульманских учебных заведений представляется недопустимым. Полагая, однако, что религиозное образование населению должно быть предоставлено особенно для столь своеобразной среды, совещание при Министерстве внутренних дел признало допустимым существование медресе и мектебе лишь с тем непременным условием, чтобы эти школы сохранили свой первоначальный, чисто религиозно-духовный характер и чтобы между образованием конфессиональным и общим была положена известная грань. Для практического осуществления такого разграничения вероучительного и общего образования мусульман необходимо установить перечень предметов, преподавание коих являлось бы необходимым для изучения мусульманского вероучения и могло бы быть допущено в мусульманских школах, так как в настоящее время руководители новометодного направления в мусульманских школах утверждают, что все преподаваемые предметы стоят в тесной и неразрывной связи с вероучением ислама. Означенный перечень предметов должен быть составлен правитель-

ственной властью при участии представителей мусульманского духовенства. Такие мусульманские школы, в которых обучение будет происходить по установленной программе вероучительных предметов, могут быть оставлены в ведении мусульманского духовенства, а те из этих школ, которые не будут обращены в чисто конфессиональные, должны преобразоваться в частные учебные заведения на общем основании.

Признавая со своей стороны вышеизложенные принципы целесообразными и приступив к обсуждению вопроса о языке преподавания в медресе, настоящее совещание приняло во внимание, что эти школы имеют стремление к татаризации разных народностей, исповедывающих мусульманскую религию. В Поволжских губерниях и в киргизских степях киргизы, черемисы, башкиры и другие племена, исповедывающие ислам, не имеют книг на своем языке и в школе пользуются книгами на языке татарском. В Закавказье также замечается татаризация мелких мусульманских племен. Господствующий здесь тюркский язык выражается в двух наречиях – турецком и азербайджанском. Тюркский язык отличается особенною легкостью изучения, причем сама жизнь наталкивает на это изучение. Из Дагестана, напр[имер], половина населения уходит на заработки, часть – на Бакинские промыслы в татарскую среду, а часть – в Персию. Здесь дагестанцы и усваивают чужой язык. Кроме того, еще одно важное обстоятельство способствует распространению в Закавказье тюркского языка, это религиозные паломничества мусульман. Каждый из них считает долгом посетить священные места – сунниты идут в Мекку [69], шииты – в Мешхед [70] или в окрестности Багдада, и эти паломничества мусульмане могут делать опять-таки при помощи тюркского языка. На своем родном языке горцы говорят плохо, многие местные названия приобрели окончания тюркско-татарские. Борьба против татарского языка трудно, но главным орудием для борьбы было бы распространение среди горцев грамотности на других местных языках. Для государства конгломерат мелких народностей представляется менее опасным, чем поглощение этих народностей татарами, тем более, что пока эти народности не сольются с мусульманско-татарским миром, они легче с течением времени могут перейти к русской школе.

Ввиду этого совещание по поводу о языке преподавания в медресе приняло следующее положение: в этих школах помимо арабского языка необходимого для изучения мусульманского ве-

роучения, в виде подсобного языка при преподавании должен служить родной язык учащихся.

Засим, имея в виду, что проводником татарского языка в настоящее время является мулла в мектебе, совещание коснулось существующего порядка получения свидетельства на звание муллы. При этом совещание подтвердило необходимость мер, в пользу которых высказалось бывшее в 1910 г. при Министерстве внутренних дел совещание по вопросу о борьбе с панисламизмом и пантюркизмом в Поволжье. Это совещание имело в виду ослабить значение муллы, как проводника татарского языка, путем децентрализации духовного управления мусульман и изменения теперешних условий испытания мулл. Оренбургское магометанское духовное собрание [71] заведует духовными делами мусульман почти всей Европейской (за исключением Кавказа и Крыма) и Азиатской (кроме Туркестана) России. Пользуясь принадлежащим ему правом производить экзамен на звание муллы, духовное собрание производит эти экзамены по произвольной программе, и притом исключительно на татарском языке. Это обстоятельство заставляет инородцев нетатарского происхождения, ищущих звания муллы, изучать татарский язык. Поэтому означенное совещание предположило такие меры: 1) установить, что испытания на звание муллы должны происходить на родном языке испытуемых по определенной программе, выработанной духовным собранием и утвержденной Министерством внутренних дел, 2) установить, что для производства испытаний мулл, проживающих вне Уфимской губернии, должны быть образуемы в местностях, населенных преимущественно мусульманами, особые временные испытательные комиссии и 3) признать необходимым переустройство духовного управления мусульман на началах децентрализации.

В связи с изложенным совещание подвергло обсуждению вопрос о том, какие меры могли бы быть приняты к тому, чтобы муллы, с допущением их в качестве вероучителей в государственную школу, обладали знанием русского языка. В настоящее время от кандидатов на должности мулл требуется представление свидетельства в знании русской разговорной речи и умении читать, причем испытания в этих знаниях производятся при городских училищах особыми комиссиями. Означенные требования представляются минимальными; кроме того, на практике слабо выполняются, вследствие чего из мулл многие слабо понимают русскую речь. Между тем

в качестве вероучителей правительственных школ муллы должны обладать известным знанием государственного языка, так как только при этом условии они могут быть допущены в русскую школу в качестве преподавателей вероучения, причем ввиду предстоящего введения всеобщего обучения вопрос о подготовке таких вероучителей приобретает особенно важное значение.

Для подготовки мулл, знающих русский язык, указывались в совещании, между прочим, следующие способы: 1) устройство при медресе классов русского языка, 2) предварительное прохождение правительственной начальной школы до поступления в медресе, 3) одновременное с обучением в медресе приобретение знания русского языка на стороне – в особых заведениях или курсах, устраиваемых на местные или казенные средства. Но ни одно из этих предположений, однако, совещанием принято не было. Устройство русских классов при мусульманских школах – медресе и мектебе – предписывалось законом еще с 1874 г., однако эта мера не достигла цели несмотря на то, что устройство таких классов поддерживалось правительством и учителям их предоставлялись даже известные права государственной службы. Осуществление второго предположения признано было затруднительным и даже невозможным ввиду того, что требование от поступающих в медресе предварительного прохождения правительственной начальной школы было бы стеснением для мусульман в области их религиозного образования. Также признано было невозможным и приобретение муллою знания русского языка во время обучения в медресе путем одновременного посещения особых курсов русского языка. Это затруднительно ввиду существующей организации медресе. Ученики медресе живут при этих школах и все время учатся, проходя одну книгу за другой, не имея времени для других занятий. Что же касается устройства особых для подготовки мулл учебных заведений, то в правительственные школы такого рода мусульмане не пойдут, так как могут в них усмотреть опасность для мусульманства, а свои учебные заведения специально для подготовки мулл при наличности медресе, удовлетворяющих теперь этой потребности, мусульмане едва ли будут учреждать.

Вследствие изложенного и ввиду чрезвычайного разнообразия местных условий совещание признало необходимым способы подготовки мулл в знании русского языка предоставить установить

учебным округам с тем, чтобы выработанные на местах меры представлялись на окончательное утверждение Министерства.

7. Вероучители у ламаитов

При обсуждении вопроса о ламаитских школах и ламаитских вероучителях-ламах в совещании было выяснено следующее.

У ламаитов нет в строгом смысле слова ни вероучительных, ни вероучительских школ. Такое положение дела вытекает из самого учения Будды. По словам Будды, воспринять его учение могут только люди, всецело отдавшиеся этому делу. Позднейшие истолкователи учения Будды развили эту мысль еще дальше, именно в том смысле, что никто не может изучать буддийскую религию кроме лиц, принявших на себя монашеские обеты ламы. Для распространения религии и ее процветания каждый отец должен одного из трех сыновей отдавать в монахи. Тибетцы и монголы слишком ревностно исполняли это правило: они стали отдавать в монастыри даже единственного сына, что, однако, в 1640 г. было запрещено монгольскими ханами. Это запрещение, в свою очередь, вызвало новое правило у ламаитов, по которому светские люди могли временно принимать на себя монашеские обеты для изучения ламаизма и потом снимать эти обеты и возвращаться снова к обыденной жизни в степи. У наших калмыков и бурят в 20-х годах прошлого столетия было постановлено не отдавать в монахи даже одного из двух сыновей. Из этого можно заключить, как должно быть велико число учащихся у лам, если даже допустить, что в монастыри поступает один из трех сыновей. У бурят в 1899 г. было 8–9 тысяч учащихся, а у калмыков в 1910 г. – свыше 3 тысяч.

Посвящение в ламы обычно совершается еще в младенчестве, в возрасте от 4–5 лет, а [в] 8–9 лет посвященных отводят уже в монастырь и отдают тому или другому ламе для обучения. Переданный ламе ученик живет обычно в доме своего учителя и нередко исполняет разного рода домашние работы; на содержание его родители доставляют потребные провианты, причем привозится подарок и учителю. Определенной платы за учение не существует, и никаких договоров по этому вопросу никогда не ведется, но каждый отец по благочестию вознаграждает ламу-учителя своего сына – чем может. Обучение начинается с изучения тибетской азбуки и тибетских молитв начиная с утренних и кончая вечерними. В течение 2–3 лет текст молитв заучивается наизусть, но безо всякого понимания, так

как тибетский язык, на котором написаны богослужебные книги у ламаитов, совершенно непонятен для обучающихся. После того как ученик заучит весь круг необходимых молитв на тибетском языке, учитель начинает упражняться с ним в переводах прочитанного и выученного на родном – монгольском языке, причем перевод делается дословно. При хороших успехах этот курс обязательного ламского учения, состоящего исключительно из молитв, проходится лет в пять, а при плохих и в десять. Это первая степень посвящения, дающая звание маньчжика. После сего многие из послушников оставляют монастырь, возвращаются в степи и ведут там обычную жизнь простолюдина. Другие остаются в монастыре, приобретают название старших учеников и ожидают посвящения во второй сан – гецуля. В это время некоторые из них начинают изучать догматику ламаизма, другие – медицину, астрологию и проч., в ту же пору они начинают учиться и своей родной монгольской грамоте. Потом следует третья степень – гелюнг, посвящение в которую требует изучения дутьба или канонического права ламаитов. Этим кончается обучение. Далее следует высшая степень посвящения – цанита. В это время изучаются логика, метафизика, психология и каноническое право, причем обучение на этой ступени сопровождается диспутами и продолжается от 5 до 13 лет.

Что же касается простого люда, не посвященного в изучение религии, то ему рекомендуется молиться, заучив совершенно непонятные ему слова какой-либо тибетской молитвы, чувствовать будд и лам поклонами и жертвоприношениями, приглашать лам в дом для совершения различных молебствий, на которых, однако, присутствие самого мирянина необязательно, и, наконец, слушать нравственные наставления лам, приглашаемых на дом. Поэтому мирянин-ламаит обычно даже умирает, решительно не зная своего вероучения или же имея о нем самые смутные представления понаслышке. Исключение их представляет только самая незначительная часть зажиточных людей, которые проникшись благоговением в возрасте приблизительно 30 и более лет, приглашают к себе лам и, принимая от них посвящение на чтение того или другого отдела богословских книг, изучают эти книги под их руководством. По этой причине ламайское вероучение не преподавалось ни в калмыцких улусных школах, ни в бурятских училищах при степных думах. В курсе преподавания казачьих школ калмыков Донской области вероучение было внесено по примеру Астрахан-

ского калмыцкого училища, учрежденного в 1847 г., но преподавание его поставлено весьма слабо.

В Астраханском училище в дни и часы, назначенные для преподавания ламанизма, в классе является гелюнг и совершает т[ак] н[азываемый] «укал» – молебствие, ближе всего подходящее к нашему водосвятию. В калмыцких донских школах употребляется калмыцкий сборник легенд о Дара-экэ – сочинение, имеющее совершенно то же религиозное значение, как, напр[имер], наше «сказание о хождении Богородицы по мукам».

Что касается отношения ламаитов к русскому языку, то стремление к его изучению замечается у бурят и донских калмыков, которые, в силу исконной близости их жилищ к русским поселениям, поддались русскому влиянию и уже обучают своих детей в русских начальных училищах. Те же инородцы-ламаиты, которые остаются носителями азиатской культуры востока, до сих пор еще в значительной степени сторонятся от России; таковы, главным образом, астраханские калмыки и забайкальские буряты.

По отношению к ламаитскому вопросу Министерство внутренних дел находится в периоде изучения и обследования.

Первое ознакомление с ламаитским миром было произведено в 1909 г., когда были командированы чины министерства в Иркутскую губернию и Забайкальскую область для выяснения на месте данного вопроса. Этим обследованием выяснилось лишь то, что положение ламаитов ненормальное. Весь ламаитский мир живет на основании архаических положений, существующих только на бумаге. Уложение о ламаитах, имея в виду сократить число лам, определяет известное число их при каждом монастыре; однако штаты эти не применяются, и в дацанах живут не десятки, а сотни и тысячи лам, причем весьма трудно произвести разверстку лам и их учеников – увараков. Ламаизм сам по себе не представляет ничего враждебного к русской культуре, доказательством чему служат донские калмыки, которые посещают русские школы и удовлетворительно знают русский язык; среди забайкальских бурят также имеется интеллигенция, которая проходит высшие русские учебные заведения и сознает необходимость сближения с общерусскою массою и государством. Однако правительству предстоит медленная поступательная работа пробить сложившуюся в течение долгих лет отчужденность ламаитов от русского населения. Министерство внутренних дел в настоящее время занято разработкой

положения о бурятах в Иркутской губернии и Забайкальской области; имеется в виду ввести в нормы разросшееся монашеское сословие, причем, в виду упущения прежнего времени прибегать к каким-либо насильственным мерам не придется.

На основании приведенных сведений совещание пришло к тому заключению, что в настоящее время не приходится касаться обучения в ламайских монастырях, так как это обучение не носит школьного характера. Что касается вопроса о подготовке лам, которые могут быть вероучителями в правительственных школах, то к ним следовало бы применить требование знания русского языка. Но так как это требование может получить осуществление лишь через десятки лет, когда будет действовать среди ламаитов русская школа и когда через общение с нею ламы могут научиться русскому языку, то в ближайшее время остается неизбежным допустить в правительственные школы для преподавания вероучения нынешних лам, даже не обладающих знанием русского языка.

8. Еврейские школы ешиботы

Означенные школы существуют на основании временных правил 13 ноября 1844 года о еврейских конфессиональных учебных заведениях «для молодых людей, которые желают получить подробнейшие сведения в талмуде и источниках еврейских религиозных законов или приготовиться к раввинскому званию». В настоящее время существует около 40 ешиботов, причем 12 из них находится в губерниях Привислинского края. Ешиботы подлежат надзору Министерства народного просвещения, от преподавателей в них требуется образовательный ценз не ниже учителя начального училища; преподавание в ешиботах еврейского языка и Библии, по разъяснению Министерства народного просвещения 4-го марта 1899 года, должно вестись, безусловно, на русском языке, а преподавание талмуда по возможности на этом языке, по соглашению учебного начальства с учредителями или содержателями ешиботов.

Принимая во внимание, что ешиботы имеют целью сообщение высших еврейских религиозных знаний и подготовку к раввинскому званию и что существование этих заведений не вызывает никаких недоразумений, совещание полагало возможным оставить ешиботы при нынешних условиях существования. По вопросу же о языке преподавания в ешиботах совещание высказалось в смысле применения к ним Высочайшего повеления 17 апреля 1905 года

о преподавании Закона Божия инославных христианских исповеданий на родном языке учащихся.

Перейдя, засим, к вопросу о частных учителях еврейского закона веры – меламдах, совещание приняло во внимание следующее.

Обучение детей закону веры возлагается у евреев на особых учителей-меламдов. Таким образом, в руках меламдов сосредоточиваются обязанности, которые дают им возможность влиять на все подрастающее еврейское поколение. Правительство, принимая меры к сближению евреев с остальным населением, не могло не обратить внимания на меламдов. Первым шагом правительства на этом пути было Высочайшее повеление 13-го ноября 1844 г., которым постановлялось: 1) затруднять выдачу дозволенных на право обучения свидетельств тем евреям, кои не занимались ранее сего обучением, подвергая их строгому испытанию не только в предметах еврейского закона, но и в общих науках, и 2) по приготовлении в достаточном числе учителей в раввинских училищах, прекратить вовсе выдачу дозволенных свидетельств на звание домашних учителей закона тем, кои не обучались в казенных еврейских училищах. Мера эта, однако, не имела успеха. Из имевшихся в то время данных усматривается, что в 1845 г. в Виленском учебном округе явилось за получением означенных свидетельств лишь 1839 меламдов из 6261, о которых имелись сведения, а в следующем 1846 г. уже никого не явилось. 7 июня 1855 года последовало новое Высочайшее повеление, которым было постановлено, что по истечении 20 лет никто не может быть определен в раввины и учителя еврейских предметов, кроме окончивших курс в раввинских училищах или в общих высших и средних учебных заведениях. Этот закон, побудивший меламдов еще с большим упорством укрывать свои школы от всякого правительственного надзора, послужил поводом к испрошению Высочайшего повеления 5 ноября 1856 г., которым устанавливались довольно строгие меры надзора за частным обучением еврейских детей. Но и это узаконение не привело ни к каким результатам. Поэтому 4 мая 1859 г. последовало Высочайшее повеление, которым обучение еврейских детей закону веры предоставлялось усмотрению их родителей, а меламдам, не опороченным в поведении или законопротивных поступках и не замеченных в особом проявлении фанатизма, дозволялось выдавать свидетельства на основании порядка, установленного в 1844 году. При этом, впрочем, было оговорено,

что таковую выдачу следует продолжить только в течение 10 лет, по окончании же сего срока производить ее только прежним меламам, а вновь поступающих определять не иначе, как из обучавшихся в раввинских училищах или в общих высших и средних учебных заведениях, в 1875 же году привести в полное действие указ 7 июня 1855 г., по которому через 20 лет меламами могут быть исключительно только евреи, обучавшиеся в означенных учебных заведениях. Наступили указанные сроки (1869 и 1875 гг.), а приведенные Высочайшие повеления остались без исполнения, так как ни о каком формальном определении и ни о каких свидетельствах ни старые, ни новые меламады не заботились, и число таких меламадов, которые обменивали старые свои свидетельства на новые, с каждым годом все более и более уменьшалось. Ввиду, однако, истечения означенного срока и не имея никакой возможности привести в исполнение помянутые Высочайшие повеления, Министерство народного просвещения поставлено было в необходимость несколько раз испрашивать через Комитет министров разрешение продолжить прежний порядок выдачи меламам свидетельств, пока Высочайшим повелением 9 марта 1879 г. Министерству не было разрешено производить выдачу свидетельств на прежнем основании, без обозначения особого срока, впредь до окончания рассмотрения дела Государственным советом и издания нового закона о евреях, занимающихся преподаванием вероучения. После еще нескольких неудачных попыток так или иначе разрешить этот вопрос все дело о меламадах было передано на обсуждение образованной при Министерстве внутренних дел высшей комиссии для пересмотра всех действующих о евреях в империи законов, которая в окончательных своих выводах по сему вопросу пришла к заключению, что никакого испытания на звание меламада устанавливать не следует, а необходимо лишь учредить за деятельностью этих лиц известный контроль. К этому мнению высшей комиссии присоединилось Министерство народного просвещения, причем, со своей стороны, высказывало то соображение, что следует заботиться не о возвышении умственного уровня меламадов, а о возможно большем умственном развитии окружающей их среды. В пользу такого соображения говорил, между прочим, тот факт, что в больших городах, где масса еврейского населения достигла некоторого развития, авторитет меламадов уже поколеблен и общее число их сократилось.

Ввиду изложенных соображений Министерством народного просвещения в конце 1892 года было внесено в Государственный совет представление о меламдах, а 1-го марта 1893 г. состоялось Высочайшее повеление по сему предмету в том смысле, что каждый еврей, занимающийся обучением еврейских детей закону их веры, а равно чтению и письму по-еврейски, обязан иметь на такие занятия и соединенное с ними звание меламда особое свидетельство, которое выдается на один год директором народных училищ с взиманием лишь 3-х рублей платы, но без всякого испытания. 5-го сентября 1893 года Министерством народного просвещения были утверждены Правила о порядке применения означенного Высочайшего повеления, каковые Правила применяются и в настоящее время.

Усматривая из приведенных сведений, что применение к меламдам строгих требований в отношении образовательного их ценза признано правительством неосуществимым, а с другой стороны, имея в виду, что необходимость в еврейских вероучителях вытекает из религиозных потребностей евреев, так как каждый еврей, отец семейства, должен непременно заботиться об обучении детей закону своей веры, совещание, не касаясь действующих правил о меламдах как частных вероучителях, остановилось на вопросе о том, какие требования могли бы быть предъявлены к лицам, допускаемым в правительственную школу для преподавания еврейского закона веры, как в отношении общего образовательного ценза, так и в отношении их богословской подготовки.

При обсуждении вопроса об образовательном цензе еврейских вероучителей, допускаемых к преподаванию в правительственных школах, совещание приняло в соображение, что установление какого-либо повышенного образовательного ценза для таких лиц представляется едва ли возможным. Предъявляемое издавна требование, чтобы еврейские предметы в талмуд-торах преподавались лицами, имеющими звание не ниже начального учителя, нередко ставит учредителей и содержателей этих школ в затруднительное положение, с одной стороны, ввиду недостатка в таких лицах, а с другой стороны. Ввиду отсутствия средств на их вознаграждение. Ввиду сего Министерство народного просвещения в 1896 г., по рассмотрении прошений старшин некоторых талмуд-тор о допущении к преподаванию еврейского закона веры в этих школах меламдов, разъяснило, что в тех талмуд-торах, в коих по местным

условиям представляется невозможным приглашать учителей, имеющих звание не менее начального учителя, может быть разрешаемо временное допущение к преподаванию и лиц, не обладающих установленным образовательным цензом, но обязательно владеющих русскою речью.

Такие же соображения, по мнению совещания, применимы и по отношению к преподаванию еврейского закона веры в правительственных начальных школах. С осуществлением всеобщего обучения и с расширением школьной сети при допущении в школах еврейского закона веры может обнаружиться большая потребность в еврейских вероучителях; между тем, найти таковых со званием учителя начального училища иногда может оказаться весьма затруднительно, как по недостатку подходящих лиц, так, главным образом, и потому, что обеспечение содержанием еврейских вероучителей в школе будет находиться в зависимости от местных источников и от состоятельности местного еврейского населения.

Ввиду приведенных соображений совещание признало возможным предъявить к еврейским вероучителям в правительственной школе лишь минимальное требование, чтобы они обладали знанием русского языка и прошли одноклассную начальную школу.

Что же касается объема богословских знаний таких вероучителей и способов проверки этих знаний при допущении на вероучительские должности, то по этому вопросу в совещании были высказаны разные предположения. Во-первых, указывалось на предоставление проверки богословских знаний еврейских вероучителей казенному раввину. Предположение это было отклонено совещанием по тем соображениям, что казенный раввин сам может быть некомпетентен в данной области и что подобный порядок мог бы повести даже к злоупотреблениям со стороны раввина. Во-вторых, указывалось на предоставление избрания еврейского вероучителя самим еврейским обществом. С этим предположением совещание также не согласилось: с одной стороны, таким путем не разрешается вопрос о том, какие богословские познания требуются от еврейских вероучителей, а с другой стороны – едва ли было бы желательно предоставлять еврейским обществам право избрания еврейского вероучителя родителям учащихся – было также отклонено совещанием на том основании, что родители не могут быть компетентными в оценке подготовки избираемого лица и что

вообще вмешательство родителей в школьные дела не может быть признано желательным.

По дальнейшем обмене мнений совещание пришло к тому выводу, что обсуждение и разрешение вопроса относительно объема богословских знаний и способов проверки их в отношении отдельных кандидатов на еврейские вероучительские должности в правительственных школах следует предоставить предварительно обсудить раввинской комиссии, собираемой по временам при Министерстве внутренних дел для обсуждения касающихся евреев разных вопросов.

В. Вероучительные школы (протестантские кантораты, еврейские хедеры, мусульманские – мектебе и караимские школы)

1. Кантораты. История канторатов в Привислинском крае находится в тесной связи с историей немецкой колонизации, начало которой относится к последним годам XVIII века. Появившиеся в это время первые немецкие колонисты из своей среды выбирали грамотное лицо, которое обучало их детей Закону Божию, пению церковных гимнов и природному языку, а по воскресным и праздничным дням обыкновенно в молитвенном доме читало взрослым печатные проповеди. Лица, исполнявшие такие обязанности, назывались канторами. С учреждением в губерниях Царства Польского отдельных евангелическо-аугсбургских и реформатских приходов, деятельность канторов была подчинена надзору пастора. С этого же времени стало развиваться систематическое начальное образование и появились особые школы, так называемые кантораты. Первым историческим памятником, упоминающим о канторатах, является предложение наместника Царства Польского Паскевича [72] на имя попечителя Варшавского учебного округа от 18–28 июля 1847 г., в котором в числе средств «для поддержания немецкого языка и религиозного духа в протестантском народонаселении» Привислинского края (в противовес польскому языку и католицизму) указывалось, между прочим, «чтобы духовные евангелические училища или кантораты (где юношество обучается чтению и письму, равно первым началам своего исповедания) не были стесняемы и оставались бы как доселе в ведении консистории» и «чтобы евангелики, принадлежащие к таким духовным училищам или канторатам, ни под каким предлогом не были под-

вергаемы платежу складок в пользу начальных училищ польских». Затем, в Высочайше утвержденном 8 февраля 1849 года уставе для евангелическо-аугсбургской и реформаторской церкви в Царстве Польском (§ 201), в Высочайше утвержденном 8 мая 1862 г. уставе об общественном воспитании в Царстве Польском (ст[атья] 31) и в Высочайшем указе 30 августа 1864 г. (ст[атья] 30) о начальных училищах в названном крае указывалось, что кантораты остаются на прежнем основании исключительно в ведении подлежащих консисторий, причем в Указе 30 августа 1864 г. было добавлено: «под общим лишь надзором учебных дирекций; причем означенным консисториям предоставляется учреждать, на том же основании, и новые училища сего рода». Наконец, Высочайше утвержденным 1-го мая 1869 года положением Комитета по делам Царства Польского было постановлено: «1) оставив начальные училища (кантораты) при евангелическо-лютеранских и реформаторских в губерниях Привислинского края приходах в ведении подлежащих консисторий под общим надзором учебных дирекций, постановить, что лица, коим вверяется преподавание в сих училищах, должны быть назначаемы по предварительному соглашению консистории с начальником местной учебной дирекции и 2) поручить как консисториям, так и начальникам учебных дирекций заботиться, чтобы посредством постепенного приготовления учителей, знающих требующиеся языки, обучение в начальных училищах при евангелическо-лютеранских и реформатских приходах могло быть производимо там, где население происхождения немецкого, на немецком и русском языках, а где население польского происхождения – на языках польском и русском».

Таковы главнейшие положения, касающиеся канторатов. В 1864 г. в Привислинском крае этих школ считалось всего 619, в настоящее время часть канторатов (225) обращены в начальные училища общего типа канторатов, как таковых, имеется всего от 350 до 390.

Курс в канторатах продолжается 2–3 года; поступают туда дети от 7 до 10 лет, с платою по 40 коп. в месяц. По проверенным в последнее время данным, учебно-воспитательное дело в канторатах находится в совершенно неудовлетворительном состоянии. Учителя-кантораты, не получившие надлежащей подготовки, необходимой для целесообразного ведения школьного дела, вообще плохо владеющие русским языком, находясь в нравственной и ма-

териальной зависимости от пасторов и будучи фанатически настроены последними, не ведут и не могут вести с учащимися подготовительных бесед для ознакомления детей с русскою разговорною речью, не ведут также и звуковых упражнений и не умеют вести объяснительного чтения, содействующего и усвоению учащимися русской речи, и обогащению их сведениями, обусловливающими ознакомление учащихся с русским государством и его историческою жизнью. Вообще же, занимаясь исключительно почти обучением детей Закону Божию для приготовления их к конфирмации, немецкому языку, церковным песнопениям и немецким национальным песням, канторы знакомят старших из числа учащихся с русскою грамотою лишь настолько, насколько это необходимо для того, чтобы во время ревизии свидетельствовать о производившихся вообще занятиях по обучению учащихся русскому языку, для каковой цели последними обыкновенно механически заучиваются наизусть по книге для чтения несколько статей, без понимания не только их содержания в известной связи и последовательности, но даже и без запоминания значения отдельных русских слов. Таким образом, все изучение русского языка в канторатах сводится единственно лишь к большей или меньшей беглости чтения старшими из учащихся выученных наизусть статей по книге для чтения, без всякого понимания прочитанного. Русскою разговорною речью учащиеся вовсе не владеют и даже почти вовсе не понимают ее, и кантораты в действительности все более и более превращаются в специально немецкие школы, сливающиеся в то же время на практике в одно, так сказать, целое с молитвенными домами как центрами исключительной немецкой обособленности, совершенно враждебной интересам местного населения и вполне чуждой коренным задачам русской государственности. Крайне низкий уровень образования канторатов, их фанатическая настроенность, их изолированное и, как свидетельствует практика, почти несменяемое положение исключают всякую возможность более или менее соответственного воспитания учащихся в канторатах, которые к тому же по своему строю и направлению остаются в состоянии, не допускающем никакого прогресса. На ненормальное положение канторатов указывалось, между прочим, во всеподданнейшем отчете Люблинского губернатора за 1901 г., и другие губернаторы Царства Польского, отмечая отчужденность немецкого населения от общей школы и плохое состоя-

ние их собственных школ (канторатов), признавали необходимым преобразовать эти последние в общие начальные училища. В Седлецкой губернии в некоторых канторатах, существующих с 80-х годов прошлого столетия, обнаружено было полное непонимание русской речи. По Министерству народного просвещения вопрос о канторатах в 1903 г. передан был на обсуждение съезда начальников учебных дирекций Варшавского учебного округа под председательством бывшего Попечителя округа, ныне члена Государственного совета, сенатора А.Н. Шварца [73]. Большинство членов съезда склонялось к мысли о преобразовании канторатов в начальные училища на общем основании, а меньшинство, мнение которого разделял и председатель съезда, находило более целесообразным оставить их на положении исключительно вероисповедных школ, в случае же невозможности этого применить по отношению к канторатам особые меры, которые могли бы несколько улучшать учебно-воспитательную часть в существующих канторатах. Таковыми мерами признавались следующие: а) все наличные канторские учителя, не окончившие курс учительской семинарии или не имеющие свидетельства на учительское звание (не ниже звания начального учителя), должны подвергнуться не позднее двухлетнего срока со дня объявления им распоряжения о сем испытанию из полного курса двухклассных начальных училищ по установленной для этих училищ программе и испытанию в практическом знакомстве их с правильными приемами преподавания в низших школах. Учителя-канторы, не выдержавшие удовлетворительно означенного испытания, увольняются от исполнения учительских обязанностей немедленно по получении уведомления о сем от подлежащей учебной дирекции; учителя-канторы, имеющие указанный выше образовательный ценз, но недостаточно знакомые практически с правильными приемами обучения, освобождаясь от испытания, прикомандировываются властью начальника учебной дирекции к ближайшим, по возможности лучшим, начальным училищам на срок от 6-ти недель до 2-х месяцев ежегодно в начале или конце учебного года для практического изучения русского языка и приемов обучения под руководством учителя данного училища. Такое прикомандирование допускается не более трех раз в течение трехлетнего периода, непосредственно следующего со времени издания общего распоряжения об означенном испытании канторатских учителей. Такое же прикомандирование и на тех же

основаниях и с теми же последствиями должно применяться и к тем канторатским учителям, которые по выдержании упомянутого испытания при учительской семинарии окажутся впоследствии по причине своей небрежности к поддержанию себя на уровне требуемой от учителя подготовки малопригодными к исполнению учительских обязанностей в канторатах. С целью облегчения средств учителям в подготовке к испытанию разрешается и их прикомандировывать в течение двухлетнего срока, имеющего быть назначенным для их испытания, к начальным училищам для занятий под руководством учителя училища.

б) Открывающиеся в канторатах учительские вакансии на будущее время должны замещаться исключительно лицами, окончившими курс учительской семинарии или приобретшими учительское звание не ниже начального учителя. В случае же недостатка в таких лицах в обязанность приходского духовенства, в ближайшем ведении коего находится данный канторат, вменяется пригласить для преподавания русского языка и арифметики православное лицо.

в) Для предоставления канторам средств к поддержанию себя на уровне тех требований, коим они должны отвечать по своей подготовке, при канторатах обязательно учреждаются по изданию о сем надлежащего распоряжения учительские библиотеки, пополняемые в порядке постепенности необходимыми для учителя книгами и учебными пособиями, не исключая и наглядных пособий. Для лучшего усвоения учащимися русского языка и с целью их умственного развития при канторатах обязательно должны быть учреждены ученические библиотеки, состоящие преимущественно из книг на русском языке для внеклассного детского чтения. Для тех и других библиотек книги и учебные пособия приобретаются из числа одобренных для начальных училищ Министерством народного просвещения и евангелическо-аугсбургскою и реформатскою консисториями по принадлежности. Более же подробный порядок пополнения книгами библиотек канторатов устанавливается местным начальством по соглашению с консисториею.

г) Дозволить преподавание в канторатах, в случае желанья, всех предметов курса начального училища, причем по учебным предметам: Закону Божию, русскому, немецкому или польскому языкам и другим предметам курса начального училища должны быть составлены примерные программы с указанием минимально-

го объема учебного материала, который должен быть сообщен учащимся в канторатах. При этом необходимо распределить этот материал на трехлетний курс применительно к курсу начальных училищ в предположении, что большинство детей, посещающих кантораты, обучается в них не менее 3-х лет, и составить определенное расписание уроков с целью установления некоторого однообразия в дневных занятиях учащихся и установления числа часов занятий по каждому предмету в течение учебного года. Продолжительность дневных занятий и вакационного времени в канторатах желательно согласовать с таковою же в начальных училищах. Введение в канторатах преподавания всех предметов курса начального училища признается желательным, в целях облегчения постепенного преобразования их в нормальные начальные училища.

д) Установить как постоянное правило, что при устройстве временных педагогических курсов для учителей начальных училищ канторатские учителя могут быть по усмотрению местной учебной инспекции привлекаемы на счет консистории к занятиям на сих курсах преимущественно с целью практического ознакомления их с приемами обучения.

е) Исходатайствовать постановление, чтобы преподавание в канторатах всех предметов за исключением Закона Божия и природного языка учащихся происходило только на русском языке. В то же время представляется вполне целесообразным вменить чинам учебной инспекции в обязанность требовать при ревизии канторатов, чтобы учителя вели с учащимися соответственные письменные упражнения по русскому языку и арифметике, обучали детей русской разговорной речи, вели исправные классные и вписные журналы учащихся на русском языке, по установленной инструкцией для начальных училищ форме, списки библиотечного имущества, представляя ежегодно начальнику дирекции письменный отчет о состоянии вверенных им канторатов по принятой для начальных училищ форме и вообще вели по делам канторатов всю переписку на русском языке по принятому в начальных училищах порядку.

ж) Для постоянного руководства канторатских учителей, в особенности же молодых и малоопытных, представляется не бесполезным составить определенную инструкцию с указанием в одной их обязанностей и организации канторатов в учебно-воспитательном отношении.

з) Разъяснить в установленном порядке, что в канторатах, как евангелических вероисповедных школах, не могут обучаться дети лиц иных вероисповеданий, и определить приблизительно какого возраста дети могут обучаться в них, в особенности при совместном обучении мальчиков и девочек.

и) В целях обеспечения канторатов надлежаще подготовленными учителями обязать евангелическо-аугсбургскую и реформатскую консисторию изыскать денежные средства для увеличения жалованья учителей, по крайней мере, до размера жалованья городских начальных учителей, если канторат находится в городе, и сельских учителей, если канторат находится в деревне. Для улучшения же санитарно-гигиенической обстановки занимаемых канторатами помещений и квартир учителей вменить консистории в обязанность, в случае признания местною учебною властью таковых помещений не отвечающими своему назначению, производить по указанию подлежащего начальника дирекции неотлагательно необходимый ремонт или же строить новые здания, руководствуясь примерным планом, принятым к руководству при постройке зданий для начальных училищ Варшавского учебного округа.

і) Для обеспечения канторатов, как в настоящее время, так и в случае преобразования в нормальные начальные училища, надлежаще подготовленными учителями необходимо, кроме существующей в Варшаве учительской семинарии для приготовления учителей-лютеран, учреждение еще одной такой же учительской семинарии по крайней мере или же открытие параллельных классов при Варшавской или другой какой-либо семинарии, как, например, при семинарии, проектируемой к открытию в гор[оде] Новорадомске Петровской губернии, причем на средства консистории должно быть учреждено при таких семинариях или параллельных классах, обязательно состоящих в ведении учебного начальства, достаточное число стипендий для лиц, желающих обучаться в них с целью поступления в канторатские учителя.

Приведенные меры, однако, до настоящего времени не осуществились, и кантораты остаются на прежнем положении. 31-го января 1907 года последовало Высочайшее повеление о разрешении преподавания в начальных училищах Варшавского учебного округа, устраиваемых для детей немецкого происхождения, всех предметов кроме русского языка, истории и географии на родном языке учащихся, т. е. немецком. Это Высочайшее повеление было применено

и к канторатам. Одновременно с этим духовною властью были выработаны программы и таблица недельных уроков для канторатов. По этой таблице на Закон Божий, русский, немецкий и польский языки отводится по 6 уроков в неделю, на беседы – 4 урока, на чистописание, рисование, пение и арифметику – по 1 уроку.

Усматривая из изложенного, что существующее положение канторатов, имеющих общеобразовательный характер и подчиненных исключительно ведению протестантских консисторий, подлежит изменению, совещание остановилось на вопросе о том, какие меры следовало бы принять в отношении к этим школам.

Бывший Люблинский губернатор, а ныне директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий Е.В. Менкин по этому вопросу заметил, что необходимость преобразования канторатов сознается высшими духовными лицами лютеранской церкви. Так, Варшавский генерал-суперинтендант Бурше свидетельствует о том, что некоторые канторы постепенно преобразуются уже в начальные училища в тех местностях, где численность населения и его зажиточность не служат к тому препятствием. Если преобразование коснулось еще не большинства канторатов, то причиною этому, по мнению генерал-суперинтенданта, являются: 1) недостаток в начальных учителях, 2) недостаток в средствах и 3) в некоторых случаях несогласие прихожан. Относительно первого пункта генерал-суперинтендант Бурше замечает, что число начальных учителей-евангеликов очень ограничено: не достает их часто и для существующих уже начальных училищ. Бывают случаи, что начальники учебных дирекций обращаются в консисторию для указания им лучших канторатов, которые и назначаются учителями начальных училищ, хотя они и не имеют соответственного образовательного ценза. По второму пункту указывается, что содержание начального училища требует ежегодно около 5000 руб. (кроме помещения), содержание же кантората ограничивается суммою в 200 р[ублей] в год. Наконец, прихожане нередко не соглашаются на преобразование кантората в начальное училище из опасения, что начальники дирекций, как это уже бывало, назначают учителями лиц, не способных к обучению детей Закону Божию и к исполнению некоторых духовных треб при замещении паспорта. По мнению генерал-суперинтенданта Бурше, кантораты могут быть преобразованы или в начальные отдельные училища, предусмотренные ст[атьей] 3670 Уст[авов] уч[ебных] завед[ений] (Св[од]

Зак[онов] [Российской империи]. Т[ом] XI, ч[асть] I, изд[ание] 1893 г.), или в общие начальные училища с тем, чтобы в такие училища допускались к обучению Закона Божия и природного языка учащиеся канторы молитвенных домов в тех случаях, когда учителем назначено будет лицо неевангелического вероисповедания и не владеющее природным языком учащихся.

Совещание признало более приемлемым с точки зрения государственных интересов второй из двух указанных способов преобразования канторатов, т.е. преобразование их в общие начальные училища с оставлением за немецким языком тех же прав по употреблению в школе, каким по закону пользуются польский и литовский языки, причем ввиду отмеченных выше некоторых затруднений к немедленному преобразованию канторатов совещание полагало возможным установить для сего десятилетний срок (в соответствии со сроком, принятым для введения всеобщего обучения) с предоставлением Министерству народного просвещения права в течение этого переходного периода регулировать жизнь канторатов, насколько возможно и осуществимо, применительно к изложенным выше мерам, выработанным в 1903 г. при управлении Варшавского учебного округа. Для этого признавалось необходимым подчинить названные школы на общем основании ведению учебной власти с предоставлением ей права назначения учителей по соглашению с консисториею. В течение указанного срока новые кантораты открываться не должны.

В связи с канторатами совещание подвергло обсуждению вопрос о том, какие могут быть приняты меры по отношению к конфирмационному обучению у лютеран и катехизационному обучению у католиков, в видах установления правительственного контроля за этими формами обучения, принимающими на практике характер школьного обучения. Евангелическое духовенство под видом приготовления лютеранского юношества к конфирмации устраивает при своих церквях начальные школы чисто немецкого характера. По сведениям Министерства внутренних дел такие школы особенно настойчиво насаждаются в Прибалтийском крае и среди колонистского населения южных губерний, причем при отсутствии действительного надзора противодействие этим школам имеет случайный, отчасти фиктивный характер. Точно так же и римско-католическое духовенство под видом катехизационных собраний устраивает при костелах (в сакристии) или в частных

квартирах правильное внешкольное обучение, несомненно, в духе религиозной и национальной нетерпимости, причем такие катехизационные школы имеют наиболее широкое применение в местностях с католическим, но не польским населением в видах ополячения последнего. Подобные явления были обнаружены при ревизии в последнее время 4-х католических консисторий (Луцкой, Житомирской и др.).

При обсуждении настоящего вопроса совещание приняло во внимание, что конфирмационное и катехизационное обучение неразрывно связано с пастырским служением, составляя часть богослужебного культа, и что как таковое оно не может быть подведено ни к какому типу школьного и внешкольного обучения, подведомственного Министерству народного просвещения. Наблюдение за этим делом выходит за пределы средств и задач учебного ведомства, так как приготовление к конфирмации и катехизация должны происходить не в школе и производиться лицами преимущественно духовного звания, Министерству народного просвещения неподведомственными. Ввиду сего совещание признало возможным наметить только общие указания относительно подготовки к конфирмации у лютеран, именно: 1) строго определить возраст лиц,готавливаемых к конфирмации, 2) ограничить определенным сроком продолжительность времени подготовки к конфирмации, дабы она не вырождалась в школьное обучение, 3) установить определенный срок означенной подготовки сообразно со временем самой конфирмации, 4) назначить определенное место для производства этой подготовки, 5) определить, какие лица имеют право заниматься подготовкой к конфирмации, и, наконец, 6) установить требование, чтобы кроме вероучения никаких других предметов (напр[имер], немецкого языка) при этом не преподавалось.

Такие же меры, по мнению совещания, необходимо применить и по отношению к катехизации у католиков.

2. Мектебе. Соображения, изложенные выше по вопросу о мусульманских, вероучительских школах-медресе, в одинаковой мере относятся и к вероучительным школам-мектебе. В настоящее время некоторые из этих школ, так называемые новометодные мектебе, мектебе-руштие, имеют стремление к отклонению от первоначального вероучительного характера – школы при мечети – и к приобретению характера начальных школ общеобразова-

тельного типа, оставаясь в то же время в полном ведении мусульманского духовенства.

По поводу возникшего в совещании вопроса о том, какие меры могли бы быть приняты для противодействия отатариванию путем мектебе разных народностей, исповедующих ислам, между прочим было высказано предположение о введении преподавания в мектебе русского языка. С таким предположением совещание, однако, не могло согласиться по следующим соображениям. Изучение русского языка в мусульманских школах уже практиковалось – в виде устройства при них русских классов, но мера эта не привела к желательным результатам. С другой стороны, с введением русского языка в конфессиональные мусульманские школы потребовался бы громадный штат учителей-инородцев, знающих русский язык. Учреждение же соответственного числа учительских семинарий для подготовки таких учителей едва ли оправдывало бы средства, так как с введением в мусульманские школы, при невозможности контроля за ними, сохраняя прежний свой характер, могли бы и не давать знания русского языка, а вместе с тем они устранили бы для мусульман необходимость прохождения русской школы, которая одна только и может содействовать русскому культурному воздействию на инородцев. Поэтому представлялось бы по мнению совещания целесообразным не в программу мектебе ввести преподавание русского языка, а наоборот – в правительственную школу ввести вероучение из мектебе. Наша задача – бороться с татарским влиянием путем культурного подъема других народностей посредством школы. Татары оказывают воздействие на других инородцев в силу своего культурного преимущества пред ними. Поэтому культуре татарской нужно противопоставить культуру русскую. Следовательно, необходимо озаботиться, прежде всего, введением всеобщего обучения среди инородцев. Допущение в правительственные школы преподавания мусульманского вероучения муллою, иногда даже за известное вознаграждение, а также употребление местных языков в качестве подсобных на первых порах обучения приблизит русскую школу к мектебе, и для инородцев будет представляться выбор между хорошо обставленной правительственной школой и между захудалой школой конфессиональной. Следует ожидать, что первая должна взять перевес, и что мектебе, если не погибнут окончательно, то, по крайней мере, потеряют теперешнее свое значение.

Ввиду изложенного совещание по вопросу о мектебе пришло к такому же решению, какое было принято и относительно медресе, т.е. мектебе должны быть обращены в школы исключительно вероучительного характера, а в случае допущения преподавания в них общеобразовательных предметов они должны быть подчинены действию общего положения о частных учебных заведениях.

3. Хедеры и талмуд-торы. Хедеры повсеместно, за исключением Привислинского края, имеют характер исключительно вероучительных школ, в которых ведется обучение только еврейскому закону веры и еврейской грамоте. По последним сведениям, собранным Министерством внутренних дел, в настоящее время существует 5405 хедеров, не считая Привислинского края, где имеется 2865 хедеров. Открываются хедеры частными еврейскими учителями-меламдами на основании правил 5 сентября 1893 г., коими определяются порядок выдачи меламдских свидетельств и порядок заведывания и надзора за этими школами. В означенных Правилах, между прочим, указывается, что меламд, желающий открыть хедер, должен иметь чистую и светлую отдельную классную комнату, достаточно просторную и по размерам своим отвечающую тому количеству учеников, какое он намерен обучать. Учение в хедерах должно начинаться ежедневно не раньше 9 ч[асов] утра и оканчиваться не позже 5 ч[асов] пополудни, причем в течение этого времени на обед и отдых дается детям не менее двух часов.

В Привислинском крае действуют особые Правила относительно открытия и содержания еврейских вероисповедных школ (хедеров и пр.), утвержденные Варшавским генерал-губернатором 15-го июня 1888 г. Согласно этим Правилам, в хедерах не только не воспрещается, а, наоборот, обязательно требуется обучение русскому языку; кроме того, преподаются и другие общеобразовательные предметы по желанию (§ 10). К преподаванию русского языка и прочих предметов допускаются лица, имеющие свидетельство на учительское звание или получившие на это разрешение начальника дирекции (§ 16).

По возникшему в совещании вопросу о том, насколько хедеры представляются жизненными и не могут ли они быть закрыты с введением всеобщего обучения, было объяснено, что существование хедеров вытекает из религиозных потребностей евреев, так как каждый еврей должен непременно заботиться об обучении своих

детей закону веры. Поэтому закрытие хедеров, как вероучительных школ, представляется невозможным.

Ввиду указанной жизнеспособности хедеров, а также принимая во внимание к тому, что в хедерах Привислинского края даже требуется обучение русскому языку и допускается преподавание прочих общеобразовательных предметов из курса начального образования, в совещании было высказано предположение в том смысле, что, быть может, представлялось бы последовательным допустить преподавание русского языка в хедерах повсеместно, тем более, что евреи сами охотно пойдут навстречу такой мере.

С таким предположением, однако, совещание не признало возможным согласиться. Поддержание хедеров – не в интересах государства, между тем с введением преподавания в хедерах русского языка последние получают характер общеобразовательных школ, и тем самым будет ослаблена нужда для евреев в поступлении в правительственные начальные школы.

В связи с этим возник вопрос о том, должны ли хедеры Привислинского края, в коих преподаются кроме вероучения русский язык, а иногда также и другие общие предметы, остаться при нынешних условиях их существования или же к ним также надлежит применить общее требование о недопустимости преподавания в них других предметов, кроме еврейских. По настоящему вопросу в совещании было объяснено, что с исключением из хедеров русского языка масса евреев в Привислинском крае, ввиду недостаточного числа правительственных начальных училищ, могла бы остаться без всякого знакомства с русским языком. Это послужит на пользу частным польским школам в деле привлечения к себе евреев. От такого положения русское дело в крае не выиграет. Хотя успехи преподавания в хедерах русского языка нельзя признать большими, однако наблюдения показывают, что русский язык в Польше все-таки более распространен среди польского населения.

По обмену мнений относительно хедеров совещание пришло к следующему выводу: хедеры, в которых преподаются только еврейский закон веры и начальная грамота (чтение и письмо), оставить без изменения. Равным образом не следует изменять положение хедеров в Привислинском крае, в которых обязательно преподается русский язык и допускаются другие общие предметы, но с оговоркою, что такое положение сохраняется впредь до введения всеобщего обучения в этом крае.

В непосредственной связи с хедерами совещание подвергло обсуждению и вопрос о талмуд-торах. По Правилам 13-го ноября 1844 г. эти школы имели целью лишь призрение детей бедных евреев и бесплатное наставление их в вере. Высочайшим повелением 4-го мая 1859 г. было допущено преподавание в этих школах общих предметов, вследствие чего талмуд-торы получили смешанный характер – вероучительно-общеобразовательных школ. В учебном отношении эти школы подчиняются учебному начальству. Учителями в талмуд-торах допускаются лица, имеющие звание не ниже учителя начального училища. Преподавание в талмуд-торах ведется на русском языке. В настоящее время талмуд-тор имеет всего 414, из них 79 в Привислинских губерниях.

Приняв во внимание, что 1) талмуд-торы имеют благотворительный характер, давая бесплатное обучение призреваемым сиротам и бедным еврейским детям, и 2) что талмуд-торы по проекту нового положения о начальных училищах подчиняются действию общего положения о начальных училищах, совещание полагало, впредь до введения в действие этого положения, оставить означенные школы без изменения.

4. Караимские школы. Существующие при караимских синагогах школы по характеру преподавания в них могут быть сравнены с еврейскими хедерами и талмуд-торами. В одних из караимских школ преподаются только вероучение и караимский язык, а в других – наряду с вероучительными предметами преподаются и общие предметы. Первые находятся под надзором только гахама (высшее духовное лицо караимов), вторые существуют на общих основаниях с инородческими начальными училищами.

Ввиду того, что существование караимских школ не вызывало никаких недоразумений, совещание полагало возможным оставить их без изменения.

V. О надзоре за инородческими и инославными учебными заведениями

Вопрос о постановке надлежащего правительственного надзора за школами в местностях с инородческим и инославным населением, с точки зрения совещания, представляется вопросом чрезвычайной важности. В настоящее время, как выяснилось из обзора разного рода частных конфессиональных учебных заведений, мно-

гие из этих заведений, находясь лишь формально в подчинении органов правительственной власти, на практике почти совершенно ускользают от правительственного надзора, напр[имер], мусульманские мектебе и медресе, армянские учебные заведения и римско-католические духовные семинарии. Признавая такое положение дела ненормальным, так как государство не может не следить за воспитанием и обучением своих будущих граждан, совещание полагало необходимым по отношению к одним учебным заведениям в инородческих местностях усилить внешний инспекционный надзор, а по отношению к другим обеспечить в известной степени надзор внутренний, непосредственный. В данном случае относительно инородческих и конфессиональных школ начального типа возможно говорить лишь о надзоре ревизионного характера, т.е. более или менее частых посещениях этих школ чинами правительственной власти, так как установление непосредственного и постоянного правительственного контроля над внутренней жизнью таких школ представляется совершенно немыслимым ввиду громадного числа этих школ. С другой стороны, начальная школа при несложной своей организации с незначительным составом учащихся и скромной задачей – обучения началам грамоты, не представляет затруднений в отношении контроля за постановкою и направлением в ней учебного дела, при посещении ее чинами инспекции. В ином положении находятся средние учебные заведения. В них сложная организация, большой и многообразный состав преподавателей; учащиеся в таком возрасте, когда начинает складываться серьезное мировоззрение и когда такое или иное воздействие школы может оставить глубокий и неизгладимый след на духовном развитии учащихся на всю последующую жизнь. В местностях инородческих при националистических и сепарационных стремлениях инородцев такие учебные заведения могут уклоняться от своей задачи «содействовать видам правительства в распространении просвещения», и потому наблюдение за постановкою учебного дела в инородческих средних учебных заведениях по мнению совещания желательнее было бы установить более бдительное. Для внешнего, ревизионного контроля направление учебного дела в этих заведениях представляется трудно уловимым; необходим такой надзор, при котором надзирающие лица стояли бы близко к учебному заведению и оказывали бы на него непосредственное влияние и воздействие в интересах государственных.

Обратившись к вопросу о надзоре за начальными инородческо-конфессиональными школами ведомства Министерства народного просвещения, совещание не могло признать существующий надзор вполне удовлетворительным. В настоящее время Министерство располагает недостаточным числом инспекторов народных училищ, вследствие чего в некоторых местностях на одного инспектора приходится до 200 школ. При таком положении дела этот надзор иногда оказывается недостаточным не только для инородческих и конфессиональных школ, но и для школ правительственных. Этот недостаток в будущем предполагается восполнить с таким расчетом, чтобы на одного инспектора приходилось не более 75 школ. В отношении инородческих школ инспекторский надзор имеет иногда еще и тот недостаток, что инспекторы часто не знают инородческих языков.

Полагая, что без знания местных языков, которыми пользуются при преподавании в школе, надзор инспекторов народных училищ не может достигать своей цели, совещание остановилось на вопросе о том, осуществимо ли требование от инспекторов знания нескольких инородческих языков и, в утвердительном случае какие меры могли бы быть приняты для подготовки таких инспекторов. Из обмена мнений по этому вопросу применительно к отдельным местностям и учебным округам с инородческим населением выяснилось следующее.

В Прибалтийском крае от инспектора народных училищ потребуется знание латышского и эстонского языков или одного из них и немецкого, а в некоторых случаях польского или литовского, т.е. в среднем не более двух языков.

В Северо-западном крае для инспектора потребуется знание также двух языков – литовского и польского.

В Привислинском крае их трех местных языков – польского, литовского и немецкого – потребуется знание каких-либо двух языков в той или иной комбинации, в зависимости от состава населения.

В Юго-западном крае нужно знание польского и немецкого языков. В таких же условиях будут находиться инспектора в Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерниях.

В Бессарабии необходимо знание армянского языка, в местностях по Черноморскому побережью – армянского и татарского.

На Кавказе к языкам, имеющим письменность и литературу, относятся: армянский, грузинский, татарский и в Ставропольской губернии – калмыцкий. В селах при расселенности туземцев по национальностям инспектор может обойтись знанием двух языков; в городах же при смешанности населения потребовалось бы знание больше чем двух языков, но с увеличением числа инспекторских должностей эта необходимость может быть устранена тем, что при наличности нескольких инспекторов, которые будут жить в городах, нетрудно будет распределить между ними надзор за школами и без обременения их знанием всех языков.

В Поволжье, кроме татарского языка, потребуется знание немецкого языка и в Астраханской губернии – калмыцкого. Ввиду того, что татарский язык здесь является главным и что немецкие колонии тесно сплочены, от инспектора потребуются знание двух каких-либо из названных языков.

В Оренбургском учебном округе нужно знание языков татарского и калмыцкого, в Западно-Сибирском – татарского, в Восточной Сибири – бурятского и отчасти татарского (в Якутской области), в Туркестанском крае – татарского.

На основании изложенного совещание пришло к тому выводу, что требование от инспекторов народных училищ знакомства с инородческими языками не представляется неосуществимой задачей. По постановленному же засим вопросу о способах подготовки инспекторов, знающих инородческие языки, в совещании было указано на то, что Министерства юстиции и внутренних дел уже приступили к практическому подведомственным им чинам путем устройства при Практической Восточной академии в С[анкт]-Петербурге [74] практических курсов пока по кавказским языкам, и результаты оказались благоприятные. Обучавшиеся на курсах лица настолько ознакомились с языками в течение двух семестров, что не представлялось особой надобности в слушании третьего семестра. Министерство внутренних дел с осени 1911 года при той же Практической Восточной академии устроило для своих чинов курсы по исламоведению для изучения татарского и арабского языков. Курсы рассчитаны на 3 семестра, по 4 месяца каждый, и предназначены для лиц, служащих или предназначенных для службы в местностях с татарским населением. На этих курсах состоит 17 человек, изучение татарского языка идет вполне успешно. Указанной мерой предполагало воспользоваться и Ми-

нистерство народного просвещения для своих чинов, в видах чего просило попечителей Оренбургского и Кавказского учебных округов и туркестанского генерал-губернатора выяснить и сообщить о том, не признано ли будет возможным командировать нескольких местных лиц из числа инспекторов народных училищ или из кандидатов на эти должности для слушания курса мусульманского отдела Восточной академии. На это попечители и генерал-губернатор ответили, что при полном своем сочувствии к предположенной мере они, однако, лишены возможности воспользоваться ею ввиду ограниченного числа инспекторов народных училищ и вследствие невозможности отвлечь инспекторов на годичный срок от их служебных обязанностей.

Ввиду указанной затруднительности командирования на означенные курсы инспекторов народных училищ, при сложности лежащих на них служебных обязанностей и при недостаточном числе их, в совещании было высказано о желательности допущения на эти курсы кандидатов на инспекторские должности, которые имеются в виду у попечителей учебных округов, причем более желательными такими кандидатами могли бы быть лица, знакомые с педагогическим делом теоретически и практически.

Вместе с этим было указано, что требование от кандидатов на инспекторские должности в инородческой местности знания местных языков не может ослабить интереса к достижению этих должностей, так как по присвоенному последним в настоящее время окладу содержания служба инспектора народных училищ является привлекательной для лиц педагогического персонала.

Кроме курсов при упомянутой Практической Восточной академии в С[анкт]-Петербурге для подготовки инспекторов, знающих инородческие языки, по мнению совещания, могли бы устраиваться также особые курсы округа. Это представляется тем более удобным, что при Казанской духовной академии имеется отделение по восточным языкам.

Обратившись засим к вопросу о порядке существующего надзора за начальными школами Духовного ведомства, совещание приняло во внимание следующие сведения, сообщенные представителем этого ведомства П.Н. Лупповым.

Церковно-приходскими школами в епархиях ведают епархиальные училищные советы, а в уездах – отделения сих советов, во главе управления школ стоит Училищный совет при Св[ятейшем]

Синоде. Кроме того, имеются особые наблюдатели церковно-приходских школ – епархиальные и уездные. Первые назначаются как из священников, так в редких случаях и из светских лиц, вторые – обязательно из священников. Епархиальные наблюдатели получают определенное жалованье в размере от 2000 р[ублей] до 3000 р[ублей] и приходов не имеют. Уездные же наблюдатели бывают как из бесприходных, так и из приходских священников, причем последние получают вознаграждение в размере от 360 до 900 р[ублей] в год, бесприходные же наблюдатели – в размере 1200 р[ублей]. Назначение уездных наблюдателей из приходских священников объясняется соображениями чисто материальными, так как обеспечение их казенным содержанием, в случае лишения их приходов, потребовало бы ассигнования от казны больших сумм. Обыкновенно приходские священники назначаются наблюдателями церковно-приходских школ в тех случаях, когда школ немного и совмещение обязанностей по приходу и по наблюдению за школами не представляет особых затруднений. Помимо уездного наблюдателя за школами наблюдают местные священники, которые являются заведывающими школами и, следовательно, ответственными лицами за такое или иное направление в них; кроме того за школами следят местные благочинные, которые по должности состоят членами уездных отделений, а также и земские начальники, входящие по должности в состав этих отделений.

По поводу приведенных сведений относительно организации надзора за школами Духовного ведомства совещание нашло нужным выразить лишь пожелание, чтобы в интересах школьного надзора в тех случаях, когда в ведении уездных наблюдателей находится свыше 50 школ, на должности таких наблюдателей назначались священники бесприходные, и чтобы Духовное ведомство озабочилось принятием соответствующих мер к обеспечению этих наблюдателей надлежащим содержанием. Что же касается вопроса о знакомстве наблюдателей церковно-приходских школ в иногородческих местностях с местными языками, то, по заявлению названного представителя Духовного ведомства, знание этих языков, несомненно, желательно и для подготовки школьных наблюдателей, знающих иногородские языки, Духовное ведомство может принять те же меры, которые были указаны по отношению к подготовке инспекторов народных училищ.

В дополнение к сему в совещании было выражено пожелание, чтобы в Прибалтийском крае в случае передачи православных сельских школ из ведения Министерства народного просвещения в ведение Св[ятейшего] Синода, каковой вопрос в настоящее время находится на рассмотрении законодательных учреждений, уездные наблюдатели назначались не из местных уроженцев ввиду того, что среди православного духовенства из инородцев наблюдается, особенно в последнее время, сильное националистическое направление.

По поводу приведенного указания, приняв во внимание, с одной стороны, что подобное националистическое направление православного инородческого духовенства замечается и в других местностях (напр[имер], в Грузии), а с другой стороны, что такое направление естественно может проявляться и у инспекторов народных училищ из инородцев, совещание признало необходимым распространить предложенную меру и на другие инородческие местности, а равно по отношению не только к уездным наблюдателям, но и к инспекторам народных училищ и к лицам школьного надзора в других ведомствах.

Обратившись засим к вопросу о надзоре за конфессиональными школами, совещание остановилось на мусульманских школах – мектебе.

Наблюдение за этими школами представляет большие трудности. В одном только Туркестанском крае, по имеющимся у местной администрации сведениям, насчитывается до 7000 мектебе, причем в действительности их может быть и больше. При этом нужно принять во внимание громадное расстояние между пунктами, где мектебе могут находиться, а также неудобства путей сообщения, при отсутствии в крае железных дорог. При таких условиях что может сделать инспектор народных училищ с возложением на него надзора за мектебе? Если предположить, что для этой цели могут быть учреждены новые должности инспекторов и если на одного инспектора положить хотя бы 75 школ, то потребуется около 100 инспекторов для одного Туркестанского края. Если же принять во внимание, что громадное число мектебе имеется и в других местностях, то расходы по учреждению новых инспекторских должностей должны исчисляться миллионами. С другой стороны – для действительности надзора нужно, чтобы такие инспектора знали татарский и арабский языки, но таких инспекторов нужно было еще подготовить. Поэтому возникает предположение,

не представлялось ли бы возможным осуществление надзора за означенными школами со стороны местных органов Министерства внутренних дел.

В пользу такого решения настоящего вопроса в совещании указывалось также на то, что надзор инспекторов за мектебе мог бы достигать своей цели лишь в том случае, если бы инспектора обладали полномочиями, необходимыми для приведения своих требований в исполнение. Между тем лица учебного ведомства бессильны сделать что-нибудь в видах надлежащей постановки мусульманских школ, вследствие подчиненности магометанских духовных управлений ведению Министерства внутренних дел и ближайших руководителей этих школ – мулл – ведению местных губернских начальств. Зависимость от двух ведомств на практике создаст такие неудобства, что фактически мектебе могут оказаться вне всякого надзора. Ближайший руководитель, так сказать, душа мектебе – мулла – инспектору не подчинен и может не считаться с требованиями его. При таких условиях инспектора могут оказаться в неудобном положении, и известны случаи, когда инспектора встречали враждебное отношение при посещении мусульманских школ и даже не были туда допускаемы. Кроме того, надзор за мектебе сводится к тому, чтобы преподавание в них не заключало в себе нежелательных с государственной точки зрения элементов, т.е. к предупреждению и пресечению противных государственным интересам явлений в этой школе. Но это – функции чисто административные, или полицейские, которые полицией могут быть осуществлены гораздо лучше, чем инспекцией. Нужно иметь в виду и то, что при осуществлении всеобщего обучения в инородческих местностях обязанности инспекторов и без того значительно осложнятся. Поэтому представлялось бы более удобным вообще все инородческое дело сосредоточить в одних руках Министерства внутренних дел, в том числе и надзор за мусульманскими школами. Если бы признано было неудобным поручение этого дела полицейской власти, то, может быть, это дело можно было бы поручить особым лицам, состоящим при губернаторах. Надзор таких лиц имел бы то преимущество, что распоряжения их, опирающиеся на власть губернаторов, имели бы большую силу и скорее достигали бы цели, с другой стороны, эти лица могли бы поставять губернаторов в известность о существующих среди инородческого населения течениях с государственной точки зрения.

Не соглашаясь с приведенными соображениями, представитель Министерства внутренних дел объяснил, что выделить одни лишь мектебе в ведение Министерства внутренних дел с установлением в нем особого надзора за этими школами было бы нецелесообразно и непланомерно. Кроме мусульманских существует большое число и других вероучительных школ, которые, в случае осуществления принятых совещанием положений, могут появиться еще в большем количестве в протестантском, католическом, сектантском и старообрядческом мире. Затем, в видах последовательности, пришлось бы установить такой отдельный надзор Министерства внутренних дел и за преподаванием вероучения в общих учебных заведениях и подчинить этому Министерству, например, богословский факультет Юрьевского университета. Что касается, в частности, мусульманских конфессиональных школ и неподчиненности мулл органам Министерства народного просвещения, то и в настоящее время последние не лишены права и возможности прибегать к содействию Министерства внутренних дел, причем в случае несогласованности между представителями местной учебной и гражданской власти возникающие вопросы поступают на разрешение Министерств народного просвещения и внутренних дел. Наконец, следует принять во внимание и то, что в настоящее время Министерством внутренних дел внесен на рассмотрение законодательных учреждений законопроект о новом полицейском уставе, коим устанавливается необходимость освобождения полиции от несвойственных ей функций, к каковым должно быть отнесено и наблюдение за конфессиональными школами. Поэтому мог бы возникать вопрос о желательности создания особой организации надзора за конфессиональными вероучительными и вероучительскими школами при одном из ведомств. При Министерстве внутренних дел ныне не имеется никаких органов надзора за учебными заведениями, и, следовательно, пришлось бы создавать эти органы вновь, между тем в Министерстве народного просвещения имеется уже инспекция, а потому этому ведомству легче организовать и надзор за вероучительными школами.

По дальнейшем обмене мнений совещание признало, что ввиду уже внесенного Министерством внутренних дел нового полицейского устава полиция освобождается от надзора за конфессиональными школами, надзор за мусульманскими школами представляется необходимым сосредоточить в ведомстве Министерст-

ва народного просвещения. Что же касается самой организации этого надзора, то совещание, ввиду невозможности для наличного состава инспекторов народных училищ иметь более близкое наблюдение за мусульманскими школами, остановилось на мысли об учреждении особых инспекторов для этих школ на следующих основаниях: 1) ввиду нетерпимого отношения магометанского духовенства ко всякого рода вмешательству в постановку учебно-воспитательной части мектебе роль особых инспекторов магометанских конфессиональных школ должна ограничиваться только надзором за тем, чтобы в этих школах не преподавалось ничего противного русской государственности; 2) так как деятельность таких инспекторов будет ограничиваться скорее внешним надзором, то на должности таких инспекторов можно назначить и лиц без специально-педагогической подготовки и вообще с меньшим образовательным цензом, чем инспекторы народных училищ; 3) инспектора над мусульманскими вероучительными школами имеют сравнительно с настоящими инспекторами народных училищ пониженное служебное положение как в отношении класса должности, так и по окладу содержания, и избираются из лиц с образовательным цензом не ниже городского училища и знакомых с местными инородческими языками, а также с исламом; 4) учреждение означенных должностей должно быть мерой временной, пока в этих должностях будет необходимость, ввиду существования мусульманских вероучительных школ в настоящем виде; 5) инспекторы мусульманских вероучительных школ должны находиться в подчинении у инспекторов народных училищ, которые не устраниются от общего надзора за вероучительными школами, и 6) нормальным числом вероучительных школ на одного такого инспектора признать 75.

Что же касается мусульманских школ повышенного типа – медресе, то совещание, имея в виду сравнительно незначительное их число, признало возможным возложить надзор за медресе на инспекторов народных училищ, причем было выражено пожелание, чтобы инспекторы, в ведении коих будут находиться медресе, обладали знакомством с инородческими языками.

При обсуждении засим вопроса о надзоре за начальными школами других ведомств, кроме учебного и духовного, в совещании были высказываемы следующие соображения.

Представитель главного управления землеустройства и земледелия объяснил, что сельскохозяйственное образование в России начинает только развиваться, в настоящее время имеется около 250 сельскохозяйственных школ и разных постоянных курсов. На восточной окраине таких учебных заведений совсем мало; также немного их и в Привислинских и Прибалтийских губерниях; вообще на губернию в среднем приходится 2–3 учебных заведения, и только в одной Полтавской губернии имеется 12 школ. В местностях инородческих преподавание в сельскохозяйственных школах ведется на русском языке русскими учителями и опасений в противогосударственном направлении не вызывает. Означенные учебные заведения подчиняются ведению и надзору местных управлений государственными имуществами; кроме того, агентами надзора являются инспекторы сельского хозяйства, правительственные агрономы, лесные ревизоры. Главное управление землеустройства и земледелия сознает недостаточность указанного надзора и предполагает усилить его учреждением новых должностей инспекторов-специалистов по сельскому хозяйству в таком количестве, чтобы на каждого специалиста-инспектора приходилось от 10 до 20 школ. Кроме сельскохозяйственных школ и постоянных курсов сельскохозяйственные знания распространяются также и путем внешкольных учреждений, к которым относятся народные чтения по сельскому хозяйству и краткосрочные курсы. Чтения устраиваются по закону 31 января 1907 года явочным порядком и находятся под наблюдением общей администрации; краткосрочные курсы, смотря по размерам программ и продолжительности, разрешаются по соглашению или с Министерством внутренних дел или с местным губернатором. Губернатор сообщает отзыв об учредителях и преподавателях и указывает условия надзора за такими курсами.

Ввиду сего, по мнению представителя названного ведомства, не представлялось бы необходимости в установлении особой какой-либо организации надзора за школьным и внешкольным образованием по ведомству Главного управления землеустройства и земледелия.

По поводу сего в совещании было замечено, что в Привислинском крае сельскохозяйственные учебные заведения при настоящей организации надзора проявляют нежелательное с государственной точки зрения направление. В этом крае сельскохозяйственные школы и курсы открываются по частной инициативе. Правительство

отпускает на этот предмет около 40 тысяч рублей, причем из них на школы идет меньшая часть, а большая расходуется на побочные цели – устройство сельскохозяйственных выставок и т. п. Местные деятели и помощники, устраивая школы и курсы, главным образом имеют в виду сблизиться с сельским населением и воспользоваться этими образовательными учреждениями для политических целей. Эти стремления выразились, между прочим, в устройстве охран (детских приютов), где наряду с обучением детей разным практическим занятиям и ремеслам производилось также обучение общим предметам в тенденциозном направлении, изучались польский язык, польские песни, причем в охраны привлекались дети и непольского происхождения. С 1905 г. охраны особенно сильно стали развиваться, но в последние годы обратили на себя внимание властей и стали сокращаться. Что касается курсов по сельскому хозяйству, то они нередко имеют характер школ, например, Налынчевские курсы, между тем надзор за такими курсами не обеспечен. Поэтому как на курсах, так и чтениях по сельскому хозяйству нередко замечаются проявления польских националистических тенденций. Причина такого явления заключается в недостаточности местного надзора со стороны ведомства Главного управления землеустройства и земледелия. Управления государственными имуществами в Привислинском крае имеются не во всех губерниях, правительственный агроном имеется только в Люблинской губернии. При таких обстоятельствах надзор возлагается на лесничих, которые фактически не могут следить за направлением сельскохозяйственных курсов, так как часто живут вдали от последних.

Представитель помянутого ведомства, не отрицая того, что при устройстве краткосрочных курсов бесед по сельскому хозяйству могут проявляться со стороны учредителей их нежелательные отклонения от прямой цели, заметил, что в данном случае не следовало бы смешивать краткосрочные курсы с сельскохозяйственными школами. Школы не вызывают опасений. Заведывающие ими школами назначаются Главным управлением землеустройства и земледелия, а учителя – местными Управлениями государственных имуществ, причем при малочисленности этих школ в Привислинских губерниях для местных агентов ведомства землеустройства и земледелия не представляется особых затруднений в надзоре за школами. Что же касается краткосрочных курсов по сельскому хозяйству, устраиваемых, главным образом, сельскохозяйствен-

ными обществами, то разрешаются эти курсы по соглашению или с Министерством внутренних дел, или с местными губернаторами. Если же такие курсы признаются местной администрацией вредными, то последняя может не давать согласия на учреждение их, или в случае согласия на учреждение курсов предъявлять такие условия надзора за ними со стороны местных агентов ведомства землеустройства и земледелия, которые гарантировали бы невозможность уклонений этих курсов от прямой их цели в нежелательном для интересов государства направлении. Означенное ведомство, признавая желательность и необходимость надлежащего надзора за курсами, может принять соответственные меры к выполнению этих условий в каждом отдельном случае.

Вследствие приведенных соображений и имея в виду заявление представителя Главного управления землеустройства и земледелия о том, что названное ведомство озабочено установлением правильного надзора за сельскохозяйственными школами и курсами и предполагает учредить для этой цели особые должности инспекторов-специалистов по сельскому хозяйству, совещание признало возможным ограничиться лишь пожеланием, чтобы местные агенты надзора по сему ведомству имели наблюдение не только за постановкой специальных предметов с точки зрения современных технических научных знаний, но и за преподаванием общеобразовательных предметов в помянутых учебных заведениях в тех видах, чтобы это преподавание находилось в соответствии с государственными видами и интересами.

По постановленному засим вопросу о постановке надзора за железнодорожными техническими училищами Министерства путей сообщения представитель этого ведомства объяснил, что таковых училищ в настоящее время имеется 40, кроме того существует 5 речных училищ и 1 кондукторское. Означенные училища готовят низших агентов для железных дорог и в отношении надзора подчинены трем окружным инспекторам, на каждого из которых приходится по 15 училищ. Один из инспекторов живет в Уфе, и ему подчинены училища в Сибири, остальные училища – в Европейской России. Посещают инспектора училища по два раза в год, причем ревизия касается всех сторон училищ – технической, учебной и воспитательной. Чисто инородческих технических училищ не имеется.

Ввиду приведенных сведений совещание не нашло нужным касаться существующего порядка надзора за училищами ведомства путей сообщения.

Равным образом совещание не признало нужным останавливаться на вопросе о надзоре за начальными школами Министерства торговли и промышленности и ведомства Учреждений Императрицы Марии в виду того, что, по заявлению представителей сих ведомств, в этих ведомствах начальных училищ обычного типа не имеется.

В связи с вопросом о надзоре за училищами профессионального типа совещанием было обращено внимание на заявление представителя Отдела промышленных училищ Министерства народного просвещения С.К. Удовиченко о том, что надзор за низшими промышленными училищами, согласно разъяснениям означенного отдела, поручается лишь директорам народных училищ ввиду того, что инспекторы народных училищ в вопросах профессионального образования не могут считаться компетентными лицами. По этому поводу в совещании было замечено, что распространение профессионального образования является вопросом ближайшего будущего, тесно связано с введением всеобщего обучения и что вследствие сего изъятие промышленных училищ из непосредственного ведения и надзора инспекторов представляется нецелесообразным. Подчинение этих училищ ведению только директоров народных училищ обратило бы промышленные училища в совершенно безнадзорные, так как директора не в состоянии лично наблюдать за этими заведениями. Так как в промышленных училищах ведется преподавание наряду с профессионально-техническими и образовательных предметов, то нельзя оставить без внимания и вопрос о надзоре за этими училищами со стороны общей инспекции. Инспекторский надзор необходим для того, чтобы общие предметы в промышленных училищах преподавались в направлении согласном с общей школьной политикой и чтобы эти училища не могли явиться рассадниками элементов, враждебных русской государственности.

По изложенным соображениям совещание высказалось в том смысле, что промышленные училища Министерства народного просвещения подлежат надзору не только директоров, но и инспекторов народных училищ.

Обратившись засим к частным учебным заведениям повышенного типа, низшим и средним, совещание прежде всего остановилось на учебных заведениях Министерства торговли и промышленности.

По сообщению представителя этого Министерства, в настоящее время коммерческих, торговых и промышленных учебных заведений имеется свыше 700 (коммерческих училищ 500), а окружных инспекторов для надзора за ними – всего 5. Так как на одного инспектора приходится громадное число учебных заведений, то посетить их инспектор может в 3 года раз. Незначительное число инспекторов объясняется тем, что в год их учреждения учебных заведений в Министерстве торговли и промышленности было немного (11). Окружные инспектора подчинены центральному управлению Министерства, первоначально находились все в С[анкт]-Петербурге, но потом для удобства надзора за учебными заведениями административным распоряжением Министра были переведены на места по округам. В настоящее время один инспектор живет в С[анкт]-Петербурге, ему подчинены учебные заведения С[анкт]-Петербурга, Прибалтийского края и Северных губерний, другой – в Москве, в его ведении учебные заведения Московской и Поволжских губерний, третий инспектор – в Харькове, имея в своем ведении учебные заведения соседних губерний и Юго-западного края, четвертый – живет в Варшаве, имея в составе своего округа губернии Привислиньские и Северо-западный край, пятый имеет в своем ведении заведения Донской области и Кавказа и живет в Тифлисе. Такое количество инспекторов Министерство торговли признает далеко недостаточным, и ныне уже возбужден в законодательном порядке вопрос об увеличении их числа до 12. Кроме того, следует принять во внимание, что при торговых, коммерческих и художественно-промышленных училищах имеются попечительные советы, причем Министерству торговли и промышленности предоставлено вводить в состав этих советов представителя от правительства, который может быть назначен из лиц, состоящих на правительственной службе как по ведомству Министерства торговли и промышленности, так и по другим ведомствам.

Коммерческие училища содержатся, главным образом, на местные средства; некоторые училища получают субсидию от казны, но размер отдельных пособий самый незначительный, 3–4 тысячи рублей, причем общая сумма казенных субсидий равняется всего

120000 р[ублей], между тем как содержание коммерческих учебных заведений обходится в 9 мил[лионов] рублей. Содержателям коммерческих училищ в лице попечительных при них советов предоставляется право избирать директоров этих заведений и представлять их на утверждение Министерства, избрание же преподавательского персонала зависит от директоров.

По поводу приведенных сведений было замечено, что существующее число инспекторов для надзора за учебными заведениями Министерства торговли и промышленности представляется слишком незначительным, чтобы можно было говорить о постоянном школьном надзоре. Окружные инспектора могут только ревизовать учебные заведения и то редко, между тем торгово-промышленные учебные заведения, по-видимому, нуждаются в сугубом надзоре ввиду значительных прав содержателей этих заведений по заведыванию последними. Что же касается существующих при учебных заведениях Министерства торговли и промышленности попечительных советов, то они состоят из лиц купеческого сословия, нередко малограмотных, и возлагать на эти советы надежду, что они могут осуществлять надзор за школою с точки зрения государственных интересов, было бы неосновательно.

Один из членов совещания, бывший люблинский губернатор Е.В. Менкин, поддерживая ту мысль, что правительственный надзор за учебными заведениями может достигать своей цели лишь в том случае, если он будет постоянным, а не ревизионным только, сообщил, что в Привислинском крае замечается совершенно нежелательное направление в учебных заведениях Министерства торговли и промышленности. В Люблине, например, среди учащихся польских коммерческих училищ наблюдается враждебное настроение к русским. Нельзя не отметить и того факта, что частные коммерческие училища избегают принимать преподавателей правительственных средних учебных заведений.

По этому поводу представитель Министерства торговли и промышленности заметил, что с предположенным увеличением окружных инспекторов (до 12) будет усилен и надзор за учебными заведениями Привислинского края. Постоянный надзор, несомненно, имеет преимущество, но нельзя отрицать значения и надзора окружных инспекторов. Если в их распоряжении будет находиться небольшое количество учебных заведений, то они будут в состоянии осуществлять необходимый надзор. Имея возможность

посетить учебное заведение несколько раз в год, притом неожиданно, окружной инспектор может знать настоящее положение учебного дела, а не показную только его сторону. Если же окажется, что и с новым увеличением инспекторских должностей надзор окажется недостаточным, то ведомство торговли и промышленности может вновь просить о соответственном его усилении.

С такими соображениями совещание, однако, не признало возможным согласиться, полагая, что за учебными заведениями Министерства торговли и промышленности желательно установить надзор более близкий, чем окружные инспекторы. При этом было высказано предположение о возложении надзора за учебными заведениями означенного ведомства на местных агентов Министерства народного просвещения, которым возможно было бы поручить наблюдение за преподаванием общеобразовательных предметов в торгово-промышленных учебных заведениях и за направлением учебно-воспитательного в них дела. Для чинов учебного ведомства не представляло бы затруднений возложение на них обязанности надзора за учебными заведениями торгово-промышленного ведомства в Привислинском крае, так как большая часть коммерческих училищ (37 из 68) в этом крае находится в губернских городах, где органы Министерства народного просвещения имеют свое постоянное местопребывание.

По поводу настоящего предположения в совещании было указано, что возложение на органы Министерства народного просвещения надзора за учебными заведениями других ведомств сводилось бы к вопросу о передаче всех заведений в ведомство Министерства народного просвещения, а этот вопрос выходит за пределы компетенции настоящего совещания. При этом если допустить двойкий надзор: технический – со стороны инспекторов подлежащих ведомств и общий – со стороны органов Министерства народного просвещения, то едва ли такой двойственный надзор будет достигать своей цели. Естественнее ожидать, что в таком случае постоянно могут возникать недоразумения и пререкания между представителями ведомств и между самими ведомствами, так как трудно предположить, чтобы при оценке деятельности педагогического персонала, притом с разных точек зрения, была бы полная согласованность в мнениях представителей разных ведомств.

Другое предположение, высказанное в совещании по вопросу об организации надзора за учебными заведениями Министерства торговли и промышленности, заключалось в следующем.

Ввиду трудности установить постоянный надзор за учебными заведениями через особых инспекторов, увеличение числа коих притом связано с отпуском из казны больших сумм, не было ли бы более соответственным обеспечить надзор за правильным течением школьной жизни путем таких или иных условий назначения лиц, стоящих во главе учебных заведений, а равно и лиц преподавательского состава. В коммерческих училищах директора избираются самими содержателями в лице попечительных советов при этих училищах, а преподавательский персонал избирается директором. В Привислинском крае директор-поляк, несомненно, преподавателей назначит из поляков. Так как направление учебного заведения зависит от его директора, то следовало бы обратить главное внимание на то, чтобы обеспечить выбор начальников заведений из лиц, которые могли бы вести учебное дело в направлении, по меньшей мере, не противном интересам русской государственности, т.е. из лиц русского происхождения.

Согласившись с приведенным предположением, совещание приняло при этом во внимание, что в Привислинском крае коммерческие учебные заведения с преподаванием на местных языках (на основании Высочайшего указа 1-го октября 1905 года) не дают служащим в них лицам прав государственной службы и что вследствие сего нелегко будет найти из лиц русского происхождения начальников для этих учебных заведений. Ввиду сего совещание остановилось на мысли о предоставлении лицам русского происхождения, стоящим во главе коммерческих учебных заведений, служебных прав, без распространения, однако, этих прав на преподавателей сих заведений. Вместе с тем совещание признало желательным, в видах содействия начальникам учебных заведений в наблюдении за направлением учебно-воспитательного дела, ввести в число членов попечительных советов, где таковые имеются, представителей правительственной власти из местных органов Министерства торговли и промышленности или, за отсутствием таковых, из органов Министерства народного просвещения.

После сего совещание обратилось к вопросу о надзоре за частными учебными заведениями, состоящими в ведомстве Министерства народного просвещения, так как в других ведомствах таких

учебных заведений не имеется. Ввиду принятого совещанием положения о назначении начальников в бесправные средние учебные заведения Министерства торговли и промышленности из лиц русского происхождения, возник вопрос о том, не следует ли применить эту меру к частным, без прав, учебным заведениям Министерства народного просвещения или же следует ограничиться другими какими-либо мерами для обеспечения правительственного надзора в этих школах.

При обсуждении настоящего вопроса были высказаны следующие соображения.

Предоставление прав государственной службы начальникам коммерческих учебных заведений в местностях с инородческим населением соединяется с расходами для государственного казначейства, на средства коего будут относиться пенсии сим лицам. Таких учебных заведений Министерства торговли и промышленности имеется немного, и, следовательно, указанный расход не будет обременительным для казны. Но иное значение может получить настоящий вопрос, если указанную меру распространить на частные учебные заведения Министерства народного просвещения. В ведении последнего находится большое количество таких заведений, и предоставление служебных и пенсионных прав начальникам этих заведений вызовет значительные расходы со стороны казны. С другой стороны, необходимо иметь в виду, что коммерческие учебные заведения в отношении обеспечения материальными средствами находятся, обыкновенно, в более благоприятных условиях, чем общеобразовательные частные без прав средние учебные заведения. В губерниях Царства Польского коммерческие учебные заведения содержатся, между прочим, на счет обязательного сбора с купеческих и промысловых свидетельств, причем этот источник содержания сохраняется и по преобразовании означенных заведений на основании Высочайшего указа 1-го октября 1905 года в частные заведения с преподаванием на местных языках. Поэтому содержание особого начальника из лиц русского происхождения для коммерческих учебных заведений представляется возможным. Между тем требование от учредителей частных учебных заведений Министерства народного просвещения содержать особых, стоящих во главе заведений лиц русского происхождения, может оказаться весьма стеснительным обязательством для держателей этих заведений и может повести во многих случаях к закрытию последних. Особенно

подобное опасение может относиться к женским частным учебным заведениям, содержимым лишь на суммы сбора за учение, который нередко выражается в скромных размерах: по 15–20 руб. в месяц в старших классах и по 5–6 руб. в пригготовительном классе. При незначительном числе учащихся на плату за учение трудно будет содержать особого начальника.

Надзор за частными учебными заведениями Министерства народного просвещения, не пользующимися правами для учащихся и учащихся, было бы удобнее организовать применительно к порядку, установленному законом для средних женских учебных заведений сего Министерства – гимназий и прогимназий. В этих заведениях председателями педагогических советов кроме директоров и инспекторов мужских учебных заведений могут состоять по назначению попечителя учебного округа и лучшие учителя правительственных учебных заведений учебного ведомства, причем председателям означенных советов принадлежит главное руководство учебною и воспитательною частью в женских гимназиях и прогимназиях. Вознаграждение таким председателям если и дается, то в незначительных размерах, от 150 до 300 руб[лей], и в редких случаях больше. Вознаграждение в данном случае особого значения не имеет, а избрание того или другого лица в председатели педагогических советов служит обыкновенно выражением особого внимания и доверия учебного начальства к данному лицу и является ступенью к служебному повышению. Таких же лиц можно было бы назначать и для наблюдения за учебно-воспитательною частью в частных учебных заведениях предоставлением им прав, одинаковых с председателями педагогических советов, причем во избежание излишних расходов по содержанию этих лиц можно было бы избирать из выслуживших пенсию по учебной службе. Для последних и небольшое вознаграждение было бы достаточным.

По дальнейшем обмене мнений совещание остановилось на последнем предположении и постановило, что в местностях с инородческим населением, в видах осуществления более бдительного надзора со стороны правительства за направлением учебно-воспитательного дела в частных учебных заведениях Министерства народного просвещения, следовало бы назначать для ближайшего наблюдения за этими заведениями особых лиц из учителей правительственных учебных заведений Министерства народного просвещения или пенсионеров сего Министерства с предоставле-

нием этим лицам прав, присвоенных председателям педагогических советов средних женских учебных заведений.

Что же касается тех местностей, где нет правительственных учебных заведений и где осуществление настоящего предположения могло бы встретить затруднения в подыскании подходящих лиц, то здесь по мнению совещания может быть применена мера, принятая совещанием для учебных заведений Министерства торговли и промышленности (т. е. назначение особых директоров русского происхождения с правами государственной службы).

В связи с настоящим вопросом в совещании был возбужден вопрос о желательности открытия на окраинах правительственных средних женских учебных заведений, так как отсутствием таких заведений объясняется развитие здесь частных учебных заведений, надзор за которыми представляется затруднительным.

По этому поводу было замечено, что в настоящее время частных женских средних учебных заведений считается более 800. Почти все они содержатся на суммы сбора за учение и местные пожертвования. Из средств казны отпускается всего лишь 725000 рублей. В пределах Привислинского края, в Виленском и Киевском [75] учебных округах и в Туркестанском крае есть женские средние учебные заведения, в которых отпускаются казенные средства полностью на содержание личного состава, но такие заведения считаются единицами. При таких условиях говорить о правительственных учебных заведениях на окраинах едва ли своевременно, раз не обеспечены такими учебными заведениями центральные местности. Поэтому совещание признало возможным лишь выразить общее пожелание, что лучшим способом борьбы с инородческим влиянием является учреждение на окраинах правительственных или субсидируемых казною женских учебных заведений, и поэтому представлялось бы целесообразным приходить на помощь учебным заведениям, устраиваемым на окраинах обществами и законными организациями, ассигнованием из общего кредита на средние женские учебные заведения, согласно существующему порядку в центральных губерниях России, от 2000 до 4000 руб. в год на каждое учебное заведение.

Обратившись засим к вопросу о надзоре за конфессиональными учебными заведениями, совещание остановилось на еврейских школах (хедерах, талмуд-торах и ешиботах), на армяно-григорианских учебных заведениях (церковно-приходских школах и духов-

ных семинариях и академии) и на римско-католических духовных семинариях.

1. В настоящее время общее число хедеров равняется 8270, в том числе 5156 – в черте еврейской оседлости, 249 – вне этой черты и 2865 – в губерниях Привислинского края; общее число талмуд-тор 414, в том числе 287 – в черте оседлости, 48 – вне этой черты и 79 – в Привислинском крае; ешиботов всего 41, из них 29 – в черте оседлости и 12 – в губерниях Привислинского края; общее число учащихся во всех названных еврейских учебных заведениях равняется 10871, а учащихся – 182521.

При обсуждении вопроса о надзоре за хедерами возник вопрос, не следует ли для надзора за ними учредить особые должности инспекторов, какие предположены совещанием для мусульманских школ – мектебе, причем совещание не нашло оснований к положительному разрешению этого вопроса. Открытие и организация хедеров, а также порядок надзора и ближайшего наблюдения за ними подробно определены особыми Правилами, изданными Министерством народного просвещения 5 сентября 1893 года, о порядке применения закона 1-го марта 1893 г. о частных учителях еврейского закона веры – меламдах. По этим Правилам «общее наблюдение за хедерами принадлежит директорам и инспекторам народных училищ, в помощь которым для непрерывности надзора могут быть назначаемы заведывающие городскими училищами, смотрители уездных училищ, а также и заведывающие еврейскими начальными училищами; наблюдению их предоставляется преимущественно надзор за употребляемыми в хедерах учебными книгами и за воспитательною и гигиеническою частями, гражданскому же ведомству предоставляется проверка, имеют ли меламды надлежащие свидетельства, не занимаются ли они при учительстве какими-либо другими профессиями и заслуживают ли своим образом жизни и поведением доверия. Результаты наблюдений в их отношениях сообщаются подлежащему директору народных училищ на окончательное, в случае надобности, распоряжение» (§ 22). «Наблюдение за преподаванием в хедере закона веры, равно как и за тем, чтобы никто из евреев, не имеющих установленного свидетельства на звание меламда, не занимался обучением детей евреев предметам еврейского закона и языка, лежит на обязанности общественного раввина, который, однако, никаких собственных распоряжений не делает, а представляет о необходимости таковых

местному инспектору или в особо важных случаях директору народных училищ» (§ 23).

Имея характер исключительно вероучительных школ, еврейские хедеры в настоящее время не представляют опасности и в этом отношении не могут быть приравнены к мусульманским вероучительным школам – мектебе. В то время как последние имеют стремление обратиться в общеобразовательные начальные школы и заменить собою правительственные начальные школы, еврейские хедеры служат лишь для удовлетворения потребности в религиозном первоначальном обучении еврейских детей. С другой стороны, мектебе, в коих обучаются дети мусульман разных племен и народностей, имеют тенденцию к отатариванию учащихся, между тем хедеры служат для религиозных нужд одних только евреев и не представляются опасными ни в смысле религиозной пропаганды, ни в смысле национального воздействия. Наконец, мектебе новометодные имеют целью заменить правительственную начальную школу, отвратить детей мусульман от посещения ее; в евреях же, наоборот, не только не замечается никакого враждебного отношения к правительственной школе, но даже в некоторых случаях эту школу приходится ограждать от наплыва в нее еврейского элемента.

Ввиду приведенных соображений совещание признало, что учреждение для надзора за хедерами особых должностей инспекторов народных училищ, подобных тем, которые предположены совещанием для надзора за мусульманскими мектебе, не вызывается действительными требованиями жизни, тем более, что осуществление этой меры могло бы вызвать громадные расходы со стороны государственного казначейства. При этом совещанием было принято во внимание и то соображение, что хотя надзор за хедерами при их многочисленности в настоящее время представляется довольно затруднительным для инспекторов народных училищ, имеющих в своем ведении большое число общих начальных училищ и не обладающих, кроме того, знанием жаргона, которым пользуются при преподавании в хедерах меламды, однако возможно ожидать, что в будущем, с осуществлением всеобщего обучения, когда и для детей евреев будет обеспечено изучение закона их веры в правительственной школе, хедеры сократятся в своей численности и не будут уже представлять особых затруднений для инспекторского надзора.

Что же касается хедеров Привислинского края, существующих на основании особых правил (утвержденных 15-го июня 1888 г. Варшавским генерал-губернатором) и имеющих не только вероучительный, но и общеобразовательный характер (обязательно требуется обучение русскому языку и допускается преподавание других общих предметов), то, как выше было указано (в отделе о конфессиональных учебных заведениях), совещание признало возможным оставить эти хедеры при теперешних условиях существования впредь до введения всеобщего обучения в названном крае. Поэтому и в отношении порядка надзора за хедерами в этом крае совещание не нашло нужным делать какие-либо изменения от существующих правил.

В отношении талмуд-тор, имеющих смешанный характер вероучительно-общеобразовательных школ, и относительно ешиботов совещанием было выражено лишь общее пожелание об усилении надзора за этими учебными заведениями со стороны местных органов учебного начальства – директоров и инспекторов народных училищ. С введением нового положения о начальных училищах талмуд-торы будут подчинены действию сего положения.

2. Более сложным представляется вопрос о надзоре за армяно-григорианскими учебными заведениями; церковно-приходскими школами, духовными семинариями и академией. Именным Высочайшим указом 1-го августа 1905 года Наместнику Его Величества на Кавказе предоставлено выработать без сношения с ведомствами новое положение о начальных училищах, открываемых при армянских церквях и монастырях. Ввиду сего и в целях обеспечения надлежащего правительственного контроля за армянскими начальными школами, совещание признало необходимым выразить пожелание, чтобы при выработке Наместником означенного положения начальные армянские школы были подчинены надзору учебного начальства на общих основаниях с другими частными училищами.

Относительно армянских духовных семинарий и Эчмиадзинской духовной академии совещанием уже приняты были известные положения, обеспечивающие подчиненность этих заведений правительственной власти – касательно установления программ и порядка назначения преподавателей. В настоящем случае при обсуждении отдельно вопроса о надзоре за означенными учебными заведениями, совещание, имея в виду, что последние находятся в исключительном ведении армяно-григорианской церкви, признало

необходимым высказать ту мысль, что существующее положение армянских духовных семинарий, ускользающих совершенно от правительственного контроля, представляется совершенно ненормальным с точки зрения государственных интересов и что было бы желательно подчинить эти учебные заведения в отношении надзора в части, касающейся светских предметов, учебному начальству на основаниях, общих с другими средними учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения, с оставлением за армянским духовенством права наблюдения за преподаванием богословских предметов.

Что же касается армяно-григорианской духовной академии, то, признавая также необходимым подчинить ее надзору правительственной власти, совещание затруднилось, однако, указать определенно способы этого надзора. Представителем Министерства внутренних дел была высказана мысль, что так как означенная академия является высшим духовным учебным заведением с богословскими предметами преподавания, то наблюдение за нею может быть чисто внешнее. Необходимо установить, чтобы армянская духовная академия была открыта для наблюдения учебного начальства, т.е. органы правительственной власти имели беспрепятственный доступ в академию.

Имея в виду, что попытки правительства подчинить армянские духовные учебные заведения правительственному надзору делались в прежнее время неоднократно, но вследствие противодействия армяно-григорианской церкви не достигали цели, совещание признало возможным ограничиться лишь выражением пожелания, чтобы при реорганизации армянской духовной академии Наместником Его Величества на Кавказе были приняты в соображение те общие начала, которых держалось совещание в отношении других учебных заведений, именно, что никакое учебное заведение в государстве не должно существовать вне всякого надзора правительственной власти и что такой надзор в той или иной форме необходимо установить и за армянской духовной академией.

3. Наконец, по вопросу о надзоре за римско-католическими духовными семинариями и духовной академией в совещании было выяснено, что эти учебные заведения находятся в совершенно исключительных условиях в отношении правительственного контроля за ними. Помянутые учебные заведения, хотя состоят в ведомстве Министерства внутренних дел, но, по объяснению представителя

сего Министерства, наблюдению со стороны органов Министерства внутренних дел мало доступны. Римско-католические епископы ревниво охраняют свои духовные школы от проникновения в них правительственных агентов, и с этим приходится считаться ввиду зависимости епископов от папы. Факт проникновения в духовные римско-католические учебные заведения ведет к фактическому закрытию последних. Так, когда в 1896 г. в Кельцах полиция вошла в римско-католическую семинарию (в коей были скрыты склады нелегальной литературы), семинария была закрыта по распоряжению римско-католической духовной власти. Поэтому высказанное в совещании предположение о подчинении римско-католических духовных учебных заведений учебному начальству представляется в настоящее время невозможным. Необходимо выждать более благоприятных для сего условий. Римско-католическая духовная власть сознает необходимость изменения своих духовных школ в отношении программ преподавания, и в Министерстве внутренних дел имеются отдельные ходатайства о преобразовании римско-католических семинарий в видах расширения общеобразовательной в них программы. В случае возбуждения общего такого вопроса возможно будет предъявить к этим семинариям некоторые требования в отношении правительственного за ними надзора.

Ввиду приведенных соображений совещание, признавая существующее бесконтрольное положение римско-католических духовно-учебных заведений не отвечающим видам правительства, выразило пожелание о необходимости изменения такого порядка и установления правительственного надзора за означенными учебными заведениями, не предрешая вопроса о том, в каких формах такой надзор может выражаться.

На основании всего вышеизложенного, постановления совещания относительно инославных и инородческих учебных заведений сводятся к следующим положениям и пожеланиям.

I. По вопросу об употреблении инородческих языков и наречий в учебных заведениях

1. *В правительственных начальных училищах* в инородческих местностях для обучения детей, при поступлении в школу не говорящих по-русски, допускается употребление природного языка учащихся в качестве подсобного средства при преподавании, в первый и, буде понадобится, во второй год обучения, причем же-

лательно: 1) чтобы по мере возможности были устраиваемы для обучения инородцев русскому языку подготовительные классы и детские сады, особенно в местностях со смешанным инородческим населением, и 2) чтобы надзор за выполнением правил, касающихся употребления в школе инородческих языков в качестве подсобных, возложен был не только на директоров и инспекторов народных училищ, но и на училищные советы.

2. Предметом обучения в начальной школе могут быть только природные языки, которые имеют свою письменность и литературу (см. п.5), причем изучать эти языки разрешается в объеме, не большем объема преподавания русского языка. Наблюдение за изучением природных языков учащихся возлагается на директоров и инспекторов народных училищ и на училищные советы.

3. Для подготовки учителей, знающих инородческие языки, более целесообразным представляется открытие не специально инородческих учительских семинарий и школ для учащихся одной народности, а русско-инородческих семинарий, т.е. семинарий, приуроченных к местным условиям, с допущением в эти семинарии инородцев, а также с введением преподавания в них местных инородческих языков, буде эти языки имеют письменность и литературу.

4. В частных учебных заведениях допустимо преподавание на родном языке учащихся, именно:

а) в начальной одноклассной школе с соблюдением следующих требований: 1) чтобы в этой школе обязательно изучался русский язык с назначением на это достаточного числа часов и в пределах, установленных для правительственной школы, 2) чтобы при объяснительном чтении на уроках как русского, так и местных языков в частной школе с трехгодичным курсом сообщались сведения по истории и географии России, 3) чтобы в частной школе с 4-летним курсом обучения история и география изучались как отдельные самостоятельные предметы и преподавались на русском языке, и 4) чтобы преподавание всех предметов велось по одобренным правительственною властью учебникам.

б) Во 2-м классе частных начальных школ с повышенным курсом, кроме русского языка, истории и географии, которые должны преподаваться на языке государственном.

в) В разных школах профессионального типа ведомства Главного управления землеустройства и земледелия: мастерских, кур-

сах для взрослых, практических школах сельского хозяйства и в низших сельскохозяйственных школах с общеобразовательным курсом не выше двухклассных начальных училищ. В сельскохозяйственных школах обязательно должны преподаваться русский язык, история и география, причем русскому языку должно быть отведено достаточное число уроков; преподавание названных предметов должно вестись на языке государственном.

з) *В общеобразовательных частных средних учебных заведениях* в пределах трех младших классов. С четвертого года преподавание всех предметов должно вестись на русском языке, за исключением иностранных языков, преподавание коих на родном языке может продолжаться и в 4-ый год. Наоборот, те предметы, которые начинаются изучением с 3-го года, должны преподаваться на русском языке и в этот год⁷.

д) *В частных средних учебных заведениях профессионального типа* – коммерческих, ремесленных, технических, промышленных и сельскохозяйственных – преподавание на родном языке в первые три года обучения допускается лишь в тех случаях, когда при этих учебных заведениях имеются общеобразовательные классы, для поступления в которые требуются такие же познания, как и для поступления в общеобразовательные средние заведения. В профессиональных учебных заведениях преподавание на природном языке производится с соблюдением тех же правил, что и в частных средних общеобразовательных учебных заведениях.

5. Преподавание в частной школе допустимо лишь на тех языках, которые имеют свою письменность и литературу, а именно на языках следующих десяти народностей: польской, литовской, немецкой, эстонской, латышской, татарской, бурятской, калмыцкой, грузинской и армянской.

6. Частные школы с преподаванием на инородческих языках содержатся на частные средства и не пользуются никакими правами ни для учащихся, ни для учащихся.

7. Желательно, чтобы при введении всеобщего обучения в инородческих местностях были прежде всего обеспечены правительственными училищами те народности, которые не вошли в состав пе-

⁷ Закон Божий инославных исповеданий и родной язык учащихся в данном случае во внимание не принимаются. Для этих предметов остается в силе действующий порядок преподавания на родном языке учащихся.

речисленных десяти и которые по своей малой культурности подвергаются опасности подчиниться ассимилирующему воздействию окружающих народностей с более высокой культурой.

II. По вопросу об учебниках на инородческих языках

1. В инородческих школах преподавание должно вестись по учебникам, одобренным правительственной властью.

2. Существующий порядок рассмотрения и одобрения учебников на инородческих языках в особых комитетах при попечительских советах признать неудовлетворительным и сосредоточить рассмотрение и одобрение таковых учебников в центральном управлении Министерства народного просвещения.

3. Из десяти народностей, на языках коих может вестись преподавание в школе, три народности – татар, калмыков и бурят – следует признать нуждающимися в содействии правительства по изданию школьных учебников на их языках для ограждения этих народностей от пользования учебниками иностранного происхождения.

4. Учебники на инородческих языках для правительственных школ потребуются для преподавания самих этих языков и православного Закона Божия, в частности следующие: 1) буквари или книги для обучения чтению и письму, 2) книги для чтения, которые, начинаясь с мелких и удобопонятных статей, сказок, басен и описаний, должны заключать в себе статьи по естественной истории, а равно по географии и истории, преимущественно России, 3) инородческо-русские и русско-инородческие словари, 4) грамматика для второго класса двухклассных училищ. 5) священная история Ветхого и Нового Завета, 6) молитвенники и 7) краткое изложение учения православной веры и объяснение обрядов и богослужения православной церкви.

III. О преподавании в учебных заведениях инославного Закона Божия и вероучений

1. В учебных заведениях может быть допущено преподавание Закона Божия и начал веры всех старообрядческих толков и согласий, а равно инославных и иноверных исповеданий и вероучений⁸,

⁸ Под инославными иноверными вероучениями разумеются христианские и нехристианские секты.

не воспрещенных уголовным законом и не противных государственному порядку и общественной нравственности, при условии одобрения подлежащей учебной властью программы преподавания означенного предмета и представления в потребных случаях краткого изложения вероучения.

2. Преподавание в учебных заведениях начал веры тех исповеданий и вероучений, кои допущены правительством, разрешается непосредственно подлежащею учебною властью, в остальных же случаях разрешение учебной власти может последовать лишь по удостоверении губернским правлением соответствия данного согласия, толка, исповедания или вероучения указанным в ст. 1 трем признакам.

3. В учебных заведениях, содержимых при участии государственного казначейства, если по штатам их не положено особого вознаграждения старообрядческим, инославным и иноверным законоучителям и вероучителям, прежде всего обеспечивается из сумм казны вознаграждение законоучителя православного исповедания при наличности учащихся сего исповедания, за отсутствием же последних вознаграждение в том же размере назначается законоучителю или вероучителю большинства неправославных учащихся.

4. В учебных заведениях, содержимых при участии государственного казначейства, а равно и в учебных заведениях, существующих на правах правительственных, по уставам коих обучение старообрядческому, инославному и иноверному Закону Божию и вероучению не введено как предмет преподавания, обучение оному вводится по мере изыскания средств.

5. Вознаграждение старообрядческих, инославных и иноверных законоучителей и вероучителей в упомянутых в ст[атье] 4 учебных заведениях производится в размере, определяемом подлежащими учебными начальствами, из специальных средств заведений насколько это возможно по состоянию их, а также из других местных средств.

6. В пределах прихода или религиозной общины обеспечение преподавания правил веры в учебных заведениях составляет обязанность подлежащих старообрядческих, инославных и иноверных духовных лиц (священника, пастора, духовного наставника, мульты, раввина и т.д.).

7. В случае невозможности лично нести вероучительские обязанности во всех учебных заведениях своего прихода или религиозной общины вышеуказанные духовные лица обязаны, в случае требования подлежащих учебных властей, озаботиться приисканием правоспособных заместителей из числа подготовленных духовных или светских лиц.

8. Преподавание старообрядческими, инославными и иноверными духовными лицами правил веры в частных учебных заведениях, а равно внешкольное наставление в правилах веры допускается лишь при условии обеспечения соответственного преподавания во всех государственных учебных заведениях данного прихода или религиозной общины.

9. Вероучители в низших учебных заведениях должны иметь звание не ниже звания учителя начального училища, в средних же учебных заведениях лица, преподающие вероучение, должны обладать образовательным цензом, по возможности, не ниже среднего учебного заведения. Временно допускается допускать к преподаванию вероучения в учебных заведениях и лиц, не имеющих означенных звания и ценза.

10. Вероучители для учебных заведений приглашаются содержателями оных и утверждаются в должностях подлежащими учебными начальствами по предварительном сношении с местною губернской или областною властью.

В заключении своем о личности кандидата губернская (областная) власть руководствуется соответственно богословскою подготовкою и нравственными качествами приглашенного содержателем учебного заведения вероучителя, удостоверенными подлежащею духовною властью или, за отсутствием таковой, единоверцами последнего.

11. Преподавание производится по программам и учебникам, одобренным подлежащею духовною властью соответственного исповедания или вероучения, если таковая имеется, и, во всяком случае, допущенным к употреблению Министерством народного просвещения. При рассмотрении учебников правил веры для вероисповеданий и вероучений, не имеющих признанных государством духовных властей, Министерство народного просвещения по мере надобности сносится с Министерством внутренних дел.

12. Признанным государством духовным властям подлежащих исповеданий и вероучений, в целях надзора за преподаванием пра-

вил веры в учебных заведениях, предоставляется присутствовать на годичных испытаниях по этому предмету. Для сего учебные начальства извещают духовные власти о времени производства помянутых испытаний. Кроме того, подлежащим духовным лицам, с согласия учебного начальства, предоставляется посещать учебные заведения для обозрения преподавания вероучения и в течение учебного года, а равно предоставляется учебным начальством приглашать сих лиц для участия в заседаниях училищных, педагогических, попечительных, иных, тому подобных, советов по вопросам, касающимся преподавания правил веры. Присутствующие на учебных занятиях духовные лица сами не делают никаких замечаний или распоряжений, о замеченных же ими упущениях и необходимых мероприятиях доводят до сведения учебных начальств. Порядок надзора за преподаванием правил веры определяется особыми Правилами, устанавливаемыми Министерством народного просвещения по соглашению с Министерством внутренних дел.

13. Преподавание правил веры в учебных заведениях производится на природном, на котором обычно говорят в семье, языке учащихся, насколько письменность и литературная обработка последнего позволяют изложение на нем вероучения. При отсутствии этих условий преподавание начал веры должно происходить на языке государственном. Изъятия из этого правила могут быть допущены только в тех случаях, когда по местным условиям преподавание на государственном языке не может быть осуществлено. Для православных инородцев преподавание Закона Божия производится с 3-го года обучения на языке государственном.

14. Определение языка, на котором производится преподавание правил веры данной группе учащихся, возлагается: в отношении церковно-приходских школ ведомства православного исповедания – на епархиальные училищные советы, в отношении начальных училищ всех других ведомств – на уездные училищные советы, а в отношении остальных учебных заведений – на состоящие при каждом из них педагогические или попечительные советы.

При рассмотрении в уездных училищных советах данного вопроса по отношению к учебным заведениям, не подведомственным Министерству народного просвещения, к участию в сих советах привлекаются начальники подлежащих учебных заведений.

В местностях, в коих не существует училищных советов, функции последних исполняют директора народных училищ.

Постановления уездных училищных советов относительно языка преподавания правил веры могут быть обжалованы в губернский училищный совет, а постановления директоров народных училищ, педагогических и попечительных советов – попечителю учебного округа, который делает по сим делам распоряжения по обсуждению их в состоящем при нем совете.

При решении означенных вопросов упомянутые учреждения и лица принимают к рассмотрению как письменно, так и словесно заявленные пожелания родителей и опекунов учащихся.

15. В учебных заведениях, в коих учащиеся одного и того же исповедания или вероучения принадлежат к разным народностям, преподавание вероучения производится, по мере возможности, на всех родных им языках. С согласия родителей и опекунов преподавание вероучения вводится на государственном языке, как наиболее доступном всем учащимся.

16. Утвержденные Министерством народного просвещения 22-го февраля 1906 года Временные правила для преподавания Закона Божия инославных христианских исповеданий в учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения, по соглашении их с вышеизложенными положениями, распространяются на преподавание вероучений старообрядческого, инославных христианских вероучений, а также нехристианских исповеданий и вероучений, и применяются в учебных заведениях всех типов и ведомств, если в специальных уставах их не имеется особых по сему предмету постановлений.

IV. Конфессиональные учебные заведения

А. Частные конфессиональные (открываемые для учащихся одного исповедания [инославного] или вероучения) учебные заведения с преподаванием общеобразовательных предметов и профессиональных знаний.

1. Содержание и субсидирование казною таковых учебных заведений недопустимо. Изъятие из этого правила может быть сделано по отношению лишь к низшей и профессиональной школе в случае необходимости поддержания или защиты русской народности в местностях с инородческим населением (старообрядческие школы).

2. Начальная конфессиональная школа разрешается к открытию при условии обеспечения православного населения данной местности отдельной школой.

3. Католические школы недопустимы в Холмской Руси и в 8 западных губерниях: Минской, Могилевской, Витебской, Волынской, Виленской, Гродненской, Подольской и Киевской.

4. Конфессиональные низшие профессиональные школы всех наименований и всех специальностей, за исключением железнодорожных технических училищ, допустимы с тем, чтобы, в случае обнаружения вредного в религиозном отношении влияния таких школ на православное население данной местности, в противовес этим школам и в целях ограждения православных от пропаганды, открывались в данном, обслуживаемом конфессиональною школою районе, профессиональная школа неконфессиональная и чтобы за конфессиональными школами профессионального типа был установлен тщательный надзор со стороны органов правительственной власти на местах.

5. Католические профессиональные школы недопустимы в пределах Холмской Руси и в тех же 8 западных губерниях, в коих недопустимы католические конфессиональные начальные школы общеобразовательные (п[ункт] 3).

6. Конфессиональные общеобразовательные школы повышенного типа и городские училища недопустимы. Исключение возможно лишь для мусульман, старообрядцев, сектантов и евреев.

7. Средние конфессиональные учебные заведения, за исключением еврейских, недопустимы, но существующие при католических, евангелическо-лютеранских и реформатских церквях учебные заведения могут продолжать дальнейшее свое существование.

8. Европейские частные средние учебные заведения допустимы и вне черты еврейской оседлости в таких пунктах, население которых не менее 1000 тысяч душ и где имеется значительное число евреев.

9. Содержание конфессиональных общеобразовательных и профессиональных учебных заведений духовными лицами и духовными учреждениями инославных исповеданий и вероучений недопустимо. Таковые лица и учреждения могут давать средства на содержание конфессиональных школ, не пользуясь, однако, никакими правами, присвоенными содержателям школ.

10. Указанное в предыдущем (9) пункте ограничение не распространяется на армяно-григорианское духовенство, которое может открывать и содержать начальные армянские школы.

11. Желательно, чтобы Наместником Его Величества на Кавказе при выработке нового положения для армянских начальных школ были приняты в соображение следующие основания: 1) армянские начальные школы должны быть открываемы с разрешения учебного начальства, 2) преподавательский персонал в них должен назначаться в порядке, установленном для частных учебных заведений, 3) русский язык в армянских школах должен изучаться с 1-го года обучения; в объяснительное чтение как на уроках русского языка, так и армянского должны вводиться элементы, знакомящие с историей и географией России; при преподавании истории и географии как самостоятельных предметов, последние должны преподаваться на русском языке, 4) преподавание должно вестись по учебникам, одобренным правительством.

12. Разрешать устройство инославных храмов при учебных заведениях конфессиональных и неконфессиональных нежелательно.

13. В ограждение православных от религиозной пропаганды не допускается поступление их в конфессиональные школы, устраиваемые для детей других исповеданий, как христианских, так и нехристианских за исключением некоторых немецких евангелическо-лютеранских и реформаторских учебных заведений, существующих в С[анкт]-Петербурге (при евангелическо-лютеранских церквях Св[ятых] Апостолов Петра и Павла, Св[ятого] Михаила), в Харькове, Киеве и в других городах.

14. Не допускается поступление детей инославных христианских исповеданий в конфессиональные школы, открываемые для нехристиан.

Б. Конфессиональные учебные заведения, открываемые для подготовки инославных вероучителей и учителей начальных школ (вероучительские и учительские школы).

I. Римско-католические духовные семинарии

В римско-католических духовных семинариях постановка учебного дела временно остается без изменения, т.е. временно не допускается разрешение общеобразовательного в них курса. В случае возбуждения римско-католическою духовною властью общего вопроса об усилении в этих семинариях общеобразователь-

ного элемента предъявить к последним соблюдение некоторых требований правительственного за ними надзора. Допускаемые ныне в римско-католических духовных семинариях общеобразовательные предметы должны преподаваться на русском языке, а вероучительные предметы (фактически преподаваемые ныне на польском языке) должны преподаваться на латинском языке с подсобным родным языком учащихся.

[Ш]. Кистерские и канторские школы

Не допускается на будущее время открытие кистерских и канторских школ с двойною целью – подготовки кистеров и канторов, с одной стороны, и учителей начальных школ – с другой. Эти школы должны иметь лишь одно назначение – готовить кистеров и канторов, причем общеобразовательные предметы в кистерских и канторских школах не должны быть допускаемы кроме русского языка, для которого должно быть положено достаточное число уроков.

От поступающих в кистерские и канторские школы требуется как минимум окончание двухклассного начального училища, причем в случае ходатайства учредителей в отдельных случаях может быть устанавливаем и более повышенный ценз – окончание городского училища.

Для богословского образования кистеров и канторов признается достаточным двухгодичный курс помянутых школ.

Преподавание в кистерских и канторских школах ведется на родном языке учащихся (кроме русского языка).

В правительственные учительские [76] семинарии, предназначенные по закону для православных, должны быть допускаемы также и инославные учащиеся с введением преподавания их Закона Божия, в целях подготовки таковых учащихся как к учительской деятельности в начальных школах с инославным составом учащихся, так и к преподаванию инославного Закона Божия в этих школах.

III. Армяно-григорианские учебные заведения – духовные семинарии и академия

1. Армяно-григорианские учебные семинарии должны быть обращены в школы вероучительские, предназначенные для подготовки священников. Законоучительские должности в правительст-

венных школах должны замещаться, по мере возможности, преимущественно из лиц, прошедших семинарии.

2. Учебный план и программа армянских семинарий должны быть установлены правительством по соглашению с армянской духовною властью, за армянским духовенством остается право наблюдения за преподаванием богословских предметов, а в общем семинарии подлежат надзору правительственной власти.

3. Преподавание должно вестись по учебникам, одобренным правительством, причем общеобразовательные предметы должны преподаваться на русском языке.

4. Преподавать как богословские, так и общие предметы в семинариях могут лица, имеющие на то право и с разрешения подлежащих органов правительственной власти.

5. Ачмиадзинская армянская духовная академия должна быть богословским учебным заведением. Первый пункт действующего положения академии подлежал бы изменению в следующей редакции: «Академия должна преследовать богословские интересы и иметь целью приготовление священнослужителей для армяно-григорианской церкви и преподавателей для армянских духовно-учебных заведений[»].

6. Общий план преподавания и программы преподаваемых предметов в академии должны устанавливаться правительственною властью по соглашению с армянским духовным начальством.

7. Языком преподавания в армянской академии для всех предметов не чисто богословского характера должен быть русский язык, причем лица, не состоящие в русском подданстве, могут быть освобождаемы от обязательного изучения этих предметов за исключением русского языка.

8. Преподавателями в армянской академии должны быть непременно русские подданные из лиц, окончивших духовную академию или получивших образование в высших учебных заведениях империи.

IV. Старообрядческие учебные заведения, подготовляющие вероучителей и учителей

Старообрядческие вероучительские школы допустимы со смешанным характером, т.е. с целью подготовки как учителей для старообрядческих школ, так и вероучителей. Для этой цели старообрядцы могут открывать педагогические курсы двухгодичные

или трехгодичные применительно к Правилам о педагогических курсах 1907 г. с добавлением к ним особого богословского курса для преподавания богословских предметов применительно к Правилам 20 марта 1907 года об уроках и курсах для взрослых. Для поступления на педагогические курсы необходимо иметь образовательный ценз, соответствующий, по меньшей мере, курсу двухклассного начального училища, на дополнительном же богословском курсе могут обучаться как прошедшие предварительно учительские курсы, так и непроходившие таковых. Означенные курсы могут быть открываемы как при городских училищах, так и отдельно от них.

V. Сектантские богословские курсы

Сектанты могут открывать особые курсы для подготовки сектантских вероучителей, но курсы эти должны носить исключительно богословский характер с преподаванием из общих предметов лишь русского языка. Преподавание на курсах для русских сектантов должно вестись на русском языке, а на курсах для сектантов нерусских допускается преподавание также и на родном языке учащихся.

VI. Мусульманские вероучительские школы медресе, подготовляющие мулл

Уклонение медресе в сторону усиления общеобразовательных предметов и создание, под видом конфессиональных вероучительских школ, национальных мусульманских общеобразовательно-вероучительских учебных заведений представляется недопустимым.

Необходимо установить с определенностью перечень предметов, преподавание коих является необходимым для изучения мусульманского вероучения в медресе; такие медресе с чисто вероучительным характером могут быть оставлены в заведывании мусульманского духовенства. Те же медресе, которые будут выходить из поставленных для них рамок духовной школы и принимать общеобразовательный характер, должны преобразоваться в частные учебные заведения на общем основании.

Помимо арабского языка, необходимого для изучения мусульманского вероучения, в виде подсобного языка при преподавании в медресе служит родной язык учащихся.

Испытания на звание муллы происходят на родном языке испытуемых по определенной программе, выработанной Магометанским духовным собранием и утвержденной Министерством внутренних дел.

Для производства испытаний мулл, проживающих вне Уфимской губернии, образуются в местностях, населенных преимущественно мусульманами, особые временные испытательные комиссии.

Духовное управление мусульман преобразуется на началах децентрализации [77].

Вероучителями правительственных школ могут быть назначаемы лишь такие муллы, которые обладают знанием государственного языка.

Выработка мероприятий для достижения знания муллами русского языка поручается учебным округам с тем, чтобы выработанные на местах меры представлялись на окончательное утверждение Министру народного просвещения.

VII. Вероучители у ламаитов

К ламам, допускаемым в правительственные школы для преподавания вероучения, надлежит предъявить требование знания русского языка. В ближайшее время возможно допущение в школы лам-вероучителей и без знания русского языка.

VIII. Еврейские школы – ешиботы

Оставить означенные школы без изменения на положении исключительно богословско-вероучительских школ, сообщающих высшие религиозные еврейские знания и подготовляющих к раввинскому званию.

Еврейские вероучители, допускаемые к преподаванию еврейского закона веры в правительственных начальных училищах, должны иметь образование не ниже одноклассного начального училища и обладать знанием русского языка.

Вопросы относительно объема богословских знаний, необходимых для еврейских вероучителей, допускаемых к преподаванию закона веры в правительственных школах, и относительно способов проверки этих знаний предоставить предварительно обсудить раввинской комиссии, собираемой при Министерстве внутренних дел для обсуждения касающихся евреев разных вопросов.

В. Вероучительные школы

1. Кантораты

Кантораты – духовные лютеранские школы в Привислинском крае, состоящие ныне в ведении консисторий (евангелическо-аугсбургской и реформатской) и имеющие смешанный характер – вероучительный и общеобразовательный, преобразовать в течение 10 лет в начальные училища на общем основании с представлением Министру народного просвещения права, в продолжение этого переходного периода, регулировать жизнь канторатов, насколько возможно и осуществимо, применительно к мерам, выработанным в 1903 г. управлением Варшавского учебного округа относительно названных школ.

В течение указанного срока (10) новые кантораты открываться не должны.

2. Подготовка к конфирмации

Необходимо принять следующие меры относительно конфирмационного обучения у лютеран, чтобы оно не вырождалось в школьное обучение: 1) строго определить возраст лиц, приготавливаемых к конфирмации, 2) ограничить определенным сроком продолжительность времени подготовки к конфирмации, 3) установить определенный срок этой подготовки сообразно со временем самой конфирмации, 4) назначить определенное место для производства означенной подготовки, 5) определить, какие лица имеют право заниматься подготовкой к конфирмации, и 6) установить требование, чтобы кроме вероучения никаких других предметов (напр., немецкого языка) не преподавалось при подготовке к конфирмации.

Такие же меры применить и по отношению к катехизационному обучению у католиков.

3. Мусульманские школы – мектебе

Применить к мектебе меры, предположенные для медресе, т.е. мектебе должны быть обращены в школы исключительно вероучительного характера, а в случае преподавания общеобразовательных предметов мектебе должны подчиниться действию общего положения о частных учебных заведениях.

4. Хедеры, талмуд-торы и караимские школы

Хедеры, в коих преподаются только еврейский закон веры и начальная еврейская грамота (чтение и письмо), оставить без изменения.

Хедеры Привислинского края, существующие на основании особых правил, требующих обязательного преподавания в этих школах русского языка и допускающих преподавание в них других общеобразовательных предметов, оставить также без изменения, впредь до введения в названном крае всеобщего обучения.

Талмуд-торы оставить без изменения, впредь до введения в действие нового положения о начальных училищах.

Караимские школы при синагогах оставить без изменения.

V. О надзоре за инородческими и инославными учебными заведениями

а) Начальные школы Министерства народного просвещения и духовного ведомства

1. Инспекторы народных училищ в местностях с инородческим населением должны избираться из лиц, знакомых с местными языками. Для подготовки таких инспекторов желательно устраивать на местах особые краткосрочные курсы по изучению инородческих языков, а равно пользоваться курсами, существующими при Практической восточной академии в С.-Петербурге.

2. Указанное в предыдущем пункте требование относительно знания инородческих языков желательно применить и к уездным наблюдателям церковно-приходских школ.

3. Желательно, чтобы в тех случаях, когда в ведении уездных наблюдателей находится свыше 50 школ, на должности таких наблюдателей назначались священники бесприходные и чтобы Духовное ведомство озаботилось принятием соответственных мер к обеспечению этих наблюдателей достаточным содержанием.

б) Конфессиональные школы

Для надзора за мусульманскими вероучительными школами-мектебе учредить должности особых инспекторов на следующих основаниях: 1) ввиду нетерпимого отношения магометанского духовенства ко всякого рода вмешательству в постановку учебно-воспитательной части мектебе роль особых инспекторов магометанских конфессиональных школ должна ограничиваться только

надзором за тем, чтобы в этих школах не преподавалось ничего противного русской государственности; 2) так как деятельность таких инспекторов будет ограничиваться скорее внешним надзором, то на должности таких инспекторов можно назначать и лиц без специально-педагогической подготовки и вообще с меньшим образовательным цензом, чем инспекторы народных училищ; 3) инспекторы над мусульманскими вероучительными школами имеют сравнительно с настоящими инспекторами народных училищ пониженное служебное положение, как в отношении класса должности, так и по окладу содержания, и избираются из лиц с образовательным цензом не ниже городского училища и знакомых с местными инородческими языками, а также с исламом; 4) учреждение означенных должностей должно быть мерой временной, пока в этих должностях мусульманских вероучительных школ в их настоящем виде; 5) инспекторы мусульманских вероучительных школ должны находиться в подчинении у инспекторов народных училищ, которые не устраниются от общего надзора за вероучительными школами, и 6) нормальным числом вероучительных школ на одного такого инспектора признать 75.

Надзор за медресе возложить на инспекторов народных училищ, причем желательно, чтобы инспекторы в местностях, где имеются медресе, были знакомы с инородческими языками.

в) Школы Главного управления землеустройства и земледелия

Желательно, чтобы местные агенты надзора за учебными заведениями сего ведомства имели наблюдение не только за постановкой в учебных заведениях специальных предметов, но и за преподаванием общих предметов с точки зрения соответствия этого преподавания государственным интересам.

г) Промышленные училища Министерства народного просвещения

Означенные училища должны быть подчинены надзору не только директоров народных училищ, но и инспекторов народных училищ.

д) Частные средние учебные заведения:

1. Министерства торговли и промышленности

В частных коммерческих учебных заведениях Привислинского края, в коих на основании Высочайшего указа 1 октября 1905

года, преподавание ведется на польском и литовском языках, назначать начальствующих лиц из русских с предоставлением им прав государственной службы, коими пользуются начальники соответственных правительственных учебных заведений. Кроме того, желательно включение в число членов попечительных советов при коммерческих учебных заведениях представителей правительственной власти из местных органов Министерства торговли и промышленности или, за отсутствием таковых, из органов Министерства народного просвещения.

II. Министерства народного просвещения

В частных без прав учебных заведениях Министерства народного просвещения в местностях с инородческим населением для ближайшего наблюдения и руководства учебно-воспитательную частью желательно назначение особых лиц из учителей правительственных учебных заведений Министерства народного просвещения или пенсионеров сего Министерства, с предоставлением этим лицам по отношению к означенным заведениям прав, присвоенных председателям педагогических советов средних учебных заведений. В тех же местностях, где не имеется правительственных учебных заведений и где осуществление указанной меры могло бы встретить затруднения в подыскании подходящих лиц, может быть применяема мера, принятая для частных учебных заведений Министерства торговли и промышленности.

е) В видах противодействия влиянию инородческих учебных заведений было бы целесообразно приходить на помощь женским учебным заведениям, устраиваемым на окраинах обществами и законными организациями, ассигнованием из казны, из общего кредита на средние женские учебные заведения, согласно существующему порядку в центральных губерниях России, от 2000 до 4000 руб. в год на каждое учебное заведение.

ж) В местностях с инородческим и инославным населением инспекторы народных училищ, уездные наблюдатели церковных школ православного ведомства и лица школьного надзора в других ведомствах не должны назначаться из местных уроженцев нерусского происхождения.

з) *Армянские учебные заведения.*

1. Желательно, чтобы армянские начальные школы были подчинены надзору учебного начальства на общем основании с другими частными начальными училищами.

2. Армянские духовные семинарии в части, касающейся светских предметов, желательно подчинить надзору учебного начальства на основаниях, общих с другими средними учебными заведениями Министерства народного просвещения, с оставлением за армянским духовенством права наблюдения за преподаванием богословских предметов.

3. Эчмиадзинская армянская духовная академия должна быть доступна для наблюдения учебного начальства.

и) *Римско-католические духовные семинарии*

Желательно изменение существующего бесконтрольного положения этих семинарий и установление за ними правительственного надзора в той же норме, как и за другими инородческими вероучительскими школами.

Председатель совещания *Лев Георгиевский*

Члены совещания: *А. Позднеев*

Спешков

А. Вильев

Ев. Менкин

П. Селезнев

Заслуж. проф. А. Архангельский

И. Воронцовский

И. Меццерский

П. Луппов

А. Михайлов

С. Удовиченко [78]

Источник: РГИА, ф.1022, оп.1, д. 28. Набранный типографическим способом текст.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. **Министерство народного просвещения Российской империи** – центральное государственное учреждение, руководившее учреждениями народного просвещения и науки в 1802–1817 и 1824–1917 гг.

2. **Столыпин Петр Аркадьевич** (1862–1911) – российский государственный деятель, министр внутренних дел, премьер-министр России в 1906–1911 гг.

3. **Юго-западный край** – собирательное наименование трех губерний правобережной Украины – Волынской, Подольской и Киевской, или Киевское генерал-губернаторство (1832–1915).

4. **Северо-западный край** объединял шесть губернии Западного края страны: Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую и Витебскую.

5. **Прибалтийский** или **Остзейский край** объединял Курляндскую, Лифляндскую и Эстляндскую губернии. Большинство населения составляли латыши и эстонцы.

6. **Царство Польское** – край, находившийся в составе Российской империи по решению Венского конгресса с 1815 по 1915 год. В 1815 г. Александром I, который признавался польским королем, была дарована Конституция. На месте правил наместник императора. После Польского восстания 1830–1831 гг. произошла отмена Конституции и потеря автономии. После польского восстания 1863 г. Царство Польское стало именоваться «Привислинским краем» и во всех сферах – административной, судебной, кадровой, учебно-образовательной и др. – началась целенаправленная реализация идеи слияния региона с «телом» империи. Секуляризация края стала одним из методов противодействия национально-освободительной борьбе поляков. В 1874 г. на его территории устроено Варшавское генерал-губернаторство.

7. **Министерство внутренних дел Российской империи** – орган центральной государственной исполнительной власти, осуществлявший административно-распорядительные функции в сферах государственной безопасности, общественной безопасности, охраны правопорядка, руководства местными органами власти, борьбы с преступностью, охраны мест лишения свободы, цензуры в средствах массовой информации и книгоиздания и т.д.

8. **Министерство финансов Российской империи** – центральное государственное учреждение, ведавшее вопросами финансово-экономической политики государства.

9. **Министерство торговли и промышленности** – центральное государственное учреждение по управлению казенной промышленностью, надзору за частной промышленностью и торговлей. Образовано в 1905 г.

10. **Министерство путей сообщения** (1865–1917) преобразовано из Главного управления путей сообщения с целью полного слияния в центральных учреждениях технической и административно-хозяйственной деятельности по руководству и эксплуатации путей сообщения. Оно ведало содержанием, благоустройством и использованием всех путей сообщения и торговых портов, за исключением изъятых из ведения министерства особыми постановлениями; руководило эксплуатацией и строительством казенных железных дорог и рельсовых подъездных путей; производило надзор за эксплуатацией и строительством частных железных дорог, надзор за водными путями, бечевниками, затонами, набережными и пристанями, судоходный надзор за судами на водных путях своего ведомства, технический надзор за торговыми портами и проезжими дорогами; осуществляло руководство учебными заведениями ведомства (с.9–10).

11. **Главное управление земельного устройства земледелия** появилось в результате реорганизации в 1905 г. Министерства земледелия и государственных имуществ, курировало вопросы крестьянского землевладения.

12. **Совет министров Российской империи** – высший исполнительный орган власти государстве, созданный в новом виде именованным Высочайшим указом от 19 октября 1905 года для общего «управления и объединения действий главных начальников ведомств по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления». Министры перестали быть отдельными чиновниками, ответственными перед императором каждый лишь за свои действия и распоряжения. С 1861 г. существовал орган с таким же названием под председательством императора – наряду с Комитетом министров. Он рассматривал дела, которые требовали не только утверждения императора, но и личного его присутствия при их обсуждении. Заседания не были регулярными и назначались каждый раз императором.

13. **Харузин Алексей Николаевич** (1864–1932) – известный русский этнограф и антрополог, государственный деятель. В 1904–1908 гг. – губернатор Бессарабии, затем – директор ДДДИИ. В 1911 г. – заместитель министра внутренних дел.

14. **Департамент духовных дел иностранных исповеданий** был создан для управления делами иностранных исповеданий. Неоднократно менял наименование и подчиненность: Экспедиция государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства Департамента МВД (1808–1810); самостоятельное центральное ведомство – Главное управление духовных дел разных (с 1880 г. – иностранных) исповеданий (1810–1817, 1880–1881); ДДДИИ Министерства духовных дел и народного просвещения (1817–1824); Отделение духовных дел МНП (1824–1832); ДДДИИ МВД (1832–1880, 1881–1917).

В начале XX в. в составе ДДДИИ находилось семь отделений. 1-е ведало католическим исповеданием, 2-е – протестантским, лютеранским, реформатским, аугсбургским, мариавитским, 3-е занималось делами сектантов, отпавших от инославных исповеданий, и счелами, 4-е – старообрядческими делами; 5-е – мусульманским, «ламаитским и языческим» исповеданиями, 6-е ведало армяно-григорианским, армяно-католическим, русско-католическим вероисповеданиями, 7-е вело секретные дела.

ДДДИИ разрабатывал различные законопроекты, связанные с неправославными вероисповеданиями, собирал через религиозные управления статистические сведения и т.д.

15. Законом о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. было объявлено:

1) отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собой каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий, причем отпавшее по достижении совершеннолетия от православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало; 2) признавалось, что при переходе одного из исповедующих ту же самую христианскую веру супругов в другое вероисповедание все не достигшие совершеннолетия дети остаются в прежней вере, исповедуемой другим супругом, а при таком переходе обоих супругов дети их до 14 лет следуют вере родителей, достигшие же этого возраста остаются в прежней своей религии; 3) объявлялось, что лица, числящиеся православными, но исповедующие ту нехристианскую веру, к которой до присоединения к православию принадлежали сами они или их предки, получают возможность перехода в эту веру и т.д.

16. Общество «Польской школьной Матицы» – организация Польской национально-демократической партии, занимавшаяся культурно-просветительской деятельностью. За короткий период – с 1905 по 1907 г. – общество открыло 141 школу, 317 приютов, 505 библиотек. Общество насчитывало 116 тыс. членов. В его учебных заведениях обучалось 63 тысячи человек, пользовались приютами 14401, библиотеки посетили 400054 читателя. Деятельность «Матицы» стала двигателем национально-культурного развития польского народа. Общество было закрыто в январе 1908 г. за игнорирование увещеваний властей о необходимости ведения преподавания в своих школах на русском языке и за обвинение в возбуждении среди населения Привислинского края «духа узконациональной обособленности и сепаратизма».

17. Варшавская евангелическо-аугсбургская консистория была одной из семи действовавших в империи самостоятельных протестантских церквей. Ее устройство было высочайше регламентировано 8 февраля 1849 г. Во главе управления церковью стоит генерал-суперинтендент, назначаемый императором по представлению министра внутренних дел. Консистория состоит из светского президента, духовного

вице-президента (генерал-супер-интендент) и из двух светских и духовных членов. Президент и светские члены назначаются императором по представлению министра внутренних дел; духовные члены – министром по представлению консистории. Приходы разделялись на четыре суперинтендентские округа.

18. 11 марта 1836 г. было высочайше утверждено «Положение» об управлении делами Армяно-григорианской церкви в России, согласно которому главное управление церковью и высший надзор за духовенством принадлежит Эчмиадзинскому патриарху. Все дела по управлению церковью патриарх обязан был решать «вняв предварительному мнению» Синода, который являлся ядром организационной структуры Армяно-григорианской церкви. Синод располагался в Эчмиадзинском монастыре и состоял из четырех архиепископов или епископов, четырех архимандритов и одного варапета, заседавших не реже двух раз в неделю. Члены Синода назначались императором по представлениям Главноуправляющего Кавказом, Грузией и Закавказьем и министра внутренних дел.

В его круг деятельности входило: наблюдение за действиями всех подчиненных Синоду мест и должностных лиц; надзор за благоустройством монастырей, церквей, семинарий и богоугодных заведений; надзор за порядком управления имуществом церкви; рассмотрение дел об учреждении церквей, монастырей, семинарий; дача разрешения на вступление в духовный сан, пострижение и сложение сана; дача разрешений на брак; рассмотрение судебных дел, кроме дел, рассматриваемых светскими судами, и т.д.

Армяно-григорианская церковь объединяла шесть епархий во главе с назначаемыми на должность и увольняемыми с должности императором архиепископами. В каждой епархии учреждалась консистория из четырех членов.

19. **Георгиевский Лев Александрович (1860–1927?)** – заместитель министра народного просвещения в 1905–1911 гг.

20. **В состав Казанского учебного округа** (1803–1918) первоначально входили учебные заведения 14 губерний Поволжья и Приуралья, с 1836 г. – 9, с 1845 г. – 8, с 1874 г. (после выделения из его состава самостоятельного Оренбургского учебного округа) – 6 губерний (Казанская, Астраханская, Вятская, Самарская, Саратовская, Симбирская).

21. **Оренбургский учебный округ** был учрежден 1874 г. в составе Пермской, Уфимской, Оренбургской губерний, Уральской и Тургайской областей. С 1907 г. управление округом находилось в Уфе.

22. **Туркестанский генерал-губернаторство.** В 1865 г. была учреждена Туркестанская область, которая по «высочайше» утвержденному 11 июля 1867 г. «Временному положению об управлении в областях Семиреченской и Сырдарьинской» была разделена на две области и стала именоваться Туркестанским генерал-губернаторством. Семиреченская область

была образована из Аягузского приказа, приставства Старшего жуза, и вновь завоеванной территории Кокандского ханства (после подавления здесь восстания против русской администрации 1876 г.). Туркестанский край был подчинен военному ведомству. 2 июня 1886 г. было издано «Положение об управлении Туркестанским крем», согласно которому были объединены Ферганская, Самаркандская и Сырдарьинская области.

23. **Спешков Сергей Федорович** (1847–?) – тайный советник, служил в учебном ведомстве с 1 ноября 1871 г., в 1901–1905 гг. – попечитель Казанского учебного округа, с 20 августа 1905 г. – член Совета министра народного просвещения.

24. **Остроумов Алексей Андреевич** (1853–?) служил помощником попечителя Казанского учебного округа, попечителем Виленского учебного округа; помощник попечителя Петербургского учебного округа (?–1911), действительный статский советник.

25. **Беляев Владимир Иванович** (1833–1911), профессор ботаники, попечитель Киевского (1903–1905) и Варшавского (1905–1911) учебных округов.

26. **Владимиров Федор Николаевич** (1860–1913) – действительный статский советник, попечитель Оренбургского учебного округа в 1910–1913 гг.

27. **Деревицкий Алексей Николаевич** (1859–?) – действительный статский советник, доктор греческой словесности. С 1885 г. служил по ведомству МНП, с 1905 г. – попечитель Казанского учебного округа.

28. **Павлов Николай Иванович** – действительный статский советник, вице-директор ДДДИИ в 1910–1911 гг.

29. **Вейденбаум Евгений Густавович** (1845–1918) – русский этнограф, историк, архивист, кавказовед и публицист. Председатель Кавказской археографической комиссии, член совета Наместника е.и.в. на Кавказе.

30. **Менкин Евгений Васильевич** – люблинский губернатор, директор ДДДИИ в 1912–1915 гг.

31. **Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский** Михаил Александрович (1865–?), действительный статский советник, тифлисский губернатор с 22 сентября 1902 г. по 10 мая 1911 г.

32. **Ванчаков Афанасий Михайлович** – протоерей, член Училищного совета и Учебного совета при Синоде, до этого был преподавателем Киевской духовной семинарии; статский (в 1909 г. – действительный статский, в 1917 г. – тайный) советник; автор книг: Краткий историко-статистический обзор развития церковной школы с 1884 года до настоящего времени (1884–1909). СПб., 1909; Заметки о начальной церковной школе (в виду проекта закона о всеобщем обучении). СПб., 1908.

33. **Восторгов Иоанн Иоаннович** (Иван Иванович) (1864–1918) – проповедник-миссионер с правами противосектантского епархиального

миссионера в Московской епархии (июня 1906 г.), синодальный миссионер-проповедник при Св. Синоде (с октября 1907 г.).

34. **Луппов Павел Николаевич** (1867–1949) – выпускник КДА, служил в Святейшем Синоде. Специалист по истории христианского просвещения и этнографии удмуртов. Автор книг: Народное образование среди вотяков со времени первых известий о них до 1840-х годов. Вятка, 1898; Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. 2-е изд. Вятка, 1901; Христианство у вотяков в первой половине XIX века. Вятка, 1911; Материалы для истории христианства у вотяков в первой половине XIX века. Вятка, 1911 и т.д.

35. **Азиатский отдел Главного штаба** (1906–1910); Азиатская часть Главного штаба (1910–1918). Согласно положению о Главном штабе от 16 августа 1911 г. распространяла свою деятельность на территорию: Туркестанского генерал-губернаторства, Батумской, Карской и Дагестанской областей, Закатальского округа, а также на горское население Кубанской и Терской областей. На него было возложено составление предположений о занятиях и действиях войск, составление из военных журналов известий для обнародования, устройство военно-народных управлений, устройство укреплений и путей сообщения, снаряжение военно-ученых и других экспедиций; военно-административное устройство, размещение, передвижение, перемещение, усиление и сокращение войск, устройство государственной границы азиатской части России, военно-политическая переписка о положении дел с соседними азиатскими государствами и об отношениях к этим государствам (с 1886 г.); заведование Курсами восточных языков (с 1903 г.).

36. **Цейль (Покатов) Сергей Владимирович** (1868–1934) – выпускник Николаевской академии Генерального штаба (1895), стolonачальник Гл. штаба (1903–1904). Участник русско-японской войны 1904–1905 гг., начальник отдела Гл. штаба (1905–1906), делопроизводитель Азиатского отд. Гл. штаба (1906–1907), исполняющий должность начальника Азиатского отдела Гл. штаба (1907–1913), генерал-майор (1910).

37. **Карликов Вячеслав Александрович** (1871–1937) – выпускник Николаевской академии Генерального штаба (1898), полковник (1908) Генерального штаба Военного министерства, герой Первой мировой войны.

38. **Департамент народного просвещения** (1803–1917) – основной орган управления делами учебного ведомства. До 19 апреля 1904 г. ДНП был единственным в МНП. С созданием Департамента общих дел и Отдела промышленных училищ в компетенции ДНП осталось заведование учебно-воспитательной частью общеобразовательных учебных заведений (кроме промышленных) и учеными учреждениями. Произошло укрупнение структурных частей ДНП до 6 частей:

1. Разряд ученых учреждений и вузов ДНП;
2. Разряд средних учебных заведений;

3. Разряд учительских институтов, семинарий и низших учебных заведений;

4. Разряд общих дел;

5. Врачебно-санитарная часть учебных заведений;

6. Строительный комитет.

В 1906 г. в составе ДНП было создано Особое делопроизводство по ведению секретной переписки.

39. **Платонников Иван Матвеевич** (1853–?) – действительный статский советник, начальник отдела ДДДИИ (с 1892 г. по 1911 г.?).

40. Инославные, т.е. христианские.

41. Иноверных, т.е. нехристианские.

42. В состав **Варшавского учебного округа** входили: Варшавская, Калишская, Келецкая, Ломжинская, Люблинская, Петроковская, Плоцкая, Радомская и Сувалкская губернии.

43. **Рижский учебный округ** учрежден в 1803 г., первоначально именовался Дерптским учебным округом, после перемещения управления округом в Ригу, с 1893 года именовался Рижским учебным округом. В состав округа входили Курляндская, Лифляндская и Эстляндская губернии.

44. **«Правила о начальных училищах для инородцев» от 1 ноября 1907 г.**

Вследствие давления татар МНП вынуждено было подвергнуть «Правила» от 31 марта 1906 г. пересмотру в специальной комиссии, в которую были допущены представители мусульман (Г.Курбангалеев, Ш.Кучуков, Г.Юнусов, Г.Хамидуллин, Г.Еникеев, И.Акчурина, А.Баязитов). Мнение мусульманской группы было изложено в особой записке, в которой «Правила» характеризовались как «репрессивно-ассимиляционные», «стремящиеся не естественными, а крайне искусственными мерами приобщить мусульман к общерусской культуре». Их рекомендации, выдвинутые в качестве альтернативы «Правилам» от 31 марта 1906 г., не удостоились поддержки большинства, которое настояло на принятии несколько обновленной редакции «Правил» 1906 г.

Выработанный комиссией документ был утвержден министром народного просвещения 1 ноября 1907 г. под названием «Правила о начальных училищах для инородцев». В «Правилах» 1907 г. разъяснялось, что они издаются взамен «Правил» 1906 г., но не отменяют другие «Правила», регламентировавшие школьное дело нерусских народов. В соответствии с этим действовавшие на основе предыдущих «Правил» «инородческие» училища не упразднялись, а организуемые в соответствии с «Правилами» от 1 ноября 1907 г. школы носили рекомендательный характер и должны были открываться только с согласия местного населения.

«Правила» 1907 г. действовали в Казанском, Оренбургском, Одесском, Кавказском, Западно-Сибирском учебных округах, а также в Тур-

кестанском крае, Иркутском и Приамурском генерал-губернаторствах. Из них была исключены положения об обязательности русской транскрипции и о моноэтническом составе учащихся русско-национальных школ. В «Правилах» 1907 г. отсутствовали пункты об организации русских классов при конфессиональных школах. При этом допускалось учреждение на государственные, общественные, частные средства классов русского языка для взрослых и детей без «привязки» к какому-либо учреждению. В «Правилах» 1907 г. была представлена «Примерная таблица предметов и уроков» для одноклассных и двухклассных училищ. Также устанавливалась возможность открытия при начальных одноклассных и двухклассных училищах ремесленных классов и классов ручного труда, организуемых в соответствии с законом от 21 апреля 1903 г.

45. **Государственный совет Российской империи** – высший законосовещательный орган государства в 1810–1906 гг. и верхняя палата законодательного учреждения в 1906–1917 гг.

46. **Одноклассное и двухклассное начальные училища** учреждены на основании «Положения о двухклассных и одноклассных училищах» 1869 г. и Инструкции для двухклассных сельских училищ 1875 г. «Образцовые училища» предназначались главным образом для сельской местности. Курс 1 класса равнялся трехлетнему курсу одноклассного училища. Изучаемые дисциплины: русский язык с чистописанием, арифметика, Закон Божий. Двухклассные начальные училища имели большую популярность среди населения и земств, что объяснялось пятилетним сроком обучения. В 1897 г. МНП утвердило «Примерные программы предметов, преподаваемых в начальных народных училищах ведомства Министерства народного просвещения». Они были составлены в полном соответствии с «Положением о народных училищах» 1874 г. Курс обучения в одноклассных училищах продолжался три года при продолжительности учебного года не менее 6 месяцев. Произошло увеличение учебного времени на преподавание предметов чисто религиозного характера (до 45%). Число уроков в каждом из трех отделений (младший, средний и старший) был следующий: Закон Божий – 6 часов, Церковнославянская грамота – 3, русский язык – 8, чистописание – 2, арифметика – 5 часов.

47. **Привислинские губернии** или губернии бывшего Царства Польского.

48. **Учебный комитет МНП (1863–1917)** – важный общественный совещательный орган учебного ведомства. В его ведении находилось: изучение учебных программ, книг, сочинений и периодические издания, предполагавшие для распространения в учебных заведениях; рассмотрение поступающих в МНП предложений в сфере образования; утверждение проектов ученых обществ, предложений о научных экспедициях и командировках и отчетов по ним и т.д.

49. **Виленский учебный округ** (1803–1832, 1850–1917) с 1850 г. объединял Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Ковенскую, Минскую и Могилевскую губернии.

50. **Одесский учебный округ** образован в 1832 г. в составе Бессарабской, Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерний.

51. **Кавказский учебный округ** образован в 1848 г. в составе Бакинской, Елизаветпольской, Ставропольской, Черноморской, Эриванской губерний, Батумской, Дагестанской, Карсской, Кубанской, Кутаисской, Терской, Закаспийской области, Сухумского и Закатальского округов. Упразднен в 1860 г. и вновь восстановлен в 1867 г.

52. **Переводческая комиссия при Братстве святителя Гурия.** Еще до создания общественной миссионерской организации «Братство святителя Гурия» в 1867 г. в Казани успели издать на кириллице несколько религиозных книг на татарском языке. Одним из важных направлений деятельности Братства стали перевод, цензура, издание и распространение православных богослужебных и религиозных книг на языках нерусских народов Восточной России. До учреждения в 1876 г. на базе Братства святителя Гурия Переводческой комиссии, существовавшей на средства Православного миссионерского общества, было издано 13 религиозных книг на татарском, 15 на чувашском, 7 на марийском, 3 на удмуртском, 1 на мокшанском языках. С учреждением Переводческой комиссии расширился репертуар религиозных изданий, появились переводы на казахском, якутском, шорском и других языках. Эти издания позволили за короткий период организовать сеть миссионерских учебных заведений, повысить качество обучения и грамотность на родном языке нерусских народов Поволжья, способствовали формированию национальной духовной и светской интеллигенции. Переводческая комиссия до 1891 г. работала под руководством Н.И. Ильминского, затем – профессора КДА М.А. Машанова (редакторы переводов на татарский язык).

Первыми сотрудниками Переводческой комиссии были профессора КДА С. Саблуков (редактор по переводам на татарский язык) в 1876–1880 гг. и В.В. Миротворцев (редактор по переводам на бурятский и калмыцкий языки) в 1876–1891 гг., затем стали сотрудниками: с 1883 г. – инспектор чувашских школ КУО И.Я. Яковлев (редактор по переводам на чувашский язык), с 1890 г. – священник В.Т. Тимофеев (редактор по переводам на татарский язык), с 1891 г. – профессор КДА П.А. Юнгеров, практикант академии М.В.Мадмаев (редактор по переводам на бурятский и калмыцкий языки), инспектор «инородческих» школ Оренбургского учебного округа В.В. Катаринский (редактор по переводам на казахский язык), директор Казанской учительской семинарии Н.Н.Бобровников.

С 1904 г. Переводческая комиссия при Братстве святителя Гурия перешла в ведение Православного миссионерского общества.

53. **Братство святителя Гурия** – миссионерское общество при Казанском кафедральном соборе (с 1867 г.), занимавшееся утверждением и распространением христианства среди крещеных коренных народов Казанского края, язычников и мусульман, а также среди старообрядцев. С 1908 г. совет Братства начал выполнять функции епархиального миссионерского совета.

54. Мектебе – начальная мусульманская школа, где учащиеся обучались грамоте и заучивали основные молитвы.

55. Медресе – средняя или высшая школа, учащиеся которых готовились стать муллами.

56. Циркуляр МНП от 10 июля 1892 г. об изъятии из учебного процесса рукописных книг и иностранных изданий был адресован попечителям Казанского, Оренбургского и Московского учебного округов. Под предлогом того, что в мектебе и медресе в качестве пособий использовались рукописные книги, пропагандирующие «враждебные русским государственным началам» идеи в дальнейшем в этих учебных заведениях предписывалось «употреблять исключительно печатные книги», одобренные российской цензурой. Муллы, получившие образование мусульманских странах, были обвинены в противоборстве «сближению магометанского населения с русским» и в препятствовании «распространению русского языка и русской грамотности». По этой причине к преподавательской деятельности могли допускаться только российские подданные, получившие образование в России.

57. В 1885 г. Сибирский учебный округ был разделен на две части: Восточно-Сибирский (Иркутская, Енисейская губернии, Якутская область) и Западно-Сибирский (Тобольская, Томская губернии, Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская области).

58. **Конституция 1863 г.** – положение, регулирующее внутреннюю жизнь западных армян – была принята армянским Национальным собранием Константинополя 24 мая 1860 г. и утверждена Высокой Портой 17 марта 1863 г. под названием «Положение об армянской нации».

59. **Особое межведомственное совещание при МВД по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае** действовало с 12 по 29 января 1910 г.

60. В тексте ошибочно написан 1906 г.

61. Временные правила о преподавании Закона Божия инославных христианских исповеданий и о порядке наблюдения духовных лиц за его преподаванием в образовательных учреждениях ведомства Министерства народного просвещения от 22 февраля 1906 г. (См.: Русская школа. 1906. №5–6. С. XVIII–XIX).

62. **Холмская Русь** – историческая область на левобережье Западного Буга с административным центром – городом Холм. По третьему разделу Польши в 1795 г. к России отошли небольшая часть Холмщины. По

Венскому договору 1815 г. вся Холмщина вошла в состав Царства Польского в составе России. С целью уменьшить влияние католической церкви на общественную жизнь края после Польского восстания 1863 г., правительство приняло решение о принудительном переводе в православие принадлежащих к Украинской греко-католической церкви украинцев Холмщины. 11 мая 1875 года было провозглашено воссоединение холмских униатов с православной церковью. В 1912 году была учреждена Холмская губерния, выделенной из Привислинского края.

63. **Милютин Николай Алексеевич** (1818–1872) – государственный деятель, в 1859–1861 гг. заместитель министра внутренних дел, один из главных разработчиков реформы отмены крепостного права в России 1861 г., разработчик положения об устройстве быта польских крестьян, получивший силу закона 19 февраля 1864 г.

64. **Тышкевич Владислав Юзефович** (1865–1936) – польский помещик, общественный деятель, руководитель польской делегации, вручившей 9 марта 1905 премьер-министру В.Ю.Витте петицию о необходимости полонизации школы в Привислинском крае. Депутат Государственной думы первого созыва, активный член Польского коло. Осенью 1907 г. вручил премьер-министру П.А.Столыпину записку, требуя прекращения еврейских погромов, издания законов, регламентирующих положение евреев в империи.

65. **Московский учебный округ** объединял Московскую, Ярославскую, Костромскую, Владимирскую, Калужскую, Нижегородскую, Орловскую, Рязанскую, Смоленскую, Тверскую и Тульскую губернии. 20 января 1907 г. – по 9 января 1911 г. попечителем учебного округа состоял А.М. Жданов (1858–1914), с 9 января 1911 г. по 11 марта 1917 г. – А.А. Тихомиров (1850–1931).

66. «**Тәржеман–Переводчик**» – газета, издававшаяся в 1883–1918 гг. в Бахчисарае. Первым и бессменным ее редактором был И.Гаспринский. До разрешения мусульманам внутренних губерний издавать свою периодику являлась общетюркской российской газетой. Издавалась на тюркском и русском языках. На ее страницах И.Гаспринский выдвинул идею культурного единства тюркских народов России на основе «единства языка, мысли и действий». Газета активно пропагандировала открытие новометодных мектебов и медресе, призывала к обновлению жизни мусульманского сообщества России.

67. **Гаспринский Исмаил** (Гаспралы) (1851–1914) – крымско-татарский общественный и политический деятель, просветитель, педагог, издатель, из дворян. С апреля 1883 г. стал издавать тюркоязычную газету «Тарджеман-Переводчик». В медресе, основанном им в 1884 г., ввел новый (звуковой) метод обучения арабскому алфавиту, включил в программу ряд светских предметов, поэтому его медресе стало образцом для многих новометодных учебных заведений в России. В период революции

1905–1907 гг. был одним из организаторов двух съездов крестьян Крыма, участник 1, 2 и 3-го Всероссийских съездов мусульман. С 1906 г. издавал на крымско-татарском языке журнал «Талые нисван» («Мир женщин»).

68. Допущена небольшая неточность. Букварь И.Гаспринским издан в 1884 г.

69. **Мекка** – священный город мусульман, находится в западной Саудовской Аравии, является местом паломничества для мусульман.

70. **Мешхед** – город на крайнем северо-востоке Ирана, является священным городом шиитов.

71. **Оренбургское магометанское духовное собрание** – правительственное учреждение, организованное в 1788 г. для контроля над мусульманским духовенством и управления религиозными делами мусульман европейской части России и Сибири. В его компетенции находились: испытание претендентов на приходские должности в знании канонов ислама, надзор за действиями духовенства, строительство и ремонт мечетей, заключение браков, имущественные споры, случаи неповиновения детей родителям, правильность исполнения мусульманских обрядов, ведение метрических книг приходским духовенством и др.

72. **Паскевич Иван Федорович** (1782–1856) – российский военный и государственный деятель, в 1832–1856 гг. – наместник Царства Польского.

73. **Шварц Александр Николаевич** – российский государственный деятель, попечитель Рижского (1900–1902), Варшавского (1902–1905), Московского учебных округов (1905 г.), сенатор (с 1905 г.), член Государственного совета (с 1907 г.), министр народного просвещения в 1908–1910 гг.

74. **Практическая Восточная академия при Обществе востоковедов**, согласно уставу, зарегистрированному в 1909 г., – специальное учебное заведение, имеющее целью подготовки специалистов «по практическому знанию восточных языков и стран для административной, консульской и торгово-промышленной службы и деятельности на наших восточных окраинах и сопредельными с ними странах». Первый руководитель – востоковед А.М. Позднеев.

75. **Киевский учебный округ** объединял Киевскую, Подольскую, Волынскую, Черниговскую и Полтавскую губернии.

76. Слово «учительские» добавлено от руки.

77. Этот абзац вычеркнут чернилами и с правой стороны поставлен знак «?».

78. Эти фамилии должностных лиц имеются в окончательном варианте документа, который сохранился в фонде Департамента народного просвещения МНП (РГИА, ф.733, оп.176, д.47, л. 187).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Будилович А.С. Может ли Россия отдать инородцам свои окраины? СПб., 1907. 131 с.

Будилович А.С. Отчет о командировочной поездке т.с. А.С. Будиловича в Казанский, Оренбургский и Западно-Сибирский учебные округа. (В октябре, ноябре и декабре 1904 г.). СПб., 1905.

Веселовский Ю. Национальный вопрос в сфере школьного воспитания // Вестник воспитания. 1905. №9. С. 125–143; 1906. №2. С.151–174.

Витаев А. Инородческая школа в Лифляндской губернии // Вестник воспитания. 1913. №7. С.91–111.

О веротерпимости. Закон 17 апреля 1905 года. СПб.: Тип. И.Д. Сытина, 1905. 88 с.

Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917: в 4 т. Т.2: Центральные государственные учреждения. Министерство внутренних дел, Министерство юстиции. Министерство финансов. Министерство торговли промышленности. Государственный контроль / сост. *Б.М. Витенберг, Н.М. Корнева, Т.Г. Любарская, З.И. Перегудова.* СПб.: Наука, 2001. 260 с.

Высшие и центральные государственные учреждения России: в 4 т. Т.3: Центральные государственные учреждения / сост. *С.В. Казакова, Н.М. Корнева, Т.Г. Любарская, Д.И. Раскин.* СПб.: Наука, 2002. 228 с.

Д. А. А-в. Вопрос о просвещении татар // Русская старина. 1905. №7–8. С.237–257.

Журнал Совета министра народного просвещения по вопросу о «просвещении инородцев» (2 февр. 1870 г.) // Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX в. / Материалы по истории народов СССР. Вып. 6. (Татарская АССР. Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. Ч. I.). М.; Л., 1936. С.281–292.

Закон 1-го июля 1914 г. и инородческая школа // Инородческая школа. Сб. статей и материалов по вопросам инородческой школы. Под общ. ред. *Г.Г.Тумима и В.А.Зеленко.* Пг.: изд. Н.П. Карбасникова, 1916. С.76–82.

Зеленко В. Что такое инородческая школа // Инородческая школа. Сборник статей и материалов по вопросам инородческой школы. Сб. статей и материалов по вопросам инородческой школы. Под общ. ред. *Г.Г.Тумима и В.А.Зеленко.* Пг.: изд. Н.П. Карбасникова, 1916. С.1–17.

Зеленко В. Инородческая школа как явление Русской жизни // Инородческая школа. Сб. статей и материалов по вопросам инородческой

школы. Под общ. ред. *Г.Г.Тумима* и *В.А.Зеленко*. Пг.: изд. Н.П. Карбасникова, 1916. С.43–65.

Ильминский Н.И. Письма Николая Ивановича Ильминского к обер-прокурору Святейшего Синода Константину Петровичу Победоносцеву. Казань: Тип. Православного собеседника, 1895. 415 с.

Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): сб. матер. / сост. *Д.Ю.Арапов*. М.: Наталис, 2006. 480 с.

Иванович В. Хроника. Школа, литература и жизнь. Школа, литература и жизнь. // Вестник воспитания. 1906. №6. С.113–150.

Из истории национальной политики царизма // Красный архив. 1929. № 35. С.107–127; №36. С.61–83.

Инородческие и иноверческие училища. Систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций и справочных сведений об училищах: колонистских, протестантских, католических, армянских, для раскольников и сектантов, инородческих, магометанских, караимских и еврейских. СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1903. 62 с.

Ислам в Российской империи (законодательные акты, описание, статистика): Сб. матер. / составитель *Д.Ю. Арапов*. М.: ИКЦ Академкнига, 2001. 367 с.

Иорданская Е. Об итогах работы инородческой комиссии по народному образованию // Инородческая школа. Сб. статей и материалов по вопросам инородческой школы. Под общ. ред. *Г.Г.Тумима* и *В.А.Зеленко*. Пг.: изд. Н.П. Карбасникова, 1916. С.96–110.

Материалы и документы по истории общественно-политического движения среди татар (1905–1917 гг.) / Сост., автор вст. ст. и прим. *Р.Р. Фахрутдинов*. Казань: КГПИ, 1992. 126 с.

Корнилов И.П. Памяти графа Михаила Николаевича Муравьева. К истории Виленского учебного округа за 1863–1868 гг. СПб.: Типогр. В.В. Комарова, 1898. 446 с.

Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел за двадцатипятилетие. 1855–1880 г. СПб. Типогр. Министерства внутренних дел, 1880. 183 с.

Лаурсон А.М. Частные учебные заведения ведомства Министерства народного просвещения. Собрание действующих законоположений и распоряжений о частных учебных заведениях и о домашнем обучении. СПб.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1912. XXVIII, 338 с.

Левитин С. К вопросу об инородческой школе и национальном самоопределении // Инородческая школа. Сб. статей и материалов по вопросам инородческой школы. Под общ. ред. *Г.Г.Тумима* и *В.А.Зеленко*. Пг.: изд. Н.П. Карбасникова, 1916. С.28–42.

Малиновский Н.П. Законодательство об инородческой школе // Инородческая школа. Сб. статей и материалов по вопросам инородческой

школы. Под общ. ред. *Г.Г.Тумима* и *В.А.Зеленко*. Пг.: изд. Н.П. Карбасникова, 1916. С.119–157.

Национальные движения в период первой революции в России: Сб. док. из архива Департамента полиции / Сост. *И.Д. Кузнецов*. Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1935. 398 с.

Обзор деятельности ведомства Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III (со 2 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.). СПб.: Государственная типография: 1901. 650 с.

Общая резолюция принятая комиссией по образованию и воспитанию в местностях с инородческим населением // *Инородческая школа*. Сб. статей и материалов по вопросам инородческой школы. Под общ. ред. *Г.Г.Тумима* и *В.А.Зеленко*. Пг.: изд. Н.П. Карбасникова, 1916. С.116–118.

Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 года: документы и материалы / Сост., авт. предисл., прим. и сокр. *И.К.Загидуллин*; сост. указ. *Р.М.Заялетдинова*. Казань: Издательство Академии наук РТ, 2015. 588 с.

Правила о начальных училищах для инородцев // ЦКУО. 1913. №5. С.349–353.

Правила о частных учебных заведениях, классах и курсах Министерства народного просвещения, не пользующихся правами правительственных учебных заведений // ВОУО. 1914. №6–7. С.567–574.

Правила об училищах для инородцев, высочайше утвержденные 5 июня 1913 г. // ВОУО. 1913. №5. С.394–395.

Расписание войск, военных управлений, заведений и учреждений. С показанием допускаемого в составе их числа офицеров, классовых медицинских и немедицинских работников и вольноопределяющихся, принадлежащих к иноверному населению // «Национальный вопрос» в России в зеркале общеимперского законодательства (XIX – начало XX вв.): Сб. материалов / Сост., авт. вступ. ст., списка сокр. назв. законодат., норм. актов и терминов *И.К.Загидуллин*. Казань, 2009. С.119–129.

Русова С. Инородческая школа и ее запросы // *Инородческая школа*. Сб. статей и материалов по вопросам инородческой школы. Под общ. ред. *Г.Г.Тумима* и *В.А.Зеленко*. Пг.: изд. Н.П. Карбасникова, 1916. С.18–27.

Русова С. Педагогическая хроника // *Русская школа*. 1907. №1. С.24–32.

Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб.: Общественная польза, 1869. 522 с.

СПМНП: В 17 т. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1876. Т. 3. 1528 стб.

СПМНП: В 17 т. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1877. Т. 4. 1752 стб.

СПМНП: В 17 т. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1877. Т. 5. 2258 стб.

- СПМНП: В 17 т. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1878. Т. 6. 1830 стб.
- СПМНП: В 17 т. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1883. Т. 7. 2294 стб.
- СПМНП: В 17 т. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1892. Т. 8. 1758 стб.
- СПМНП: В 17 т. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1893. Т. 9. 1352 стб.
- СПМНП: В 17 т. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1894. Т. 10. 1490 стб.
- СПМНП: В 17 т. СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1895. Т. 11. 1908 стб.
- СПМНП: В 17 т. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1896. Т. 12. 1960 стб.
- СПМНП: В 17 т. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1898. Т. 13. 2258 стб.
- СПМНП: В 17 т. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1900. Т. 14. 1514 стб.
- СПМНП: В 17 т. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1902. Т. 15. 2110 стб.
- СПМНП: В 17 т. СПб.: Сенатская тип., 1903. Т. 16. 1899 стб.
- СПМНП: В 17 т. СПб.: Сенатская тип., 1904. Т. 17. 2284 стб.
- Свод законов, циркуляров и справочных сведений по народному образованию в переходный период. М.: Тип. И.Д. Сытина, 1907. 276 с.
- Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и магометанских учебных заведениях. Казань: Тип. П.И. Кидалинского, 1899. 61 с.
- Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.): сб. док и матер. / сост. Д.Ю. Аранов. М.: МПГУ, 2004. 288 с.
- Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. СПб.: Тип. Э.Л. Пороховщиковой, 1905. 366 с.
- Устав Практической Восточной академии при Императорском обществе востоковедов. СПб.: Типография Т-ва п.ф. «Электро-типогр. Н.Я. Стойковой», 1910. 11 с.
- Юридические ограничения по этноконфессиональному признаку // «Национальный вопрос» в России в зеркале общеимперского законодательства (XIX – начало XX вв.): Сб. материалов / Сост., авт. вступ. ст., списка сокр., назв. законодат., норм. актов и терминов И.К. Загидуллин. Казань, 2009. С. 13–60;
- Юридические ограничения в отношении евреев // «Национальный вопрос» в России в зеркале общеимперского законодательства (XIX – начало XX вв.): Сб. материалов / Сост., авт. вступ. ст., списка сокр., назв. законодат., норм. актов и терминов И.К. Загидуллин. Казань, 2009. С. 61–101.

ПСЗ–3. Т.24. №25495.
ПСЗ–3. Т. 25. Отд.1. №26162.
ПСЗ–3. Т.25. Отд.1. №26756.
ПСЗ–3. Т.27. №29016.
ПСЗ–3. Т. 27. № 32121.

Успенский Мих. Ив. Новая программа для латышских школ // Русская школа. 1906. № 5–6. С. 77–88.

Чарнолуцкий В. Хроника. Национальные съезды по вопросам образования // Вестник воспитания. 1906. №.8. С.108–142.

ЦКУО. 1882. № 4. С. 72–74.

Юкан А. Начальное образование в Прибалтийском крае // Вестник воспитания. 1910. №1. С.147–161.

Яковлев И.В. Значение родного языка в инородческой школе// Русская школа. 1905. №3. С.219–222.

Яковлев И.В. Современные вопросы инородческого просвещения // Русская школа. 1906. №7–8. С.35–46.

Литература

Бабин В.Г. Национальный вопрос и проблемы образования в Государственной думе России (1906–1917 гг.). Барнаул: АГУ, 1997. 201 с.

Бахтурина А.Ю. Национальные окраины Российской империи: государственно управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1914 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.

Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи / перевод с англ. *Наталии Мишаковой, Михаила Долбилова, Елизаветы Зуевой* и автора; научный ред. перевода *М. Долбилов*. М.: Новое лит. обозрение, 2012. 280 с.

Ганкевич В.Ю. Очерки истории крымскотатарского образования (реформирование этноконфессиональных учебных заведений мусульман в Таврической губернии в XIX – начале XX века). Симферополь: Таврия, 1998. 162 с.

Ганкевич В. На службе правде и просвещению. Краткий биографический очерк *И.Гаспринского* (1851–1914). Вступ. статья *А.Р.Эмирова*. Симферополь: ДОЛЯ, 2000. 328 с.

Гатагова Л.С. Правительственная политика и народно образование на Кавказе в XIX в. М.: Издательский центр «Россия молодая», 1993. 213 с.

Гросул В.Я., Итенбург Г.С., Твардовская В.А., Шаццло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 440 с.

Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. Авторизиров. пер. с английского В.Гончарова. М.: Новое лит. обозрение, 2013. 548 с.

Долбилов Д.М. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое лит. обозрение, 2010. 1000 с.

Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории. 1996. №11–12. С.39–52.

Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма. XIX – начало XX вв. (К постановке проблемы) // *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма. (XIX – начало XX вв.). СПб.: ЛИСС, 1998. С.13–62.

Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб.: ЛИСС, 1998. 1000 с.

Дэулэт Н. Русия төркиләренәң милли көрәш тарихы (1905–1917) / *төрөкчәдән Р. Батулла* тәрж. Казан: Милли китап, 1998. 399 б.

Загидуллин И.К. Петиции мусульман Казани 1905 г. // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2015. №1–2. С.46–63.

Загидуллин И.К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг.: монография. Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. 423 с.

Загидуллин И.К. Татарская школа и русификаторская политика царизма во второй половине XIX в. // Народное просвещение у татар в дооктябрьский период. Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, 1992. С.60–84.

Западные окраины Российской империи. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 608 с.

История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Т. III. Алма-Ата: Наука 1979. 544 с.

Исхакова Р.Р. Педагогическое образование в Казанской губернии в середине XIX – начале XX веков. Казань: ЗАО «Новое знание», 2001. 280 с.

Исхаков Р.Р. Миссионерство и мусульмане Волго-Камья. (последняя треть в XVIII – начало XX в.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 222 с.

Каптелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. Пер. с немецкого *С. Червонной*. М., 1996. 380 с.

Каптелер А. Как классифицировали русские источники XVI – середины XIX вв. этно-религиозные группы Волго-Уральского региона // Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона XVIII–XXI вв.). Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2012. С.13–39.

Комзолова А.А. Западный комитет (1862–1864 гг.) и виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев // Россия и реформы / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов: Сб. ст. Вып. 5. М., 2002. С. 9–34.

Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993. 446 с.

Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / пер. с английского В.Макарова. М.: Новое лит. обозрение, 2012. 304 с.

Лукьянов С.А., Удодов А.Г. Государственно-правовое регулирование деятельности Армяно-григорианской церкви в Российской империи // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 12-4(54). С.166–170.

Малиновский Н.П. Законодательство об инородческой школе // Инородческая школа. Сб. статей и материалов по вопросам инородческой школы. Под общ. ред. *Г.Г.Тумима* и *В.А.Зеленко*. Пг.: изд. Н.П. Карбасникова, 1916. С. 119–158.

Махмутова А.Х. Лишь тебе, народ, служенье! (История татарского просветительства в судьбах династии Нигматуллиных-Буби). Казань: Магариф, 2003. 354 с.

Маузолато Кимитака. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства: сборник статей (Библиотека журнала *Ab Imperio*) / Под ред. *И.В.Герасимова*, *С.В. Глебова*, *А.П.Каплуновского*, *М.Б.Могильнер*, *А.М.Семёнова*. Казань: «Центр Исследований Национализма и Империи», 2004. С.427–458.

Миллер А. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 248 с.

Н.К. Новое направление в системе школьного образования инородцев-христиан восточной и юго-восточной России// Русская школа. 1907. Т. 3.С.81–96.

Назарьевский И. Исторический очерк законодательства по начальному образованию в России // ЖМНП. 1905 . №1. Народное образование. С.149–191.

Нигалатий М.Е. Правительственная политика в области в области образования в Царстве Польском в 60–70-е гг. XIX в.: начальное и среднее образование: Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2009. 28 с.

Осоков А.В. Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917): Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. №2121 «Педагогика и методика нач. обучения». М.: «Просвещение», 1982. 208 с.

Ремнев А.В. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. М., 2006. № 4 (34). С. 5–31.

Россия в начале XX века / под ред. акад. *А.Н. Яковлева*. М., 2002. 744 с.

Саматова Ч.Х. Имперская власть и татарская школа во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Казанского учебного округа). Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. 239 с.

Саматова Ч.Х. Правительство и проблемы реформирования мусульманских учебных заведений внутренних губерний России в начале XX в. // *Нация. Эпоха. Личность: Сб. памяти доктора исторических наук Г.Л.Файзрахманова.* Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2008. С.331–350.

Татарская энциклопедия. В 5 т. / Гл. ред. *М.Х. Хасанов*, ответ. ред. *Г.С.Сабирзянов.* Т.2: Г-Й. Казань: Институт татарской энциклопедии, 2005. 655 с.

Татарская энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. *М.Х. Хасанов*, ответ. ред. *Г.С.Сабирзянов.* Т.3: К-Л. Казань: Институт татарской энциклопедии, 2006. 664 с.

Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четв. XVIII – нач. XX в. [2-е изд., испр. и доп.]. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2008. 368 с.

Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. 786 с.

Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. Казань: Фэн АН РТ, 2005. 584 с.

Фархшатов М.Н. Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века (1900–1917 гг.). Уфа: Гилем, 2000. 259 с.

Хотеенков В.Ф. «Лжегосударственный человек». Граф Дмитрий Андреевич Толстой // *Очерки истории российского образования. К 200-летию Министерства образования Российской Федерации.* Т.2. М.: МГУП, 2002. С.35–74.

Циунчук Р.А. Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения. Казань: изд-во «Фэн», 2004. 416 с.

Циунчук Р.А. Российская империя как система «центр-окраины» // *Окраины Московского государства и Российской Империи: инновационные подходы в изучении Имперской истории России.* Казань, 2012. С.53–66.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Александр I – 5, 6, 10, 12
Александр II – 14, 23
Александр III – 19, 21
Алексей Михайлович – 127
Анцыферов С.И. – 55
Архангельский А. – 263
Бабин В.Г. – 17, 19, 29, 30, 31
Бахтурина А.Ю. – 28
Беляев В.И. – 98
Березов Д.Е. – 59, 100
Бонджо-Степжинский – 171
Будда Шакьямуни (Шигэ-Муни) – 129, 199, 130
Будилевич А. С. – 34, 35, 39
Бурше, варшавский генерал-суперинтендант – 214
Ванчаков А.М. – 59, 99
Василенко Г.П. – 61, 101
Вейденбаум Е.Г. – 60, 99, 166
Вейнденбаум Е.Г. – 60, 99
Верт П. – 7
Веселовский Ю. – 20, 21, 32, 33
Вильев А.В. – 61, 82, 98, 100, 263
Витенберг Б.М. – 61
Владимир Святой, кн. – 126
Владимиров Ф.Н. – 99
Воронцов М.С., кн. – 21
Воронцовский И.М. – 61, 82, 98, 100, 101, 263
Восторгов И.И. – 60, 99
Ганкевич В. – 16
Гаспринский И. – 194,
Гатагова Л.С. – 21
Георгиевский Л.А. – 55, 61, 70, 98, 181
Головин А.В. – 13
Гросул В.Я. – 10
Гурко Василий Иосифович (1828–1901), варшавский генерал-губернатор в 1883–1894 гг. – 124
Гурьев П.В. – 61, 100
Дашков-Воронцов И.И. гр. – 60
Деревицкий А.Н. – 99
Джераси Р. – 35, 39
Долбилов Д.М. – 7, 68
Дормидонтов С.М. – 60, 100
Дякин В.С. – 8, 33, 35, 46, 74, 80
Екатерина II – 129
Ермак – 127
Загидуллин И.К. – 9, 24, 25, 36, 48, 50, 55, 80
Залялетдинова Р.М. – 36, 55
Зеленко В.А. – 55
Зуева Е. – 7
Иван IV, русский царь – 127
Ильминский Н.И. – 23, 27, 44
Иоанн III (Иван III), Великий московский князь – 127
Итенбург Г.С. – 10
Казакова С.В. – 55
Каппелер А. – 4, 5, 6, 19
Карликов В.А. – 60, 100
Карпов П.М. – 59, 100
Кассо Л.А. – 55, 75, 76
Корнева Н.М. – 55
Корнева Н.М. – 61
Корнилов А.А. – 6, 18
Корнилов И.П. – 20
Кулаковский А.В. – 61, 101, 124, 263
Лаурсон А.М. – 31, 32
Левитин С. – 33, 34
Лор Э. – 20
Лукьянов С.А. – 22
Луппов П.Н. – 60, 99, 263, 224
Любарская Т.Г. – 55
Любарская Т.Г. – 61
Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский М.А. – 60, 99
Макарова В. – 20
Малиновский Н.П. – 12, 18, 19, 21, 22, 29, 31, 33
Мамантов А.С. – 61, 100

- Махмутова А.Х. – 75, 80
 Менкин Е.В. – 61, 82, 99, 170, 214, 235
 Мещерский И.И. – 60, 100, 263
 Миллер А. – 7
 Милотин Н.А. – 172
 Михаил Федорович – 127
 Михайлов А.Н. – 61, 100
 Михайлов А.Н. – 60, 263
 Мишакова Н. – 7
 Муравьев Михаил Николаевич (1796–1866), гродненский, минский и виленский генерал-губернатор в 1863–1865 гг. – 124
 Н.К. (анонимный автор) – 37, 38, 39, 40, 44, 45
 Назарьевский И. – 17
 Наполеон – 8
 Невядомская, автор учебника по польскому языку – 124
 Немолодышев В.А. – 60, 99
 Нигалатий Е.М. – 19
 Нигматуллины-Буби – 75, 80
 Николай I – 6, 10, 14
 Николай II – 28, 75, 126
 Нил, архиепископ – 130
 Ососков А.В. – 37
 Остроумов А.А. – 98, 100, 101
 Павлов Н.И. – 60, 61, 81, 99, 100, 101, 124
 Паскевич И.Ф. – 207
 Перегудова З.И. – 61
 Петр I (Петр Великий) – 4, 124, 127, 129
 Петров А.В. – 61, 99, 100, 101, 130
 Платонников И.М. – 61, 101
 Позднеев А.М. – 61, 98, 100, 121, 123, 129, 263
 Прозоров П.И. – 99
 Проханов, инженер-технолог – 192
 Раскин Д.И. – 55
 Рождественский С.В. – 11, 12, 13, 14, 15, 16, 20, 21, 25
 Рождественский Т.С. – 99
 Романовы династия – 127
 Саматова Ч.Х. – 39, 46, 80, 81.
 Селезнев П. – 82
 Соковнин П.Н. – 60, 100
 Соловьев А.А. – 99
 Спешков С.Ф. – 61, 82, 98, 100, 263
 Столыпин П.А. – 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 59, 60, 62, 63, 75, 83, 85
 Сурин П.Ф. – 60, 100
 Тарунтаев П.М. – 59, 100
 Твардовская В.А. – 10
 Тихонов А. К. – 6, 10, 12,
 Толстой Д.А., гр. – 18, 19
 Тышкевич В.Ф. – 173
 Тяжельников В.И. – 61, 100
 Уваров С.С. – 11, 15
 Удовниченко С. – 99, 233, 263
 Удодов А.Г. – 22
 Усманова Д.М. – 48
 Успенский Мих. Ив. – 31
 Файзрахманов Г.Л. – 46
 Фархшатов М.Н. – 29, 63, 71, 72, 81
 Фон Кауфман П.М. – 47
 Френев Г.Н. – 60, 61, 100
 Харузин А.Н. – 55, 56, 85
 Хмельницкий Богдан – 124
 Хотеевков В.Ф. – 18
 Хусаинов Ахмет – 56
 Цейль (Покатов) С.В. – 60, 100
 Циунчук Р.А. – 4
 Чарнолуцкий В. – 30, 31, 32
 Чарторыйский А. – 12
 Червонная С. – 4
 Шацилло К.Ф. – 10
 Шварц А.Н. – 51, 52, 53, 55, 81, 210
 Эймонтова Р.Г. – 10
 Яковлев А.Н. – 3
 Ярослав Мудрый, кн. – 126

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Австрия – 7
Армения – 131
Архангельск, г. – 151
Астраханская губ. – 25, 36, 223
Астраханское царство – 127
Астрахань, г. – 93
Багдад, г. – 196
Бакинские промыслы – 196
Барвенково, с. – 151
Бахчисарай, г. – 194
Белорусские губернии – 12, 13
Белорусский уч. округ – 13, 14
Белостокская обл. – 12
Бессарабия (Бессарабская губ.) – 8, 32, 111, 222
Богодуховский у. – 151
Бухарский эмират – 8
Валка, г. Лифлянской губ. – 177
Варшава – 18, 61, 169, 234
Варшавская губ. – 18
Варшавский уч. округ – 13, 19, 29, 31, 30, 99, 105, 122, 123, 125, 207, 213, 259
Вейсенштейнский р-он – 126
Виленская губ. – 12, 29, 69, 152, 156, 253
Виленский у. – 154
Виленский уч. округ – 12, 13, 14, 18, 98, 122, 203, 240
Вильно, г. – 154, 155
Витебская губ. – 12, 69, 152, 154, 156, 253
Внутренняя Букеевская орда – 36
Войска Донского область – 32, 111
Волго-Уральский регион (Поволжье-Приуралье) – 27, 35, 50
Волынская губ. – 12, 13, 14, 32, 69, 111, 152, 154, 155, 156, 178, 191, 253
Восток – 5, 36
Восточно-Сибирский уч. округ – 128, 223
Вятская губ. – 25, 36, 75
Галиция – 156
Гальбштадт с. Таврической губ. – 51
Гамбург, г. – 191
Германия – 7, 126, 170, 181
Горошки, местечко Житомирского у. – 95
Гродненская губ. – 12, 29, 69, 152, 155, 156, 253
Грузия – 3, 226
Дагестан – 196
Дальний Восток – 128
Дерптский уч. округ – 12, 25
Дисненский у. – 154
Донская обл. – 200, 234
Евпатория, г. – 175
Евразия – 50
Европа – 6
Екатеринославская губ. – 32, 111, 191, 222
Житомир, г. – 169
Житомирский у. – 95
Забайкалье – 115
Забайкальская обл. – 201, 202
Закавказье – 22, 25, 196
Запад (Западная Европа) – 10
Западно-Сибирский уч. округ – 76, 223
Западный край (западные губернии, западные районы или окраины) – 4, 9, 10, 11, 14, 17, 26, 31, 32, 33, 69, 87, 152, 154, 159, 161, 164
Ижь-Бобья, д. Вятской губ. – 75
Измаилский у. – 8
Иран (Персия) – 3, 196
Иркутск, г. – 130
Иркутская губ. – 201, 202

- Иркутское генерал-губернаторство – 76
- Италия – 170
- Кавказ – 8, 11, 22, 32, 33, 93, 117, 120, 144, 146, 165, 166, 180, 197, 223, 234
- Кавказский уч. округ – 16, 76, 122, 224
- Казанская губ. – 36
- Казанский уч. округ (КУО) – 13, 24, 25, 36, 44, 59, 76, 98, 99, 122, 128
- Казанское царство – 127
- Казань, г. – 50, 75, 132
- Казахская степь (киргизские степи) – 4, 196
- Калишская губ. – 18
- Калишская губ. – 18
- Кельце, г. – 245
- Келецкая губ. – 18
- Келецкая, губ. – 18,
- Киев, г. – 63, 162, 169, 174, 254
- Киевская губ. – 13, 14, 69, 152, 155
- Киевский уч. округ – 14, 61, 156, 240, 253
- Ковенская губ. – 12, 29, 152, 155, 156, 159
- Кокандское ханство – 9
- Краков, г. – 124
- Крым – 32, 197
- Крымское ханство – 3
- Курляндская губ. – 25,
- Лидский у. – 154
- Лифляндская губ. – 25, 177
- Лодзи – 18
- Ломжинская губ. – 18
- Львов, г. – 124
- Люблин, г. – 235
- Люблинская губ. – 18, 154, 157, 161, 231
- Малмыжский у. – 75
- Мекка, г. – 196
- Мешед, г. – 196
- Минская губ. – 12, 69, 87, 152, 154, 156, 253
- Могилевская губ. – 12, 69, 152, 154, 156, 253
- Монголия – 121
- Москва, г. – 162, 163, 174, 187, 188, 189, 234
- Московская губ. – 234
- Московский уч. округ – 13, 36, 187
- Нахичевань-на-Дону, г. – 180
- Нижегородская губ. – 36
- Нижний Новгород, г. – 32, 194
- Новгород, г. – 126
- Новорадомск, г. Петровской губ. – 213
- Одесса, г. – 162
- Одесский уч. округ – 36, 61, 76, 122
- Оренбург, г. – 24, 75
- Оренбургская губ. – 25, 36, 36
- Оренбургский уч. округ (ОВО) – 24, 25, 36, 39, 44, 59, 76, 98, 99, 223, 224
- Орск, г. Оренбургской губ. – 24
- Османская империя – 7
- Ошмянский у. – 154
- Пензенская губ. – 36
- Пермская губ. – 25, 36
- Петровская губ. – 213
- Петроковская губ. – 18, 51, 91
- Плоцкая губ. – 18
- Поволжье (Поволжские губернии) – 35, 53, 56, 195, 196, 223, 234
- Подольская губ. – 12, 13, 14, 69, 152, 155, 156, 253
- Полтавская губ. – 230
- Приамурское генерал-губернаторство – 76
- Прибалтика (Прибалтийские губернии, Прибалтийский край, Остзейский край) – 9, 20, 25, 29, 31, 32, 33, 33, 66, 69, 83, 91, 105, 107, 111, 115, 117, 118, 120, 150, 153, 215, 222, 226, 230, 234

- Приволжский край – 36, 46, 47, 53, 70
 Приуралье – 4, 35
 Причерноморское побережье – 222
 Радомская губ. – 18
 Речь Посполитая – 11
 Рига – 169, 192
 Рижский (быв. Дерптский) уч. округ – 105, 122, 125, 126, 127, 142, 177
 Рим, г. – 176
 Россия (Российская империи, империя, Российская держава) – 3, 4, 5, 6, 7, 9, 11, 28, 30, 31, 33, 34, 35, 46, 49, 50, 51, 52, 53, 55, 62, 65, 74, 85, 89, 93, 95, 102, 103, 112, 113, 114, 115, 120, 121, 124, 126, 128, 132, 145, 153, 163, 164, 171, 172, 194, 201, 246
 Россия Азиатская – 126, 197
 Россия Восточная – 26, 35, 37
 Россия Европейская – 126, 197, 232
 Россия юго-восточная – 35, 37
 Россия, восточная окраина – 115
 Россия, юг – 50
 Русское государство – 130
 Русь – 126
 Самарская губ. – 25, 36, 51, 90
 Санкт-Петербург, г. – 95, 98, 133, 160, 162, 163, 169, 174, 192, 223, 224, 234, 254, 260
 Санкт-Петербургский уч. округ – 13
 Саратовская губ. – 25, 36, 51, 90
 Свенцянский у. – 154
 Север – 5
 Северные губернии – 234
 Северо-западный край (северо-западные губернии) – 69, 83, 87, 143, 150, 153, 222, 234
 Седлецкая губ. – 18
 Седлецкая губ. – 18, 210
 Сибирь – 3, 232
 Сибирь Восточная – 61
 Симбирская губ. – 25, 36
 Симферополь, г. – 24
 Среднее Поволжье – 7
 Средняя Азия – 8, 50
 СССР – 24
 Ставропольская губ. – 223
 Старая Буда, с. Волынской губ. – 178
 Степной край – 8
 Сувалкская губ. – 18
 Сумера, гора – 129
 Таврическая губ. (Таврида) – 32, 47, 51, 111, 191, 222
 Татария (Татарская АССР) – 24
 Тифлис, г. – 32, 166, 180, 234
 Томашево, г. Петроковской губ. – 51, 90, 177
 Тросский у. – 154
 Тургайская обл. – 36
 Туркестан (Туркестанское генерал-губернаторство) – 8, 35, 59, 76, 98, 99, 115, 197, 223, 226, 240
 Турция – 128
 Уральская обл. – 36
 Уфа, г. – 75, 194, 232
 Уфимская губ. – 25, 26, 45, 197
 Финляндия (Великое княжество Финляндия) – 3, 8, 54
 Франкфурт, г. – 191
 Франция – 170
 Фриденсфельд, с. Херсонского губ. – 95, 191
 Харьков, г. – 162, 174, 191, 234, 254
 Харьковская губ. – 151
 Харьковский уч. округ – 12, 13, 14, 36
 Херсонская губ. – 32, 95, 111, 191, 222
 Хивинское ханство – 8
 Холмская Русь – 69, 151, 152, 155, 159, 161, 253
 Хомская губ. – 154
 Царство Польское (Польша, Привислинский край, Привислинские губернии) – 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11,

13, 14, 17, 18, 20, 26, 30, 31, 32,
33, 66, 72, 73, 83, 86, 87, 91, 107,
111, 113, 114, 115, 117, 118, 120,
124, 160, 170, 171, 172, 173, 179,
202, 207, 208, 209, 218, 219, 220,
222, 230, 231, 234, 235, 236, 237,
238, 240, 241, 243, 259, 261
Центральные губернии России – 240,
262
Шлиссельбург, г.– 151

Шуша, г. – 180
Эриван, г. – 180
Эстляндская губ. – 25, 126
Эчмиадзин, г. – 180
Юго-западные железные дороги –
151
Юго-западный край (юго-западные
губернии) – 25, 83, 87, 222, 234
Якутская обл. – 223

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
ВОУО – Вестник Оренбургского учебного округа
г. – город
гр. – граф
губ. – губерния
д. – деревня
ДДДИИ – Департамент духовных дел иностранных исповеданий
ДНП – Департамент народного просвещения
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
КДА – Казанская духовная академия
кн. – князь
КТУШ – Казанская татарская учительская школа
КУО – Казанский учебный округ
МВД – Министерство внутренних дел
МНП – Министерство народного просвещения
обл. – область
ОКВ – Оренбургское казачье войско
ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание
ОУО – Оренбургский учебный округ
ПСЗ–3 – Полное собрание законов Российской империи.
3-е собрание
РГИА – Российский государственный исторический архив
с. – село
Св. Синод – Святейший Синод
СПМНП – Сборник постановлений по Министерству народного
просвещения
у. – уезд
уч. округ – учебный округ
ЦКУО – Циркуляр по Казанскому учебному округу

СОДЕРЖАНИЕ

Основные направления школьной политики правительства в национальных регионах в 1802–1907 годах (<i>И.К. Загидуллин</i>).....	3
Межведомственное совещание при МНП 1910–1911 годов: причины созыва, подготовка, ход и решения (<i>И.К. Загидуллин</i>)	49
ЖУРНАЛ межведомственного совещания при МНП о постановке школьного образования в местностях с инородческим и инославным населением. 1910–1911 гг.	83
I. Об употреблении в школе инородческих языков	105
II. Об учебниках на инородческих языках	122
III. О преподавании в учебных заведениях инославного Закона Божия и вероучений	133
IV. Конфессиональные учебные заведения, открываемые для учащихся одного исповедания (инославного) или вероучения	149
A. Частные конфессиональные учебные заведения с преподаванием общеобразовательных и специальных предметов	150
Б. Конфессиональные учебные заведения – духовные и светские, открываемые для подготовки инославных вероучителей и учителей начальных школ	175
В. Вероучительные школы (протестантские кантораты, еврейские хедеры, мусульманские – мектебе и караимские школы)	207
V. О надзоре за инородческими и инославными учебными заведениями	220
[Постановления совещания]	245
Примечания	264
Список использованных источников и литературы	276
Именной указатель	284
Территориально-географический указатель	286
Список сокращений	290

**Межведомственное совещание 1910–1911 годов о постановке
школьного образования в местностях с инородческим
и инославным населением: Журнал**

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева*

Подписано в печать 29.08.2017 г. Формат 60×84 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 18,25 Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а

Тел./факс: (843) 231-05-46,

231-08-71, 231-04-19

E-mail: citlogos@mail.ru

www.logos-press.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф